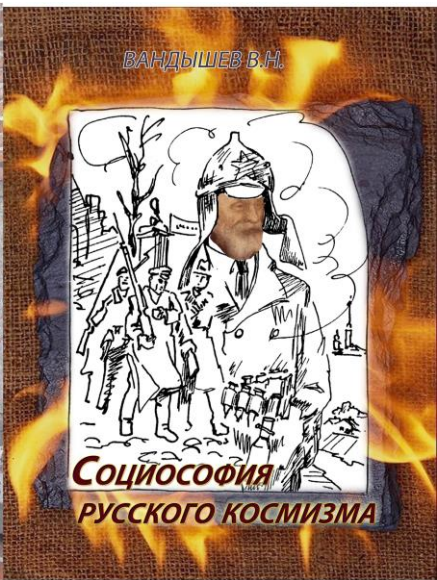

Валентин Николаевич Вандышев —
 др. философский наук (1990), профессор (1991),
 зам. ректора философского СибГУС (1991 г.).
 Среди научных интересов: история государственной
 идеологии, история философских школ европейского
 Возрождения и Реформации, философия науки,
 философия культуры и цивилизации, философия и
 искусство, религия и идеология, философия,
 политология.
 В 2000-2002 гг. подготовил и издал труды Юрия
 Давыдова. Автор 12 монографий, 13 учебников и
 учебных пособий, составил 19 коллективных
 монографий (СССР, Украина, Польша, Чехия,
 Германия). Всего опубликовал более 250 научных
 и научно-методических трудов.
 Основатель 15 и членом более 260
 научно-педагогических и научно-исследовательских
 конгрессов в СССР,
 Украине, Польше, Чехии

ВАНДЫШЕВ В.Н. СОЦИОСОФИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА

ВАНДЫШЕВ В.Н.

Социософия
РУССКОГО КОСМИЗМА

проф. В.Н. Вандышев

**СОЦИОСОФИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА
или**

**«ОБЩЕЕ ДЕЛО»
РОДИОНА ВЕЧНОГО**

*Рекомендовано ученым советом
Сумского государственного университета
в качестве монографии*

**Сумы
Издательство СумГУ
2009**

ББК 87я73.3
В 17

*Рекомендовано до друку вченою радою
Сумського державного університету
(протокол №1 від 11.09.2009 р.)*

Рецензенти:

д-р філос. наук, професор **В.А. Малахов** (Київ, Інститут філософії НАНУ);
д-р філос. наук, професор **Н.В. Хамітов** (Київ, Інститут філософії НАНУ);

Вандишев В.М.

П 14 Соціософія російського космізму, або «Спільна справа» Родіона Вічного: Монографія. – Суми: Вид-во СумДУ, 2009. – 164 с.

ISBN 978-966-657-234-2

У монографії досліджено глибинну сутність вчення М.Ф. Федорова. Послідовно і змістовно викладено історію становлення і розвитку ідеї повернення до життя людей, які, згідно природи людини залишили цей матеріальний світ. Автор показує особливості світосприймання ряду вітчизняних вчених і політичних діячів на перетині XIX–XX сторіч.

Цілісно і системно відображено філософські і соціально-етичні ідеї, які визначали діяльність лабораторії, вченим якої вперше в історії науки вдалося досягти клонування і суттєвого подовження життя людини.

Заслуговує на прискіпливу увагу історико-політичний фон, на якому розгортаються події на протязі майже трьох чвертей сторіччя. Автор показав вплив деяких філософських та естетико-етичних ідей на подальшу долю вітчизняного життя.

Матеріал монографії призначено, насамперед, спеціалістам з філософії, біології, медицини; також він може бути корисним студентам і аспірантам.

ББК 87я73.3

© В.М. Вандишев, 2009

© Вид-во СумДУ, 2009

ISBN 978-966-657-234-2

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В НАЧАЛЕ

Когда новая философская идея входит в мир, ее встречают по-разному разные люди.

Один человек с жадностью ухватится за любое философское произведение в стремлении выяснить, насколько оно поддерживает его собственные взгляды. Для такого человека сама философия имеет незначительную важность. Ее основная ценность будет заключаться в подтверждении ею *его* идей. Если работа оправдывает его ожидания в этом смысле, он примет ее с энтузиазмом и вцепится в нее мертвой хваткой с самой безрассудной приверженностью. Если же – нет, он, скорее всего, отложит книгу с отвращением и разочарованием, с чувством, словно автор нанес ему обиду.

Другой начинает смотреть на книгу весьма скептически, как только он обнаружит, что она содержит нечто, чего *он* до сих пор не читал, не слышал или над чем сам не задумывался. Он, вероятно, отметит, как несправедливое, обвинение в том, что его отношение – это верх самодовольства и нетерпимости. Но, увы, это так и есть, потому что человек закрывает свой ум перед любой истиной, которая по трезвому размышлению могла бы изменить и его личную жизнь.

Обе эти категории людей сами себе заслоняют свет, опираясь на свои «незыблемые» идеи и принципы. Малый ребенок в этом отношении – прямая противоположность взрослому. Он не пропитан непреодолимым чувством надменного знания, он не обязан выглядеть мудрым или скрывать свое незнание предмета за презрительной усмешкой. Малый ребенок откровенно невежествен, он свободен от предвзятых мнений, а потому он в высшей степени обучаем! Он воспринимает все с тем очаровательным отношением доверия, которое называется «детской верой» и в котором нет и тени сомнения.

Во всех школах, которые призваны дать человеку высшее знание, ученика учат прежде всего забыть все, чему его учили до сих пор. Здесь следует культивировать то состояние ума, которое верит, что все возможно. Всеми фибрами своего существа человек должен сознавать, что сейчас он видит мир через стекло, а значит, – смутно.

Социософия русского космизма или «Общее дело» Родиона Вечного

Часть первая

Глава первая. Рафаил Гриневский

*Опереться можно только на то,
что сопротивляется*
Элифас Леви

Наши мысли не появляются из ниоткуда и, естественно, в никуда не исчезают. Когда нас что-то очень сильно беспокоит, длительное время не отпускает, то это не что иное как реакция, возможно, на некое воздействие из прошлого, а, возможно, – это запрос из будущего.

Сказанное в самом общем плане, однако, касается одной важной темы, которая вызывала у меня много вопросов: философия «общего дела» Н.Ф. Федорова (1828–1903). Едва ознакомившись с его основной работой, я был уверен, что идеи Федорова получили практическое развитие не только на уровне теории и практики ракетоплавания К.Э. Циолковского (1857–1935) и основных принципов селекции растений И.В. Мичурина (1855–1935), но они непременно должны были воплотиться и в теорию, и в практику воскрешения живых организмов. Более того, я чувствовал, что «вожди», преобразователи отечества и мира на квазикоммунистических началах многое скрыли, и что учение должно было *и непременно сработало* и в сфере социально-экономических преобразований общества. «Но кто мог быть реальным последователем Н.Ф. Федорова в означенных сферах?», – вот вопрос, которым я задавался много раз. Впрочем, никаких достоверных сведений по этому поводу в литературе я не находил.

Несомненно, что в жизни есть некая неотвратимая закономерность, некоторый промысел Всевышнего ли, Абсолютной Истины или чего-то еще недоступного несовершенному разуму человеческому.

Я имел возможность убеждаться в этом неоднократно и мне казалось, что трудно удивить меня еще чем-то. Но вот, находясь в качестве professor-visiting в краях Варминско-Мазурских, в дивном городе Ольштыне, созерцая красоты окружающей природы и замок-крепость, в котором творил великий мыслитель Николай Коперник, я получил приглашение от директора института философии профес-

сора Евы Старжиньской-Костюшко посетить Фромборк, место многолетнего служения и вечного упокоения Коперника.

Ранним ноябрьским утром 2007 года мы, группа университетских профессоров, отправились на автомашине во Фромборк. Путь наш был неблизкий, предполагалось посетить попутно и другие значительные исторические места. Первым на нашем пути был небольшой городок Орнета. Здесь, возле старинного костела, мы с профессором Мечиславом Ягловским и доктором Мартой Сливой оживленно обменивались впечатлениями от увиденного. Я отошел немного в сторону от коллег и здесь, очевидно, отреагировав на мой русский язык, ко мне подошел пожилой человек в одежде священника. Он слышал наш разговор, обращения и реплики.

– Пан профессор? Из России? – обратился он ко мне на достаточно хорошем русском языке.

– Так, пане, я профессор Вандышев, але з Украины, – ответил я.

– А чем занимается пан профессор Вандышев?

– Преподаю философские дисциплины. Интересуюсь творчеством польских мыслителей, в частности творческим наследием Николая Коперника. Поэтому сейчас мы и едем во Фромборк.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что мой собеседник – каноник местного капитула, который ряд лет служил также и во Фромборке. Он поинтересовался какой философией я занимаюсь, ненавязчиво вчинил легкий «допрос» по курсу европейской философии, особенно напирая на экзистенциализм и психоанализ, и, по видимому, остался доволен результатами.

– А не интересовался ли пан профессор философией Николая Федорова? – спросил он меня.

– А как же можно излагать историю русской философии, не обращаясь к истокам философии русского космизма, а тем более к философским идеям одного из ее столпов? – ответил я вопросом на вопрос.

На прощание каноник поинтересовался, чем я занимаюсь в Польше, сколько еще намерен пробыть здесь, где буду в ближайшие дни. Я ответил на все его вопросы и мы расстались. На прощание я подал ему свою визитку.

Каково же было мое удивление, когда через пять дней, войдя в аудиторию, я увидел там старого каноника, сидящего рядом с деканом факультета за преподавательским столом. Они встали, приветствуя меня. Декан представил каноника:

– Знакомьтесь, пан профессор, – доктор Рафаил Гриневский.

– Весьма рад, – ответил я, – хотя я уже имел удовольствие беседовать с паном доктором.

После этого декан удалился, а каноник попросил меня не обращать на него внимания и проводить лекционное занятие. Я заметил, что лекция будет посвящена именно философии русского космизма.

– Я знаю график ваших лекций, – улыбнулся он. – Как раз на ней я и хотел бы поприсутствовать. Я с большим удовольствием посижу, а потом, если вы не возражаете, мы поговорим по одному, очень важному для меня вопросу.

После лекции нас пригласил в свой кабинет декан, – как оказалось земляк каноника, – где мы могли за чашкой кофе и бутербродами спокойно побеседовать. Декан, после того как мы обменялись несколькими несущественными фразами, оставил нас вдвоем.

– Вы никогда не задумывались над тем, какую роль сыграла философия общего дела Н.Ф. Федорова в истории России и более широко, в мировой истории? – спросил меня доктор Гриневский.

– Почему же, задумывался. Несомненно для меня то, что его философия серьезно повлияла на жизнь и деятельность Константина Циолковского, Ивана Мичурина, ряда писателей и деятелей Октябрьской революции. Вижу я в ней и некую скверну, о чем писал в своих учебниках философии, – ответил я.

– Это очень хорошо! – удовлетворенно воскликнул каноник.

После этого он достал из портфеля объемистую старую папку с веревочными завязками и с поклоном передал ее мне.

– Здесь вы найдете много интересного об учении Федорова, о его учениках и противниках, о судьбах учения. Я думаю, что именно вы сможете довести до ума эту рукопись. И я рад, что, наконец, в свои восемьдесят три смогу снять с себя груз вины за то, что не справился с обещанием, которое дал одному человеку.

– Откуда папка?

– Это не важно... Впрочем я расскажу. В феврале 1941 года, когда мне исполнилось 17 лет я был взят на службу в органы контрразведки по соответствующему ведомству, поскольку мой отец был польским коммунистом, одним из руководящих работников Коминтерна и много лет жил в Москве. В 1936-37 годах отец был в Испании. Вернулся здоровым и невредимым. Но с начала 1939 года своего отца я больше не видел. Мне сказали, что он выполняет особое задание и вернется не скоро. Когда же началась война против Польши, я поверил в то, что миссия отца действительно может затянуть-

ся. Тем более, что ходили упорные слухи о неизбежности расширения войны на восток.

Буквально в первый же месяц службы меня направили на квартиру одного старого уважаемого человека. На месте выяснилось, что задача заключалась в доставке от него книг и разнообразных документов в архив ведомства. Опытные спецы перебирали бумаги, книги и папки перед диваном, на котором полулежал старый хозяин квартиры, и по его указке сортировали их. Наконец, все было разобрано, уложено, увязано и отнесено к машине.

Здесь каноник остановился, приумолк и предложил выпить еще по чашке кофе.

– Может быть, зайдем ко мне в гостиницу, – предложил я.

– А что же, давайте зайдем, – согласился тот.

Университетская гостиница, в которой я проживал, находилась метрах в четырехстах от учебного корпуса. Но возле университета каноника ожидал новенький «Мерседес», на котором его и привезли к университету. Машина доставила нас к университетской гостинице и мы с каноником поднялись в мои апартаменты. Я быстро сообразил на стол, спросив гостя, чем у он отдает предпочтение, коньяку или водке.

– Ай, какой с меня выпивоха, – усмехнулся пан Рафаил. – Впрочем, немного водки выпью. Наливайте.

– Да, пан Рафаил, Вы остановились на том, что все отнесли к машине...

– Отнесли, отнесли. Но хозяин-старик, с трудом проводив нас к машине, попросил командира опергруппы, если я не очень ему нужен, оставить меня на часок помочь по делам стариковским. Майор приказал мне остаться, сколько потребуется. Машина отъехала.

Мы вернулись в квартиру. Хозяин отлучился на кухню и теперь я смог более внимательно рассмотреть убранство жилища. На стенах висели фотографии, любительские картины, книжные шкафы были плотно заставлены книгами и журналами. Бросалось в глаза, что среди книг было очень много сочинений по биологии, химии и физике. Да и журналы преимущественно были этого же направления. Что совсем меня поразило – литература по астрологии и алхимии. Хозяин обратил внимание на мой интерес к этим книгам.

– В какой школе учился? Нравятся естественные науки?

Я смутился.

– Просто я не думал, что здесь будет так много книг?

– Нам требуется многое знать, – заметил хозяин. – Ну ладно, давай знакомиться. Меня зовут Родион Валентинович.

– Очень приятно, Рафаил Гриневский.

После моих слов Родион Валентинович приумолк на минуту, как бы не решаясь что-то сказать. Наконец, он вскинул голову и сказал:

– Я сразу почувствовал, поэтому и попросил оставить... А отца твоего звали Збигнев?

– Да, точно, Збигнев. – А откуда вы знаете?

Ответа на мой вопрос не последовало. В свою очередь он резко спросил:

– Вот что, Рафаил. Ты язык за зубами держать умеешь?

– Если надо, то сумею.

– Тогда возьми эту папку и сохрани ее в надежном месте. Насколько я чувствую, лет через пятьдесят, пожалуй, ее материал можно будет и опубликовать, а сейчас нельзя. Еще долго будут трудные времена.

– А что будет со мной в эти пятьдесят лет? – неожиданно вырвалось у меня.

Старик внимательно посмотрел на меня, взял в свою руку мою ладонь, внимательно посмотрел и на неё и промолвил.

– Жить будешь долго. Ничего страшного не случится.

– И счастливо?

– Ну, насчет счастья, – это ты сам узнаешь. И что такое счастье, и что такое жить счастливо. А папку, все-таки, лучше передай на хранение кому-нибудь из тех, кому доверишь. Есть такие?

Я покраснел, вспомнив Наташу, мою одноклассницу.

– Есть кому. А прочитать то, что в папке можно?

– Я же сказал, через пятьдесят лет.

Потом, желая исправить свою резкость, он добавил:

– Рукопись написана мною. Прочтешь, когда закончится война.

Но будь осторожен, там упоминаются имена, которые сегодня не в фаворе.

– Что, разве война будет?

– Будет, и будет очень долго. Не переживай, ты будешь жить долго-долго! И пятьдесят, и потом еще...

– Родион Валентинович, почему опубликовать можно будет через пятьдесят лет?

– Потому что есть история, есть закономерности, есть для некоторых и роковая зависимость. Но я вижу, что я тебя заинтриговал. Так рассказать, почему?

Старик достал листок бумаги, крупно написал: 02 часа 45 минут, 8 ноября 1917 года, Петроград. И пояснил:

– С этого момента, с момента ареста Временного правительства, и началась история страны, в которой ты родился. Естественно, что всё, что когда-то рождается, когда-то и умирает. Так ведь?

Из дальнейшего мне стало известно, что карта рождения (гороскоп) нового государства демонстрирует готовность перешагнуть все дозволенные и недозволенные границы. А Уран – одно из главных действующих лиц карты рождения, а посему, по природе его, ему подавай что-то всемирное, что-то грандиозное и впечатляющее. Здесь Родион Валентинович подчеркнул:

– Проанализировав Радикс, я пришел к выводу, что для нашего пролетарско-крестьянского государства *сила* – единственный аргумент и закон. Стало понятно, что человечество будет иметь дело с явлением мирового масштаба. И события будут разворачиваться таким образом, что наша страна станет центром мировой коммунистической системы.

Здесь я не удержался и спросил:

– А разве можно точно вычислить момент рождения государства?

– Да, это совсем не просто. Из курса истории ты помнишь, что был выстрел «Авроры», были лихие матросы и солдаты, штурмующие Зимний дворец. Но никто и никогда не назвал точный момент, когда же началась новая эпоха в жизни народов Российской империи. А я тебе назвал, понятно?..

Старик продолжал свой анализ. Из его слов следовало, что Сатурн в судьбе нашей страны слаб, а деструктивные планеты Уран и Плутон – сильные.

Он опять задумался, с улыбкой что-то припоминая:

– Да, были интересные события в жизни! Помню, вскоре после открытия Плутона я имел возможность встречаться в Версале с умным человеком, с Андре Барбо. Мы разговорились по поводу роли Плутона в судьбе России. Он тоже много размышлял по поводу перспектив мировой истории...

– А кто такой этот Барбо? – спросил я.

– О, – это величина, – это известный французский астролог. Очень он ненавидит и нашу страну, и саму идею коммунизма, и фанатичных строителей социализма в том числе...

Здесь старик вернулся к прерванному анализу. По его мнению при слабом Сатурне и сильных Уране и Плуtone выживание нашей страны возможно лишь за счет каких-то мощных внешних источников энергии, поскольку система затрачивает энергии много больше, чем вырабатывает. Он упомянул и замысловатое выражение: «диссипативная структура».

Я, конечно, понимал тогда, что Родион Валентинович скорее размышляет сам для себя, хотя чувствовал, что мое присутствие его не сковывало. При последних словах своих, почувствовав мое недоумение, он пояснил:

– Государство сильно сознательностью масс, пониманием людьми того, что происходящее вокруг рассчитано на их сознательное, заинтересованное участие в общем деле. Но если декларации и реалии расходятся, тогда энергию надо брать извне. Это или полезные ископаемые, или национальные сокровища (картины, антиквариат, драгоценности), которые можно продавать в другие страны, или энергия насилия над своими же согражданами: конфликты, постоянное напряжение, поиски врагов, страх, подавление индивидуального и прочая, и прочая...

Он еще некоторое время описывал мне гороскоп страны, в которой я родился и жил. Что-то говорил о жребии смерти, о Солнце во втором доме, о Юпитере и о коммунизме как символе веры... Но я уже ничего толком не помню.

– А свою судьбу лучше определить самому себе, – точно припоминая что-то своё, сокровенное, с непонятым напряжением выговорил, завершая нашу беседу, Родион Валентинович.

Мы оба замолчали, пауза затянулась.

– Родион Валентинович, извините, я заметил, что вы носите револьвер...

– Да, – это память о Георгии Валентиновиче Плеханове... Слышал о таком? Пока револьвер со мной – я хозяин своей жизни! А сейчас уходи. Когда встретишь отца своего, передай ему привет от Альбурнуса.

При этом старик грустно улыбнулся. Только в середине 1980-х я узнал, что мой отец был расстрелян в августе 1939 года. Неужели старик знал об этом? – до сих пор я себя спрашиваю. И думаю, что

знал, а иначе почему у него тогда вырвалось: «А отца *звали* Збигнев?»

– Запомни, Альбурнус.

Он на клочке бумаги крупно написал: «ALBURNUS». И тотчас же сжег клочок вместе со своим астрологическим расчетом над пельницей.

– Что обозначает «Alburnus»? – спросил я.

– Потом, если желание знать останется, узнаешь, – уклонился от ответа старик.

– А Вечный – это ваша фамилия?

– Нет, – это партийный псевдоним.

На этом мы и расстались. Папку я занес к Наташе, попросив не открывать и никому не передавать. Она пообещала.

Служба меня закрутила. Примерно через месяц я с товарищами давал прощальный троекратный салют на могиле старика. На временном надгробии прочитал: «Родион Валентинович Вечный. VIII/1857 – III/1941».

Потом была война, спецзадания, ранения, плен, концлагерь немецкий, концлагерь советский... В 1957 году я переехал в Польшу в родной город моего отца. Закончил духовную академию, стал священником. С началом Перестройки приехал в Москву, узнал о судьбе своего отца, получил амнистию для него и для себя. Разыскал Наташу. Среди вороха старых книг и журналов она сохранила папку. Я прочитал текст. Но этот Alburnus всегда был у меня перед глазами.

– Пане Рафаил, а почему вы решили передать рукопись именно мне?

– Всё и просто и непросто. В ночь после нашей встречи в Орнете мне приснился сон. Мы сидим с Родионом Валентиновичем в каком-то полуподвальчике, пьем чай. При этом он говорит, как мне показалось, с угрозой: «Уже без четверти двенадцать, а скоро пробьет и двенадцать... Ты передал привет Alburnus'у?» Я проснулся с чувством неясной тревоги. Конечно, я не глубокий знаток и не ярый приверженец психоанализа, но что-то по этому поводу читал по приезду в Польшу, в молодости. После утренней службы я сел и задумался, что может означать сон. Пришел покойник к старому человеку, а мне уже как и ему восемьдесят три года, и говорит о двенадцатом часе. Сначала я подумал, что зовет неотлагательно к себе. Думаю, что и это верно! Но здесь же я вспомнил, точнее, откуда-то из глубин памяти всплыло есенинское, а стихи Сергея Есенина я люблю!: «... прохрипят мой двенадцатый час...». И я сообразил: пришло

время выполнить поручение Вечного. Но почему Alburnus? И здесь почему-то рука сама собой потянулась к оставленной вами визитке. Я на нее сразу особого внимания и не обратил: прочитал фамилию, имя. Сейчас же я взял и прочитал адреса. Трудно передать мое удивление когда я прочитал вот это, написанное мелким шрифтом: alburnus! И оказалось, что вы, пан профессор, и есть alburnus? Так ведь?!

– Так, это мой электронный адрес, – в свою очередь не менее взволнованно ответил я.

– Ну что же, пан профессор, значит рукопись нашла того, кого и требовалось. Мои вопросы к вам, и вы это легко поймете, прочитав рукопись, не были беспредметными. Название книге дадите сами. Уверен, что вы сумеете ее довести до ума и издать. Три старика из прошлого ждут этого от вас. Я скоро уйду, мешкать не буду. Родион, по партийной кличке – Вечный, не захочет ждать долго...

Мы попрощались. На следующий день я оставил Ольштын. Рафаил Гриневский оставил этот мир, насколько мне стало известно, через месяц. Надеюсь, со спокойной душой. Возможно, Небо будет ко мне милостиво, и когда-нибудь мне удастся еще побывать в Орнете, найти и проведать могилу пана Рафаила.

Уже по дороге домой я начал изучать подаренный мне текст. В тексте были пропуски, явно видно было, что некоторые листы изъяты. Подавляющее большинство упоминаемых в рукописи имен – это известные из отечественной истории люди. Некоторые имена, очевидно, скрыты за псевдонимами. Естественно, что наибольший интерес мой вызвало имя главного героя – Родиона Валентиновича Вечного. Поскольку человека, с таким именем нигде обнаружить мне не удалось, я сделал несколько запросов: в Музей истории Октябрьской революции, в архив КГБ СССР и в некоторые другие архивы. Полученные ответы были неутешительны: «Таковой в архивных списках не числится».

Многое пришлось уточнить в рукописи, опираясь на известные исторические факты. Ряд моментов, вызывавших у меня внутреннее субъективное неприятие, я оставил без изменений, понимая, что автор знал, о чем пишет.

Ну, а пока, хотя я и не брал на себя никаких обязательств, книгу подготовил и издаю. Истинно, рукописи не горят.

Глава вторая. Николай Федорович Федоров

И создалъ Господь Богъ челоѡвѡка
изъ праха земнаго и вдунул
въ лице его дыханіе жизни;
и сталъ челоѡвѡк душою живою
(Бытіе: 2, 7)

Случаются в Москве в июле весьма жаркие и душные вечера, когда тянет поближе к тенистым местам, к пруду или парку. В один из таких ранних вечеров, в конце июля 1875 года по Тверской, в сторону от центра не спеша двигался молодой человек лет восемнадцати. Был он углублен в себя, шел не обращая внимания на прохожих. Временами он ускорял шаг, но потом опять шел медленнее. Глядя со стороны, можно было предположить, что у него была цель, но что-то при этом его и тревожило. Ненадолго он остановился возле магазина братьев Пате, послушал «говорящую машину» и отправился дальше. Если бы кто-то захотел проследить, куда идет юноша, то обнаружил бы как он углублялся в лабиринт узких улочек.

На улице жара была страшная, к тому же чем дальше шел молодой человек, тем больше ему, как и другим прохожим, докучала кирпичная и известковая пыль, летевшая со строительных лесов, во множестве встречавшихся на пути. Вонь, распространявшаяся со дворов, из открытых дверей распивочных и кабаков, ругань пьяных и другие атрибуты вечернего города еще больше дополняли неприглядный колорит его. Возле одного из кабаков юношу задержал «холодный» сапожник, предложив подремонтировать ботинки. Но от услуги молодой человек отказался. Здесь мы должны описать несколько вид его. Ростом он был много выше среднего, стройный, сложен гармонично, а волосы русые и хорошей формы карие глаза еще больше усиливали приятное впечатление от юноши.

Молодой человек ускорил шаг и вскоре он, похоже, достиг своей цели. На углу одной из улиц он встретился с молодым человеком годами двумя старше его. Прислушавшись к первым репликам встретившихся, мы узнали бы, что нашего молодого человека зовут Родионом, а друга его, потому что встретились они по-дружески, – Иваном. Молодые люди прошли мимо очередного кабака, рядом с огромным домом, выходявшем одной длинной стеной на канаву, за которой располагался казенный дом, а другой в нужную им улицу.

Дом этот состоял из множества мелких жилищ, населенных кухарками, портными, девицами, живущими от себя, незначительными чиновниками и людьми с сомнительным прошлым и не менее сомнительными источниками существования. Входявшие и выходявшие из дома сновали туда и сюда, на что с привычной подозрительностью и вниманием взирали два или три дворника в весьма грязных фартуках.

Внезапно начался шум, крики, непонятное движение. Молодые люди насторожились.

– В «Подкове» кого-то пришили, – услышали они. За полицией побежали...

Из кабака высыпали его завсегдатаи «коты» со своими «марухами».

– Убили, убили..., – с криками забегали мальчуганы из соседних домов.

Молодые люди вместе с другими любопытными протиснулись в квартиру на втором этаже, где в просторной комнате на полу в луже крови лежал человек лицом вниз, в одной рубашке, обутый в лакированные сапоги с голенищами гармошкой. Из спины, под левой лопаткой, торчал нож, всаженный вплотную. Нож был с большой, причудливой формы, медной блестящей рукояткой. Присутствующие шушукались и из их шепота можно было узнать, что убитый был «кот», а убийца отомстил ему за карточный долг. Но убийцу не нашли, люди не сказали, говорили: «хороший человек». Тут явилась и полиция, пристав и местный доктор, всеобщий любимец П.Д. Воротников.

– Ловкий удар! Прямо в сердце, – определил он.

Стали писать протокол. Спрашивали о происшедшем у присутствующих. Говорили много, но бестолково. Пристав ничего не узнал по сути происшедшего.

– Где нож? Нож где? – спросил вдруг доктор.

Но ножа нигде не обнаружили. Полиция засуетилась.

– Я сам его сию минуту видел! Сам видел! – волновался молодой пристав.

При этом присутствие двух незнакомых молодых людей в комнате насторожило пристава.

– Степан Михайлович Каледин, пристав, – представился он юношам, вплотную подойдя к ним и расспрашивая их о том, что они здесь делают.

Полученными ответами пристав удовлетворился, хотя при этом и весьма подозрительно осмотрел их одежду. Взгляд его задержался на объемистой книге, которую Иван держал в руке.

– Что это?

– «Государство» Платона.

– Вот как? Где-то обучаетесь?

– Занимаюсь самообучением, изучаю естественные науки...

После немалых поисков нож нашли. Его во время случившейся суматохи кто-то из присутствовавших вытащил из покойного и заложил за полбутылки в «Утюге», кабаке в соседнем квартале.

Молодые люди вышли из дома на улицу. Заходящее солнце отразилось в окнах пятиэтажного дома напротив. В этом доме Бунина, который отличался более пристойной репутацией, жило много постоянных обитателей, существовавших поденной работой вроде колки дров и очистки снега, а женщины ходили на мытье полов, уборку, стирку как поденщицы. Жили здесь и профессионалы-нищие, и разные мастеровые. Много было портных, которых называли «раками», потому что пропив все, полуголые они почти и на улицу не выходили. Занимались тем, что перешивали старье для базара. Порой среди ночи раздавался стук в квартиру «раков». Это воры приносили охапку дорогих шуб, лисьих ротонд и прочей одежды. Утром являлись за товаром барышники и уже охапками несли на базар шапки, жилеты, картузы, штаны и прочее. А в это время полиция продолжала искать шубы и ротонды.

Впрочем, несмотря на произошедшее разбирательство по случаю убийства, дворники исполняли свой долг и обратили внимание и на проходивших мимо юношей. Одеты оба были достаточно бедно и чувствовалось, что это их удручает. Особенно заметно это стало, когда они подошли к дверям находившегося неподалеку приземистого особняка, расположенного в глубине небольшого запущенного сада. В ответ на стук в дверь на крыльцо вышел человек видом подобный старцу и, как показалось Родиону, возрастом далеко за шестьдесят. Родион внутренне подобрался, почувствовав своеобразие «старца». От человека исходило какое-то внутреннее спокойствие, непоказная оригинальность, невыразимое своеобразие.

Молодые люди поздоровались, Иван представил Родиона Николаю Федоровичу (так звали «старца») и тот пригласил их в дом. Пройдя пустую прихожую, гости оказались в просторной комнате. Убранство комнаты поразило Родиона. Кроме большого сундука, накрытого стеганым одеялом, просторного стола и шкафа с книгами

в комнате ничего больше не оказалось. После того как все уселись около стола, Родион смог более внимательно рассмотреть хозяина жилища. Впечатление значительных лет его усугублялось одеждой, очень старой и ветхой, но вовсе не грязной и рваной, а какой-то удивительно на нем уместной, не нарушавшей общего его благообразия. Сам его вид как будто являл образ его сердечной общности со всеми и всем неизбежно стареющим, уходящим из жизни, ветшающим.

Иван передал книгу «старцу», поблагодарив его.

– Ну как вам эта работа? – спросил Николай Федорович.

– Мне понравились прочитанное, – ответил Иван. Но я не все принимаю. Особенно не все мне понятно в рассуждениях Платона о государстве и о власти философов. Хотя я вполне принимаю его идею о том, что и в совершенном обществе должны быть рабы.

– Философы имеют свои резоны, – заметил Николай Федорович. Читать надо без изъятий, вчитываясь и вдумываясь в логику писателя.

И он продолжил объяснять Ивану содержание платоновских идей. Но Родион почти не слышал того, что говорилось, мало понимая суть разговора. В этой ситуации его больше поражало выражение лица «старца». При большой подвижности умных и проницательных глаз, тот весь светился внутренней добротой. Тем более поражал в этом человеке неожиданный избыток жизни, энергии и ума.

– В рассуждениях Платона надо ценить существенное, – продолжал Николай Федорович. Все дело в том, как мы воспринимаем реальное и долженствующее быть. Мир дан нам не на поглядение, и не созерцание мира – цель человека. Человек всегда считал возможным воздействовать на мир, изменять мир согласно своим желаниям. Поэтому задача человека и человечества в целом заключается в отказе от пассивного созерцания мира, от отвлеченной метафизики, а перейти следует к определению истинных ценностей, к установлению должного порядка вещей. Человечество в лице своих наиболее подготовленных лидеров-философов должно выработать план преобразовательной деятельности на пользу всех и в этом смысл нового радикального поворота к философии настоящей общей задачи.

– Но как следует понимать реальность? – спросил Иван. Как можно определить, что есть реальное, а что есть нереальное? Как возможно их познавать? Существует ли истина, о которой говорил Иисус Христос? Кто есть тот, кто может слышать голос Его, кто есть от Истины?

Здесь Родион, наконец, опять осознал, где он находится, начал вслушиваться в содержание происходящего разговора, пытаясь не утрачивать центральную нить этого разговора.

– Вот, вот, – заметил Николай Федорович. Реальность, которая может быть познана человеком, – это та реальность, которая сотворена самим человечеством. Именно лишь сотворенный человеком мир, его творение станет для него до конца проницаемым, а значит, и познаваемым.

Здесь он извинился, ненадолго вышел из комнаты и вернулся обратно с чайником кипятку, несколькими стаканами и куском белого хлеба.

– Будем пить чай – сказал Николай Федорович. Вы, молодые люди, наверное, уже проголодались.

Здесь вновь раздался стук в дверь и хозяин отправился встречать очередного гостя. Вернувшись с молодым человеком, которого отличали пышная шевелюра на голове, усы и длинная борода, Николай Федорович представил его:

– Знакомьтесь, Владимир Сергеевич Соловьев, доцент кафедры философии Московского университета.

После взаимных приветствий и знакомства с доцентом, который лишь в конце прошлого года защитил в Петербурге магистерскую диссертацию, все уселись за стол. Во время чаепития разговор сконцентрировался на обсуждении предстоящей научной командировки молодого ученого в Лондон, где он намеревался изучать «индийскую, гностическую и средневековую философию». Он спрашивал мнения Николая Федоровича относительно тех работ и исследований, которые могли бы помочь ему лучше исполнить свои планы.

Но вскоре, после непродолжительного отвлечения, разговор продолжился в русле уже начатого выяснения смысла учения Платона. Новый гость оказался подобно хозяину весьма эрудированным как относительно содержания учения, так и возможных его приложений к реальной жизни. Заговорили о справедливости.

– Гуманистическая теория справедливости, – заметил Соловьев, – выдвигает три основных требования или предложения. Первое – это эгалитаризм или предложение устранить «естественные» привилегии. Второе – общий принцип индивидуализма, а третье – принцип, в соответствии с которым задача и цель государства – защитить свободу своих граждан.

Сказанное вызвало оживление у присутствующих. Родион, впервые присутствующий при таком разговоре задумался над смыс-

лом того, что есть эгалитаризм, и попросил объяснить ему это более подробно.

– Извольте! – сразу же согласился Соловьев. Собственно эгалитаризм – это требование, чтобы к гражданам государства относились непредвзято. На тех, кто дает гражданам законы, не должны влиять такие вещи как рождение, родственные связи и богатство граждан данного государства. Иначе говоря, закон не признает каких бы то ни было «естественных» привилегий, хотя граждане могут наделять определенными привилегиями тех, кому они доверяют. Этот эгалитаристский принцип прекрасно сформулировал Перикл за несколько лет до рождения Платона. Перикл уверен, что законы предназначены, чтобы дать всем нам в частных делах равные возможности. Уважением человек пользуется по заслугам. И его позицию вполне поддерживали Еврипид, Антифонт, Гиппий и Геродот. И Антисфен – ближайший друг Сократа, также был сторонником эгалитаризма.

Николай Федорович понимающе улыбнулся, побуждая Ивана своим взглядом к реакции на сказанное. И тот не задержался, чтобы высказать своё мнение.

– Но ведь эгалитаристы стоят на позициях натурализма, – вмешался Иван. Сказать людям, что они равны – значит затронуть их чувства. Но куда более вдохновляет человека идеолог, когда он внушает тому, что он превосходит других, что другие ему подчинены. Ведь неправда же, что мы по природе равны нашим слугам, черно-рабочему, наконец, каторжнику, который немногим лучше животного! Люди по природе не равны, поэтому нельзя уравнивать их и по закону.

– А как быть с принципом индивидуализма? – спросил Родион Ивана.

– Индивидуализм должен быть отвергнут в принципе. Только коллективизм, только совместная работа на благо укрепления стабильности государства может иметь смысл в гармоничном обществе.

– Вот именно, – включился в разговор Николай Федорович, очевидно почувствовав неготовность Ивана к дальнейшей аргументации. Индивид должен подчиниться интересам целого, будь то вселенная, город, род, раса либо любой другой коллектив. Ведь вдумайтесь, всё, что возникло, возникает ради всего в целом. Бытие это возникает не ради тебя, а, наоборот, ты – ради него. Поэтому Платон прав, полагая, что человек, который не может поступиться своими интересами ради целого, – себялюбив.

– Минуточку, минуточку, – загорелся Соловьев. Вы несколько путаете понятия. Ведь коллективизм не противоположен эгоизму и не тождественен альтруизму или отсутствию себялюбия. Весьма распространен коллективный, или групповой эгоизм и Платон это прекрасно знал. Более того, антиколлективист, или эгоист, вполне может оказаться альтруистом. Может статься, что он готов пожертвовать собой, чтобы помочь другим людям. И, вероятно, лучший пример такой установки – это Чарльз Диккенс, если внимательно всмотреться в галерею героев его произведений. Хотя, согласно Платону и большинству платоников, альтруистический индивидуализм в принципе невозможен.

– Но почему всё же Платону столь неприятен индивидуализм, почему он на него нападал? – снова вмешался в беседу Родион.

– О, у Платона – аристократа до мозга костей, была сверхъестественная социологическая интуиция, – отвечал ему Соловьев. Он безошибочно распознавал врага, где бы он ни встретился. Индивидуализм в Древней Греции был составной частью старой интуитивной идеи справедливости. И защитники этой справедливости, в отличие от Платона, пеклись не о здоровье и гармонии в государстве, а об определенном способе отношения к личности. Посмотрите, насколько различны позиции Перикла, говорившего, что «мы не раздражаемся на тех, кто делает что-либо в свое удовольствие» и Платона, заметившего, что государство не даёт «им возможность уклоняться куда кто хочет».

Все присутствующие какое-то время в задумчивости допивали остывающий чай.

– Вот и теперь, – продолжал Соловьев, – как мне представляется, этот объединенный с альтруизмом индивидуализм стал основой западной цивилизации. Иисус Христос также призывал «возлюби ближнего своего», но не «возлюби род свой». Этот же принцип лежит и в основе практического учения Канта. И вообще, ни одна другая мысль не оказала такого мощного влияния на нравственное развитие человечества, как эта.

– Владимир Сергеевич, да я ведь и не против того, что Вы отстаиваете, – торопливо заметил Николай Федорович. Я хочу сказать о другом. Я хочу сказать о том, что, несмотря на индивидуальные предпочтения и интересы любого человека, всех людей должна объединять какая-то общая цель, какая-то общая задача, даже, я бы сказал, – общее дело.

– Я не хотел бы думать, что это «общее дело» какой-то аспект платоновского коллективизма, – отвечал Соловьев. Да, кстати, где у Вас «Законы» Платона? Спасибо. Читаем: «Самое главное здесь следующее, никто никогда не должен оставаться без начальника – ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда – и на войне, и в мирное время – надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям... Пусть жизнь всех людей будет всегда возможно более сплоченной и общей... Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям».

Здесь Соловьев остановился и задумался. Николай Федорович при этом достал из стола несколько листов бумаги, исписанных мелким почерком, местами строки были зачеркнуты, местами пестрели восклицательными и вопросительными знаками. Молодые люди также молча наблюдали за происходящим.

– Да, так вот снова о том, что мне представляется истинно важным для человечества в целом, а не для отдельных его групп или представителей, – прервал затянувшееся молчание Николай Федорович. – Конечно, каждый человек должен иметь право на удовлетворение своих личных интересов и даже в какой-то мере и своих здоровых амбиций. Философы ныне говорят о разумном эгоизме, что, вероятно, могло бы сблизить многих в вопросе о гармонии коллективного и индивидуального. Для меня же гораздо важнее, чтобы общество ученых и предпринимателей занялось задачами не детскими, а достойными нашего времени.

– Николай Федорович, а вот мы в начале говорили о том, что такое реальность, – перебил его Иван. Вы заметили, что реальность, которая может быть познана человеком, – это реальность, которая им и создана. Но ведь, если следовать Платону, вначале реальность сотворяется в голове. Тогда и получается, что познать можно то, что ты уже знаешь?

– Нет, нет, надо идти дальше, – задумчиво отреагировал Соловьев. – Даже совершенномудрый философ ничего придумать не в силах, ибо всё уже извечно известно. Однако философ может припомнить то, что он познал в занебесной сфере, и принять эту идею как руководство к действию.

– Я думаю, что Божий промысел постичь человеку не дано, – сказал Николай Федорович. – Но Господь наделил человека способ-

ностью мыслить и творить. То, что Кант считал недоступным знанию, есть предмет дела, но дела доступного лишь для людей в их совокупности, в совокупности самостоятельных лиц, а не в их отдельности, не в розни. Именно таким образом и может разрешиться противоречие между коллективным и индивидуальным.

– А в чем же этот предмет общего дела, что может объединить людей? – спросил Соловьев.

– Я думаю, что таковым должно стать воскрешение всех прежде живших, всех «сущих во гробех».

– Ну, Николай Федорович, это Вы дерзнули. Не рук и ума человеческого это дело! Да к тому же и совсем разные это понятия: находиться в гробах, будучи похороненными вследствие смерти, и быть «сущими во гробех».

– Не будем спорить о понятиях; сейчас это не главное. Но как раз, Владимир Сергеевич, сегодня наука и промышленность могли бы начать решать задачу воскрешения всех живших прежде, а не заниматься производством ненужных игрушек и орудий истребления себе подобных.

Здесь Соловьев задумчиво закивал головой, но не стал продолжать дискуссию, а заторопился домой. На улице уже наступали сумерки. Николай Федорович забеспокоился о безопасности уходивших гостей, предложил им оставаться, но все они дружно вышли из дому и пройдя в молчании вместе несколько кварталов, вскоре разошлись каждый в свою сторону.

Глава третья. Сиддхартха

До своего дома, точнее до каморки, в которой Родион проживал у своей дальней родственницы, было достаточно далеко. И Родион в наступающей темноте размышлял над тем, что его более всего поразило в содержании беседы, при которой он присутствовал.

Иван Мичурин, с которым он недавно случайно познакомился на Сухаревском базаре, занимал должность товарного кассира станции Козлов (Рязано-Уральская железная дорога), будучи одним из помощников начальника той же станции с окладом 12 рублей в месяц. Изредка приезжал в Москву, помогая в делах своему дяде. Как смог понять Родион, из состоявшегося при знакомстве разговора, Иван времени свободного имел немного, но очень любил читать, хотя и признался, что пока читает бессистемно, ибо хочет понять смысл жизнь и научиться предугадывать будущее. Сейчас вот увлекся философией Платона, о которой весьма путано рассказывал ему приезжавший в гости к сестре пожилой приват-доцент. Спасибо, ему помог Николай Федорович, который служит в Румянцевском музее, в большой московской библиотеке. Тот ему и начал давать разные солидные труды и не только Платона. При этом Иван не жалел красок, живописуя достоинства и эрудицию Николая Федоровича. Родиона же, приехавшего в Москву из Калуги, сразу же заинтересовал и рассказ Ивана, и перспектива встречи с эрудитом-библиотекарем.

Итак, приближаясь к своему жилью и размышляя над перипетиями беседы, Родион для себя уяснил несколько важных вещей, даже скорее не уяснил, а предстал перед необходимостью ответить на несколько вопросов. Больше всего его поразила перспектива воскрешения людей, которые давно уже умерли. «Так недалеко и до жизни вечной, до жизни райской на земле. Ведь став жить вечно, люди не будут столь алчными и жестокими. Хотя...», – размышлял над сутью дела Родион. Вот это «хотя» семнадцатилетний юноша как раз и не мог сформулировать удовлетворительным для себя образом. Поразило его однако открытие, неожиданно им сделанное: его неумная страсть к постижению Вечного. Как молнией оно его обожгло: «А не является ли все происходящее со мною неким перстом, указующим на моё предназначение? Не суждено ли мне стать причастным к великому делу воскрешения для вечности?».

Но кроме вновь открытого и разные иные допущения теснились в его голове. Опять же и неясно, как связаны между собой душа и

тело. Может ли жить душа вечно? Такого рода мысли настолько захватили Родиона, что он долго ворочался на кровати и уснул только когда первый луч восходящего солнца скользнул по потолку его камеры.

На следующий день, по случаю дня рождения сына, тетка угостила Родиона славным обедом и милостиво подарила ему рубль. Родион вдохновился, вспомнил свои вчерашние размышления о вечном и отправился на Сухаревку в надежде купить кое-какие книги, которые могли бы помочь ему прояснить наболевшие вопросы.

В те времена палаток букинистов на Сухаревке было до тридцати. Здесь можно было приобрести всё, что душе угодно. Если не найдется нужный том какого-нибудь разрозненного сочинения, только закажи, к следующему воскресенью достанут. Много даже редчайших книг можно было приобрести только здесь. Библиофилы не пропускали ни одного воскресенья. Да и букинисты не теряли времени даром, шесть дней разыскивая товар по частным домам, усадьбам и чердакам, скупая целые библиотеки у наследников. Существовала определенная категория скупщиков книг – «стрелков», которые перепродавали их букинистам, собиравшимся на Рождественке, в Большом Кисельном переулке и на Малой Лубянке. Книжная биржа функционировала четко и каждый библиофил знал каждого букиниста, а последний знал, сколько тот может заплатить и сколько заплатит.

Букинисты любили и студенческую бедноту, поэтому когда Родион приблизился к палатке, где внимательно рассматривали книги несколько любителей, его любезно приняли.

– Что ищет господин студент?

Родион задумался, пытаясь как можно четче сформулировать свой интерес.

– Мне бы что-нибудь о душе, – наконец выразил он свое желание.

Букинист улыбнулся, а собравшиеся сразу же повернули головы в его сторону, с любопытством прислушиваясь к диалогу. Чувствовалось однако, что букиниста пожелание никак не обескуражило. Деловито порывшись под прилавком, он достал несколько брошюр, а также указал пальцем на две книги, лежавшие на прилавке перед Родионом.

– Вот извольте взглянуть на это.

Родион начал смотреть оглавления, разворачивать книги, пытался понять, о чем в них идет речь. Прошло несколько минут и по-

чувствовав неловкость он, ткнув пальцем в одну из книг, спросил о ее цене.

– Для вас один рубль семьдесят копеек, – отвечивал продавец. – Поверьте, это недорого. Я уступил сколько можно студенту. А брошюры отдам по тридцати копеек.

Родион задумался, прикидывая возможности своего бюджета. Но здесь к нему обратился весьма пожилой мужчина с явными восточными чертами лица, уже несколько минут искоса поглядывавший на него.

– А что вы нашли в этих книгах? – спросил он.

– Не знаю пока, но буду читать.

– Но нельзя же читать только потому, что хочется что-то читать.

Пойдем со мной, поговорим о душе, – предложил мужчина.

Родион не стал упираться, поблагодарил букиниста и пошел с «индусом», как он для себя определил мужчину. Они зашли в тихий трактир, как позже узнал Родион, – трактир Григорьева. Игры здесь не было, поэтому было тихо. Сели возле окна, за столик, за который их пригласил сам хозяин, который судя по тому как он приветствовал «индуса», был с ним на короткой ноге.

– Как поживаете, господин Сиддхартха? Как ваша торговля? С чем новым пожаловали к нам?

– О, все хорошо! Вот молодой человек о душе своей задумался, помочь надо.

– Да, это ваша работа, вы поможете, нисколько в том не сомневаюсь.

Сиддхартха заказал две пары чаю, сайки, какие-то восточные сладости. И пока принесли заказанное он неторопливо начал разговаривать с Григорьевым. Родион пока сидел молча и оглядывался по сторонам. Кругом, в низких прокуренных залах, галдели гости, после полудня некоторые уже подвыпившие. Среди них сновали торгаши с мелочным товаром, бродили вокруг столов случайно проскользнувшие нищие, гремели кружками монашки-сборщицы. Вдруг в трактир влетел оборванец, выпил стакан водки и пытается убежать. Его задерживают половые. Крикнули с поста городского, важного, толстого. Узнав, в чем дело, он плюнул и, уходя, ворчал:

– Из-за пятака правительство беспокоить!

Посидев немного с гостями, хозяин встал из-за стола, извинился и пошел по своим делам.

– Да, – оживился Сиддхартха, – так о чем мы хотели поговорить?

– О душе я хотел бы узнать побольше, и ещё о жизни вечной, – выпалил сразу наболевшее Родион.

– Едва ли в трактире получится обстоятельный разговор, – заметил Сиддхартха. Но попробовать можно.

Из дальнейшей беседы наших гостей мы узнаем, что Родион намеревается поступать теперь на учебу в Московский университет на юридическое отделение. В свою очередь, его визави рассказал немного о себе. О своих занятиях говорил уклончиво, но пригласил в гости, сказав, что живет сам в Златоустенском переулке в доме Медынцева.

– Хочу тебя сразу разочаровать касательно жизни вечной на материальном плане. Бог не может ошибаться, а ведь он всегда убивает стариков и заменяет их детьми. Это означает, что он верит в детей больше, чем в стариков. Стариков нужно выбросить, избавиться от них, теперь их нельзя использовать. Бог верит в новое, а человек – в старое. Бог всегда верит в новый лист, вот почему с дерева падает лист старый, пожелтевший. И он заменяет его новым свежим, молодым. Бог вечно молод и нов, и такова же религия, но авторитеты...

– Извините, – перебил Родион, – но это же не логично. Человека, достигшего огромных знаний, наконец, обладающего большим жизненным опытом, надо ценить, надо сделать все возможное, чтобы продлить годы его жизни...

– Если посмотреть на божественное творчество вокруг себя, можно почувствовать, что в нем есть некое безумие, так как к тому времени, когда человек становится мудрым, бог его извлекает из лона жизни. Вам исполнилось восемьдесят четыре года или около того, вы прожили свою жизнь, прошли все ее стадии, много узнали, накопили опыт, и к тому времени, когда вы стали мудры, он вам говорит: «Давай, уходи из жизни». И он заменяет вас на малое дитя, вас сменяет маленький ребенок, который ничего не знает. Похоже, бог больше любит невинность, а не знание, и больше любит свежие листья, чем старые, поблекшие. И так это и должно быть, так как жизнь должна быть молода, – заключил Сиддхартха.

– Вы сказали восемьдесят четыре года. Почему именно столько?

– Ну, не надо так придирааться, – улыбнулся Сиддхартха. – Я ведь добавил «или около того». Да к тому же я имею в виду нормального человека, а не любого, кого привычно принято называть человеком.

Родион на минуту задумался, так как его неприятно поразило вот это «нормального». На его уточняющий вопрос Сиддхартха от-

ветил весьма уклончиво, намекая на молодость юноши и на то, что сейчас это не важно. Но настойчивость юноши, очевидно, всё-таки вызвала у него желание каким-то образом удовлетворить любопытство того.

В результате он поведал Родиону, что человек – это универсальный архетип или Ману. Но листке бумаги Сиддхартха нарисовал пирамиду, сложенную из кругов. В нижнем ряду было семь кругов, а в последнем седьмом – один.

– Двадцать восемь – это число триединого человека: человека как духа, души и тела, – заметил индус. Это же есть и число совершенного индивида. Но поскольку полностью должна развернуться каждая составляющая человека, то и получается, что период времени жизни человека – восемьдесят четыре года. Каждый цикл также подразделяется на четыре периода по семи лет.

Из дальнейшего изложения Родион запомнил, что согласно древней индуистской традиции в первые двадцать восемь лет в норме человек совершенствует своё психофизическое тело, осуществляя свою наследственность, прошлое своей семьи и расы. И тогда он может родиться вновь, но уже как индивидуальная самость. Следующие двадцать восемь лет могут быть использованы для того, чтобы человек разграничил, отчасти взял и отчасти отбросил то, что предлагает ему прошлое человечества. Таким образом, на этом фундаменте человек создает свою собственную индивидуальность, структуру своей индивидуальной самости. И если эта структура полностью завершена, он достигает в возрасте пятидесяти шести лет момента, когда в нем рождается всемирный Дух.

Здесь Сиддхартха остановился, реагируя на вопрос Родиона.

– Откуда же берутся несчастные, неудовлетворенные собой и своей жизнью люди? Наконец, откуда появляются пьяницы, воры, убийцы и всякие иные недостойные люди?

– Из жизни обыденной, – заметил старый индус. – Эти люди не осуществили себя вполне уже в первом круге своей жизни. Очевидно, души их попали не на ту почву, на которой могло прорасти зерно божественной благодати. Знаний, воли, свободы духа у них не достало...

– Это такая судьба?

– Что значит судьба? Каждому человеку дается шанс. Редко когда обстоятельства складываются идеально, всегда возникают какие-то препятствия, всегда человеку надо их преодолевать на своем пути.

– Так есть судьба или нет? – продолжал настаивать Родион.

– На судьбу ссылаются только лентяй и трус. Наоборот! Каждый держит в руках свою жизнь на этой земле и в вечности. Каждый сам, добровольно, действием своей свободной воли открывает себе врата жизни и неба или врата ада и смерти.

Здесь Сиддхартха прервал свою речь, внимательно посмотрел на Родиона, как бы поощряя его к размышлению, и продолжил:

– То, что мы называем судьбой – это только наши склонности, наши предрасположения, которые нам даны как средство жизни. Застынем на них – станут нашей судьбой, так как эти наклонности и страсти могут опутать только человека нравственно низкого, человека, равнодушного к своей жизни. Если же сможем из всего, что на нас влияет, сделать рычаг нашей свободы, выиграем этот бой, а с ним и жизнь.

Чувствуя, что не следует проявлять излишнюю назойливость, Родион поблагодарил пожилого индуса за угощение, за внимание и пообещал непременно воспользоваться его приглашением в гости. На этом и расстались.

Вдохновленный состоявшимся разговором, Родион радостно отправился домой. Многие из сказанного старым индусом глубоко запало в душу Родиона, он переживал сказанное, пытался удержать центральную нить разговора в своей памяти. Формулировал вопросы о свободе, о волевых качествах человека, о судьбе, одним словом, вопросы, которые ему казались важными для следующего разговора.

Спустя несколько дней, направляясь в гости к старому Сиддхартхе, Родион мысленно представлял себе ту обстановку, в которой мог жить этот человек. А между тем богатый старик индус, к которому шел Родион был известен в Москве и о нем ходило много легенд. Жил он в Златоустенском переулке в доме Медынцева совершенно одиноко. Что это был за человек, никто толком не знал. Одни говорили, что торгует он восточными товарами, другие считали его за дисконтера. Вероятнее всего, что и первое, и второе предположения имели основание. К нему иногда ходили какие-то восточные люди, он был окружен сплошной тайной. Восточные люди вообще жили тогда в подворьях Ильинки и Никольской. И Сиддхартха жил в таком переулке, где днем идет бойкая торговля, а ночью ни одной души не увидишь. Кому какое дело – живет старый индус и живет! Мало ли какого народу в Москве.

Убранство квартиры поразило Родиона. В той комнате, которая очевидно была гостиной индуса, все стены были увешаны тяжелыми коврами со сложными и загадочными орнаментами. На полу лежал

огромный и толстый ковер. В дальнем от окон углу комнаты стоял на столике аршинный Будда литого золота. В другой, соседней комнате, которая выполняла функцию кабинета и спальни в огромных книжных шкафах располагалась библиотека, стоял большой кожаный диван, который, очевидно, служил хозяину кроватью.

На кухне, небольшой, но очень чистой и уютной пахло смесью восточных пряностей. Сюда и пригласил Сиддхартха гостя, угощая его различными восточными сладостями и чаем. После непродолжительного чаепития они перешли в центральную комнату и уселись на ковре подле золотого Будды. Хозяин молчал и в задумчивости смотрел на Родиона. Тот не выдержал молчания и спросил:

– Вы не сказали о том, что будет с человеком после завершения второго круга жизни.

– Что же здесь еще добавить, – неторопливо начал Сиддхартха. – Когда в человеке рождается всемирный Дух, он устремляется к созданию символического купола храма – подобия небесного свода, который есть символ Бога. И завершив третий круг, достигнув возраста около восьмидесяти четырех лет, человек переходит в другие сферы, сознательно и без потери личной идентификации, если он создал для себя «тело бессмертия».

– Такой переход возможен для каждого? – спросил Родион.

Старик не стал отвечать на его вопрос и продолжил:

– Ты ищешь истину, ты хочешь найти ее, беседуя с разными людьми, желая некоторых из них сделать своими учителями?

Из дальнейших его объяснений Родион узнал, что ни одно учение, ни одна доктрина не может быть истинной. Она может быть истинной для некоторых людей, но для других людей она будет неистинной. Вот почему в мире существует так много доктрин. Существует Будда, существует Иисус, существует Мохаммед, такие полностью различные люди, и все истинны.

– Но ведь люди избирают для себя то учение, которое им ближе, – заметил Родион.

Незамедлительно последовало возражение. Суть возражения Сиддхартхи была в том, что люди ленивы. Узнав, случайно ли, намеренно ли, содержание некоторого учения, они цепляются за него как за некий душевный порядок, не желая слышать ничего, что противоречит этому учению. Впрочем, люди могут выстраивать в душе такой порядок не один раз, потому что они не сознательны.

– Что значит, не сознательны? – удивился Родион.

– Значит то, что не следует создавать в себе порядок, не следует иметь внутри то, что мешает тебе воспринимать мысли другого человека, внутренне сопротивляясь позиции другого. Именно поэтому людям трудно продвигаться на пути к нашему внутреннему естеству, которое есть наше «не-я».

Здесь Родион почувствовал, что разговор становится для него трудным. Сиддхартха продолжал:

– Я хочу тебя еще спросить: «Ты страдаешь?»

Родион молча кивнул головой и добавил:

– Если «страдаешь» и «переживаешь» означают одно и то же, тогда, да.

– Во всяком случае не следует переживать из-за такого пустяка как отсутствие жизни вечной. Поверь, вся природа радостна, вся природа всегда празднует – без страха и без тревоги. Существование, бытие продолжает существовать, но человек – это проблема. Почему это так? И любой человек – проблема. Люди, подобные Будде или Иисусу Христу, те, *кто дома*, чья жизнь – экстаз, а не страдание и не тревога, редки. Где-то человек стал неправильным, – не отдельный конкретный человек, но человеческое общество как таковое стало неправильным. Когда рождается ребенок, общество начинает его изменять в соответствии с ненормальным образцом. Но именно из-за этого порядка все и страдают. А что произойдет с людьми, если все станут жить вечно? Какой колоссальный объем противостояния тогда войдет в жизнь!

– Вы последователь учения Будды, – спросил Сиддхартху Родион.

– Родион, я тебе уже объяснял, что ни одно учение, ни одна доктрина не может быть истинной. Она может быть истинной для некоторых людей, но для других людей она будет неистинной. Что же касается буддизма, то он сосредоточивает основное внимание на просветлении, которого достиг Будда. Просветление еще также называют «бодхи». «Будда» и «бодхи» происходят от одного и того же корня «будх», что означает «будить» или «осознать что-либо». Поэтому Будда – это пробужденный от сна относительной условной жизни.

Далее старый индус поведал Родиону, что доктрина Будды основана на его просветлении. Она ставит себе целью помочь каждому из нас достичь этого просветления, так как буддизм не есть нечто, находящееся вне нас. Будда был последовательным «индивидуалистом» и требовал от своих учеников и последователей, чтобы они

ценили свой собственный опыт, а не просто полагались на авторитет более высокоразвитой личности.

– Абсолютная истина – это сам дух, свободный от всех форм, внутренних и внешних, а посему никакие слова не могут описать его. Да и получит ли вопрошающий сколько-нибудь полное удовлетворение от философского объяснения или определения. Да, он увеличит свой умственный багаж, но рассеет ли это его сомнения? Нет. Простое накопление знаний и изношенных временем понятий в действительности является самоубийством и далеко от реального пробуждения. Но дело в том, что нет лучшего объяснения, чем реальный опыт, и что только опыт этот нам и необходим для того, чтобы самим стать Буддой.

Родион почувствовал усталость от восприятия сложной темы, поблагодарил хозяина и собрался уходить. На прощание Сиддхартха дал ему маленький золотой брелок с изображением Будды и попросил помнить о сказанном.

– О вечной жизни не думай. Живи здесь и сейчас. До нас – пустота, и после нас – пустота, – сказал он твердо напоследок, притворяя за собой двери.

Глава четвертая. Илья Сергеевич Донат

И изгнать Адама, и поставил на востокъ
у сада Едемскаго херувима
и пламенный мечъ обращающийся,
чтобы охранять путь къ дереву жизни
(Бытiе: 3, 24)

И снова Родион остался один на один со своими сомнениями и мыслями. Что-то узнал он о душе, но едва ли что-то о жизни вечной. Спустя некоторое время он решил еще раз встретиться со старым индусом, послушать старика, задать вопросы, памятую, что любые ответы не приближают к истине. Но хотелось встретиться.

Уже поздней осенью, подойдя к дому, он обнаружил, что на дверях квартиры Сиддхартхи висит большой замок. Родион решил немного подождать хозяина, однако тот всё не появлялся. Тогда Родион постучал в дворницкую, поскольку изрядно замерз. Вышел дворник, дожевывая кусок.

– Чего тебе? – грубо спросил он Родиона.

– Я хотел зайти к Сиддхартхе, к старику, к индусу, – робко сказал Родион.

– Зайдешь, а то как же, но только на кладбище с ним теперь встретишься.

Родион оторопел. Ведь всего несколько месяцев прошло со дня их последней встречи. Впрочем, из дальнейшего разговора с дворником выяснилось, что индейца (как называл его дворник) в конце лета нашли мертвым в квартире. Все было внешне в порядке: следов грабежа не видно. В углу, на столике по-прежнему стоял аршинный Будда литого золота, замки не взломаны. Явившаяся на вызов полиция, пыталась найти преступников, но вследствие неясности ситуации успехов не добилась. Драгоценности целыми сундуками направили в хранилище Сиротского суда: бриллианты, жемчуг, золото, бирюза – пудами. Напечатали объявление о вызове наследников. Буйный торг пошел на Сухаревке!

– Бирюзу горстями покупали, жемчуг, бриллианты... – с подвыванием и сюсюканием поведал дворник.

Впрочем, он весьма толково объяснил Родиону, на каком кладбище похоронили «индейца».

В ближайшее воскресенье с утра Родион отправился на указанное кладбище. День выдался достаточно теплый, немного пригревало солнце. Легонько вздыхал над могилами ветер, шелестела густо опадавшая листва. В осеннем шорохе кладбища слышна была покорная грусть, вызывавшая какие-то особенно прямые и честные мысли о жизни, о людях.

Родион шагал по запутанным тропам среди бесчисленных могил; видя сквозь просветы в деревьях и высоком кустарнике купол церкви и золоченный крест колокольни, возвышавшийся над всеми крестами могил. В молитвенный шорох высохшей травы, как казалось Родиону, победоносно вплеталась песня жизни, бесшумно перепаркивали темные птицы: полет их заставлял вздрагивать и недоверчиво смотреть – птица ли?

В золотом трепете полуденного солнца, тесно заселенное кладбище казалось Родиону как бы колышущимся, бугры могил напоминали море после бури, когда ветер упал. За оградой торчали дымящиеся трубы маслобоек, свечных и мыловаренных заводов, пятна крыш казались разноцветными заплатами, лежащими на темном рубище города. И как всевидящие очи жмурились на солнце слуховые окна чердаков. С другой, противоположной стороны кладбища похаживали куры, похожие на торговков, а рыжие петухи напоминали пожарных.

Оглянувшись, Родион заметил, что между могил, точно следя за ним, мелькала темная фигура какого-то старика. Поношенная шляпа его качалась среди крестов, словно чудная птица. Седоусый старик с аккуратной бородкой передвигался легко и, наконец, встал перед большим памятником серого гранита, внимательно читая надпись. Проходя мимо Родион также обратил внимание на эпитафию:

«Жизнь окончена, вот итог:

жил не так как хотел,

жил как мог».

Старик тем не менее никак не отставал и постоянно был на виду у Родиона. Лицо у него явно не русское, одет был в темно-синее пальто, на шее черный галстук пышным бантом заметно оттенял серебро плотной бороды клинышком. При этом руку он поднял к шляпе, точно отдавая дань усопшему офицеру сорока лет, внимательно читал надпись и одним глазом смотрел на Родиона. Тому было неприятно и он шел дальше, думая о том, как же найти могилу Сидхарти.

На следующей дорожке кладбища стали попадаться люди. Шлялся какой-то подвыпивший безумный купец, который искал могилу своей жены Наташи, погребенной за тысячу верст отсюда. На это указала ему почтенная госпожа Ткачёва, которая стояла у могилы своего сына, погибшего во время кутежа. Родион видел и другие темные, безмолвные фигуры завсегдатаев кладбища. У него складывалось о них впечатление как о людях, которые всю жизнь безмолвно связаны с кладбищем крепкими цепями каких-то негаснущих воспоминаний. Ходят они точно не погребенные мертвецы в поисках удобных могил, жизнь оттолкнула их, смерть – не берет.

Ветер, сорвавший листву с деревьев, обнажил сучья и черные гнездовья грачей и галок стали похожи на истлевшие головы в мохнатых шапках. Родиону казалось, кто-то оторвал их и воткнул на деревья вокруг белой, сахарной церковки во имя великомученика Варфоломея.

Старик, на которого обратил внимание Родион, неожиданно встал у него на дороге, поднял руку и, строго указывая на белый камень памятника, громко прочитал:

– Под сим крестом погребено тело раба божия почетного гражданина Пафнутия Петровича Прусова. И – всё!?

Он поправил шляпу, сунул руки в карманы пальто и смерил Родиона строгим взглядом темных, не по стариковски ясных глаз.

– Ничего не умеют сказать о человеке, – раб божий, только! Но – почему раб удостоен гражданами почета?

– Может быть, жертвователю какой-нибудь...

Старик, обрадованный тем, что на его реплику прореагировали, с негодованием топнул ногой о землю и внушительно заметил:

– Напишите-с!

– Что написать? – спросил Родион.

– Всё, и возможно подробней!

Старик, по-солдатски широко шагая, пошел вперед, в глубину кладбища, жестом приглашая Родиона последовать за ним. Так они продолжали рядом идти дальше. Старик был по плечо Родиону, шляпа совершенно скрывала его лицо, а юноша шел наклоняя голову, желая заглянуть ему в глаза.

– Так – нельзя! Вновь заговорил старик негромко и мягко, точно жалуясь. Так обнаруживается наше дикарство, наше невнимание к человеку, к жизни вообще.

Выхватив руку из кармана, он очертил в воздухе широкий круг:

– Что этим знаменуется?

– Смерть, – то ли полуутвердительно, то ли полувопросительно молвил Родион, пожав плечами.

Здесь старик резко взмахнув головой, показал, наконец, тонко выточенное, острое, но приятное лицо. Усы его дрожали, когда он говорил, отчеканивая старославянские слова:

– «Смертию смерть всеконечне погублена бысть», – знаете этот богородичен? То-то-с!

Шагов двадцать они прошли молча, быстро виляя по капризной кладбищенской тропе, потом старик вдруг резко остановился, повернулся лицом к Родиону, снял шляпу и протянул ему руку.

– Будемте знакомы, молодой человек: штабс-капитан Илья Сергеев Донат, служил по государственному коннозаводству, а также и по ведомству уделов. Под судом и следствием не был. Состою в чистой отставке. Дом имею во владении. Жена преставилась весьма давно. Характера – неуживчивого, терпите-с.

Родион подал руку, пожал старикивскую с легким поклоном.

– Родион.

Старик немного задумался и продолжал:

– Тверской вице-губернатор Петр Сергеев Донат – брат мой младший. Мне же ныне шестьдесят три. Слава Богу, третье детство свое прошел без особенных приключений. Да, шесть-де-ся-т и три, – с расстановкой заметил старик, поджимая губы.

Речь его была быстрая, но четкая, точно он мысленно расставлял знаки препинания по ходу.

Здесь Родион не удержался, памятуя, зачем он на кладбище, и зал вопрос:

– А вы не слышали, случаем, Илья Сергеевич, где похоронен старик-индеец, который недавно умерший. Говорят, его убили, а жил он в Златоустенском переулке в доме Медынцева, – добавил Родион.

– Как так не слышал! – с явным удивлением воскликнул Донат. – Слышал, конечно. Пойдемте-с, я покажу. Я здесь, на этом кладбище всех знаю, а свежих покойников уж тем паче...

Они повернули обратно, и немного поплутав по тропинкам кладбища, оказались возле большого гранитного камня, на котором было непонятной вязью выбито несколько слов. Ниже были обозначены и годы жизни и смерти: «1792 – 1875».

Родион в задумчивости рассматривал место последнего упокоения старого индуса. Мысленно он рассчитал, что Сиддхартха прожил около восьмидесяти трех лет. Ему вспомнились беседы со старым буддистом.

– Вот и здесь то же, – немного помолчав для приличия, с раздражением высказался Донат. – Умер старый, мудрый, богатый человек, а память какая будет о нем? Что можно узнать о человеке, глядя на этот камень? Впрочем, ведь даже и в газетах генерал-губернатор Закревский велел ничего о смерти его загадочной не писать...

– Как так, почему?

– Да потому, хотя бы, что в спальне у Закревского стоит тот самый аршинный Будда литого золота, взятый у индейца...

– Откуда вы можете знать такое?

– Друг мой давнишний, Андрей Михайлович Смолин, сыщик сухаревский сказал. А он, поверьте, знает всё! А вы, почему заинтересовались этой могилой? – спросил Донат.

– Да так, слышал что-то о нем, – уклонился от прямого ответа Родион.

Донат не стал вдаваться в дальнейшие расспросы, волновало его, по-видимому, иное, что-то наболевшее. И он заговорил торопливо:

– И вот, я, штабс-капитан Донат, человек, выдавший всевозможные виды, я недоволен кладбищами! Недоволен везде и повсюду!

Отставной капитан снова задорно потряс рукой в воздухе, огибая широкую дугу над крестами.

– Давайте-ка присядем, где-нибудь, сударь. Я вам объясню, почему.

Они прошли немного и присели на скамью под боком белой часовенки над чьею-то весьма богато изукрашенной могилой. Капитан Донат снял шляпу, вытер желтым платком лоб и редкие волосы на шишковатом черепе.

– Вслушайтесь в слово сие: клад-би-ще! А, каково?

Он заговорщически толкнул меня плечом, понизив голос, начал объяснять:

– Клады бы искать надо здесь! Клады разума, сокровища людских поучений и изречений, сокровища огромного человеческого практического опыта, опыта жизни с ее радостью и страданиями... А что же я здесь нахожу, сударь? А? обида и позор, – вот, что-с. Ибо сказано: «Вси в житии крест яко ярем вземшии» обижены нами, и за это будете обижены вы, буду обижен я. Вдумайтесь и поймите: «крест яко ярем», – каково? Значит, признано, что жизнь – трудна и тяжела? Так почтите же достойно отживших, – они ради вас несли при жизни бремя и ярем, – ради вас! А эти, там, не понимают...

Он взмахнул шляпой и Родиону показалось, что и по тропе, по кресту над могилой мелькнула и унеслась к городу маленькая птица-тень.

Донат между тем продолжал, надув красные щеки, пошевелив усами и поглядывая на собеседника молодым глазом:

– Вы, небось, думаете, что я – выживший из ума старик, не более того? Нет, молодой человек, нет, далеко не так! Пред вами немолодой человек, который сумел оценить жизнь. Вот, взгляните, разве это памятники? Что они напоминают вам и мне? Это не памятники, а это – паспорта, свидетельства, выписки из жизни людей, выданные человеческой глупостью самой себе. Почитайте, что мы им написали, – под сим крестом Иван, а под сим – Марья, Дарья, Алексей, Евсей. И все они – рабы божии и никаких иных примет особых не изволили им оставить! Это – форменное безобразие, ибо здесь людей, отживших трудную жизнь, лишили прижизненного образа, а его необходимо сохранить в поучение живущим, в поучение вам и мне. Ведь страшно поучителен образ жизни всякого человека. Могила изредка бывает интереснее иного романа, да-с! так давайте же сделаем, чтобы всякая могила стала для проходящего, если и не романом, то хотя бы поучительным повествованием. Вы меня понимаете? – в упор спросил он Родиона.

– Не вполне...

Штабс-капитан шумно вздохнул и поправил на голове шляпу.

– А это – просто понять. Начнем с того, что я – не раб божий, но – человек, разумно исполняющий все добрые заветы его в меру моих сил. И никто – даже сам Бог – не вправе требовать от меня свыше того, что я могу дать. Не правда ли?

Родион не стал ему возражать, ожидая дальнейших разъяснений.

– Ага, то-то же, – с видимым удовольствием вскричал Донат.

Он вновь поправил на голове шляпу, погладил свою бороду и еще более задорно заговорил:

– Какое же это кладбище? Это – позорище!

– Не понимаю, чего вы хотите, – осторожно, не желая разгневать собеседника, заметил Родион.

Нисколько не промедлив с ответом, Донат медленно проговорил:

– Я хочу, юноша, чтобы ничто, достойное внимания, не исчезало из памяти людей. А в жизни – все достойно вашего внимания. И моего, конечно. Жизнь недостаточно уплотнена, и каждый из нас

чувствует себя без опоры в ней именно потому, что мы невнимательны к людям...

При этом он нервно выхватил из кармана брюк тяжелый, серебряный портсигар с синим шнуром и многочисленными монограммами, сунул его Родиону, то ли приказав, то ли спросив:

– Курите!?

– Нет, я не курю. Спасибо.

Родион здесь подумал: «А беспокойно, должно быть, людям с тобою, штабс-капитан...»

Медленно отведя руку с портсигаром от Родиона, старик закурил, затягиваясь глубоко и жадно. С шумом он выгонял изо рта и ноздрей длинные струи дыма и пристально следил за тем как тихий ветер относит на могилы синеватые облака. Глаза его потускнели, углубились, красные жилки исчезли со щек, а лицо неожиданно стало серым.

– Крепкий табак, – как-то виновато сказал он тихо и полусонно. – Но это меня спасает. Я человек, как вы могли заметить, возбужденный и нуждающийся...

Здесь он, не докончив фразы, вновь затянулся, со вкусом глотая дым и рассматривая большой янтарный мундштук. На монастырской колокольне точно неохотно ударили в колокол и ноющий звук поплыл по округе. Сразу все стало серьезней и грустнее.

Донат выдул из мундштука окурок, искоса взглянул на Родиона и пошевелив усами обратился к Родиону:

– О чем, смею спросить, мечтаете?

– Хотелось понять вас...

– Это – нетрудно. Это – в двух словах можно. Все дело в том, что у нас нет уважения ни к себе, ни к людям, – вы замечаете это? Вот-вот! А отчего это происходит? Очень просто: как я буду уважать себя, где я научусь тому, чего нет, понимаете – нет!

Он близко придвинулся к Родиону и вполголоса сообщил, точно по секрету:

– У нас, на Руси, никто не знает, зачем он родился, жил, помер. Ответ один – как все! Но вопрос-то главный остается – зачем?!

Штабс-капитан снова возбудился: лицо покраснело, движения рук стали нервными, быстрыми.

– Все это потому, государь мой, что нами – частью забыта, частью не понята, в главном же – скрывается от нас работа человека, вот так вот! А посему у меня есть идея, точнее – проект, да-да – проект... Но это в двух словах!

Здесь речь его прервал дребезжащий звук малого колокола. Донат снова достал из кармана портсигар, нервно закурил:

– Давайте представим себе, что каждый город, каждое село, каждое скопление людей ведет запись делам своим, так сказать, «Книгу живота». Но не сухой перечень результатов работы, а живой рассказ о прижизненных деяниях каждого человека, каково! Но записи ведут сами, без чиновников. Пишет городская дума, волостное управление, особенная «Управа жизни», ну мало ли кто еще может, но только – без чиновников! Конечно же, пишется все, абсолютно все, что необходимо знать о человеке, который жил с нами и отошел от нас, – с каким-то надрывом, высказал наболевшее Донат.

Здесь он протянул руку к могилам.

– Я должен знать, за что положили свою жизнь все эти люди, я живу их трудом и умом, на их костях, – вы согласны?

Родион молча кивнул головой, а старик торжествующе продолжил:

– Ага, – видите? Обязательно записывать все, что человек сделал хорошо или поучительно плохо! Например, некто сложил удивительно хорошую печь, особенно спорую на тепло, – запишите-с! некто убил бешеную собаку – записать! Выстроил школу, замостил грязную улицу, научил другого хорошо ковать лошадей или заваривать чай, всю жизнь боролся словом и делом с неправдой, – все запишите! Или, например, женщина родила и вырастила пятнадцать здоровых детей! Обязательно запишите; это великое дело – дать земле здоровых и работающих детей!

И тыкая пальцем в серый намогильный камень со стертой надписью, он почти закричал:

– Под сим камнем погребено тело человека, всю жизнь свою любившего одну женщину – одну! Это нужно записать. Мне не нужны имена, мне нужны дела! Я хочу, я должен знать жизнь и работу людей. Поэтому, когда отошел человек в мир иной, – напишите на кресте его могилы – «крест яко ярем». Напишите для меня, для жизни, подробно и ясно. Напишите все дела его. Зачем он жил? Крупно напишите, чтобы я и для себя подумал, зачем живу, – так?

– Да, – согласился Родион.

Штабс-капитан продолжил свою речь. Говорил горячо, захлебываясь словами, махая рукой вдаль, в сторону города:

– Они там – лгуны, они нарочно скрывают работу, чтобы обесценить человека, показать нам ничтожество мертвых и тем внушить и нам, живым, наше ничтожество. Ничтожными править легче, – это

придуманно чертовски умно! Да, конечно, легче. Но – вот я: попробуйте меня заставить сделать то, чего я не хочу!

– И что, никогда и никто не заставлял вас во всю вашу жизнь подчиниться? И что, вы всю свою жизнь прожили свободным от обязательств? – вмешался Родион в его монолог.

– Нет, лжете, каждый из нас стоит своей цены, – это прекрасно видишь, прожив шесть десятков лет, – продолжил старик, никак не отреагировав на реплику. – Нет, вы не скрывайте: всякая жизнь может и должна быть объяснена. Человек – работник всему миру, он мой учитель в худом и добром. Да и вся жизнь – великое дело маленьких, незаметных людей.

Он приумолк, пошарил в кармане, достал портсигар, повертел его в руках и вновь спрятал.

– Речь идет не обо мне теперь. Но покажите, напишите на кресте, все дела и заслуги человека, пусть они и малы даже! Сумейте найти хорошее даже в самом ничтожном. Вы меня, наконец, поняли!?

– Да, я понимаю вас...

Штабс-капитан закурил. Он курил и ворчал, хмурясь, недоверчиво заглядывал в глаза Родиона:

– Земля сильна трудом людей... Всякий может найти себе опору на земле, нужно только хорошо знать и помнить прошлое...

Вечерело. Одна за другою в ограду кладбища вползали темные и лохматые фигуры нищих. Над красным, в лучах заходящего солнца, крестом колокольни плавал ястреб. Возле соседней могилы негромко разговаривали двое, по-видимому, отец и дочь.

Вытряхнув из мундштука окурок, отбросив его ногой, старик продолжил уже без былого энтузиазма:

– Кладбище, я полагаю, должно символизировать не силу смерти, а победу жизни, торжество жизни, разума и труда. И тогда здесь, на крестах и надгробных памятниках мы могли бы прочитать всю историю города, судьбу его граждан. Но если нет истории, то зачем тогда кладбище, если оно не способно поднять чувство уважения к людям?

Старик широким жестом провел вокруг, указывая на могилы.

Родион заторопился, до дома путь был неблизкий.

– Спасибо, – поблагодарил он.

– Проекта у меня, разумеется, нет. Это так... Ну-с, мне пора идти.

Они попрощались на кладбище и разошлись.

Глава пятая. Георгий Плеханов

Философы лишь различным образом *объясняли* мир,
Но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.

Карл Генрих Маркс

В наступившей осени 1876 года Родион стал студентом юридического отделения Московского университета. Учеба ему сразу пришлась по душе, нравилось ходить на лекции, сидеть в библиотеке, нравились жаркие диспуты по разным вопросам. Политическая жизнь в России на месте не стояла. Впрочем, и некоторые профессора не чуждались оценки текущих событий как в стране, так и за ее пределами.

Большинство студентов из провинции проживали, а точнее, ютились в «Латинском квартале» между двумя Бронными и Палашевским переулком. Немоощные улицы здесь были застроены деревянными домами с мелкими квартирами. Здесь же и два больших заброшенных барских дома дворян Чебышевых, с флигелями, на Козихе и на Большой Бронной были также в основном заняты студентами. Второй дом называли «Адом» в память о нечаевских временах. Дело в том, что в конце 1860-х здесь располагалась штаб-квартира, где жили студенты-нечаевцы и еще раньше собирались каракозовцы – члены кружка «Ад».

Родион, бывая у своих однокашников в гостях, имел возможность наблюдать их скудный быт. В каждой комнатухе студенческих квартир «Латинского квартала» обыкновенно жило четверо. Четыре убогие кровати, они же стулья, стол да полка с книгами. Студенчество одевалось крайне убого. Нередко на четверых приходилось две пары сапог и две пары платья, что устанавливало очередь: сегодня двое идут на лекции, а двое других сидят дома.

Обедали в столовых или питались всухомятку. Чай был роскошью, вместо него заваривали цикорий, круглая палочка которого стоила три копейки, и ее доставало четверым дней на десять.

В семидесятых годах формы у студентов еще не было, но все-таки они соблюдали моду, и студента всегда можно было узнать и по манерам, и по костюму. Большинство, из самых радикальных, были одеты по моде шестидесятых годов: обязательно длинные волосы, нахлобученная таинственно на глаза шляпа с широченными полями и иногда – верх щегольства – плед и очки, что придавало юношам

ученый вид и серьезность. Так одевалось студенчество до начала восьмидесятых годов, времени реакции. Не избежал влияния студенческой моды и Родион.

Наступило 12 января – «Гатянин день», студенческий праздник в Московском университете. Утром – торжественный акт в университете в присутствии высших властей столицы. Многие из них тоже ведь проходили здесь свои студии. Три четверти зала заполняла студенческая беднота. Резко выделялись из массы студенты – дети богачей: шитые воротники роскошных мундиров, белая шелковая подкладка, модные прически...

По окончании акта толпы студентов до поздней ночи ходили по Москве с песнями, катались на извозчике и беззаботно-шумно гуляли. Полиция студентов не трогала, шпики старались не попадаться на глаза студентам. Множество студентов ближе к ночи толпами вкатываются в роскошный вестибюль «Эрмитажа», с зеркалами и статуями. Грязные сапоги шлепают по белокаменной лестнице, с которой в этот день сняты дорогие ковры. Многие годы хозяин «Эрмитажа», француз Оливье, отдавал студентам на этот день свой ресторан для гулянки.

В этот день роскошный зал преображался. Всё из зала снималось и выносилось. Пол посыпали опилками, вносили простые столы, табуретки и венские стулья. В буфете были только холодные закуски, водка, пиво и дешевое вино. Студенчество гуляло, легально произносились смелые речи и ресторан был во власти студентов и их гостей – любимых профессоров, писателей, земцев и адвокатов.

Прошло два года и в очередной раз наступил Гатянин день. Родион принарядился по случаю праздника и в том же «Эрмитаже» студенчество гуляло во всю. Профессоров поднимали на столы, качали. В этот раз любимому Чупрову разбили очки, а уважаемому Гольцеву порвали сюртук. Но вот на стол вскочил косматый студент в красной рубахе и поношенной тужурке из дорогого сукна. Он поднял руку, призывая гуляющих помолчать. Его жесту не вняли и тогда он начал орать:

– Друзья! Товарищи!..

Его попытались стащить со стола, но в наступившую в какой-то момент паузу, он успел прокричать:

– Долой!.. Долой насилие! Да здравствует свободный труд! Даёшь свободу!..

Здесь произошло нечто неожиданное. Через минуту студента качали, и зал гремел от восторга. Улучив минуту Родион подошел к

герою, внимание с которого переместилось на очередного чувствующего писателя.

– Родион, – представился он.

– Георгий Плеханов.

Ребята разговорились. Оказалось, что Георгий тоже студент, что он проживал в доходном доме недалеко от Родиона. Они договорились о встрече.

При встрече Георгий рассказал Родиону о том, что есть много и молодых, и старших людей, которые недовольны существующим царским режимом. Поведал Родиону сущность учения Маркса о социализме и основных принципах политической борьбы. Будучи всего на год старше Родиона он уже имел огромный опыт подпольной политической работы, активно участвовал в тайной организации «Земля и воля», пригласил Родиона сотрудничать в организации «Черный передел». Родион не возражал в принципе, но от дальнейших встреч с Плехановым уклонился.

В середине декабря этого года Родион попал в историю, спровоцированную рядом публикаций в «Московских ведомостях». Правительственная газета печаталась в университетской типографии на Большой Дмитровке и ее редакция активно поддерживала все реакционные веяния, обрушиваясь на студентов, устраивавших сходки и писавших петиции в защиту своих прав и свобод.

Постановив на очередной сходке наказать «Московские ведомости» «кошачьим концертом», толпы студентов неожиданно для полиции выросли на Нарышкинском сквере, перед окнами редакции, начали выть, пищать, кричать и ругаться. В окна редакции полетели тухлые яйца, гнилые огурцы и всякая дрянь.

Явилась полиция, начался разгон демонстрантов. И тогда в окна, в полицейских и конных жандармов полетели уже камни и палки. Полиция применила силу, заработали нагайки и кулаки. Подоспели казаки и Родион вместе с другими студентами и случайными прохожими был отеснен и препровожден в Бутырскую тюрьму. Рядом с ним оказался известный подрядчик-строитель Громов. Вся Москва знала его богатырскую фигуру. В свалку он попал случайно, из трактира. Конный жандарм ударил его нагайкой по лицу. В ответ богатырь сорвал его с лошади и бросил в снег. Его схватили, а приказчик узнал хозяина:

– Сидор Мартыныч, что с вами? – крикнул он.

– Агапыч, беги домой, скажи там, что я со скубентами в ривальюцию влопался! – изо всех сил рывкнул Громов.

– Революция... Революция... – отозвалось в толпе.

Но до революции было еще далеко.

Задержанных, после строгих внушений, отпустили. Однако спорадические протесты и неорганизованные выступления продолжались. Их пресекали арестами и высылками. В этих демонстрациях Родион принимал активное участие, но ему удалось избежать ареста и преследований. Ненависть к режиму и желание бороться с ним крепли с каждым днем. Он начал искать надлежащих средств.

В то же время и учеба в университете требовала всё больше и больше времени и усилий, а посему много времени проводил Родион в библиотеке. Именно на этом поприще он вновь начал встречаться с Николаем Федоровичем, работавшим библиотекарем Румянцевского музея. Тот очень внимательно отнесся к литературному воспитанию Родиона, помогал ему в подборе книг, советовал прочитать то одну, то другую книгу. К их беседам часто присоединялись доценты Московского университета. Несмотря на то, что темы разговоров варьировались в широком диапазоне, непременно в своих размышлениях они возвращались к проблеме воскрешения живших прежде.

Теперь разговоры становились все напряженнее и конкретнее. Николай Федорович не скрывал своего критического отношения к современной науке, видя как ученые разбили единую науку на множество отдельных, воображая, что смогут поодиночке освободить людей от бремени обрушившихся на нас бедствий.

При очередной их встрече, проходившей в феврале, в гостях у Николая Федоровича был Александр Михайлович Бутлеров, известный профессор химии Петербургского университета. Ныне, проводя цикл лекций по теории химического строения вещества в Московском университете, он часто захаживал к Федорову, внимательно слушая его рассуждения. Вот и теперь Николай Федорович в запальчивости утверждал:

– Ученые не понимают того, что есть общий вопрос для них всех. Это вопрос о неродственном отношении слепой силы природы к нам, разумным существам, которая ничего от нас, по-видимому, и не требует, кроме того, чего в ней нет, чего ей недостаёт, т.е. разума правящего, регуляции. Рознь в сообществе ученых оттого, что у них нет *общего дела*, – с ожесточением подчеркнул Федоров.

– Это естественно. Сообщество ученых решает практические вопросы и тем добивается успехов в различных областях, – заметил Родион. – И за это им честь и хвала.

– Нет, – возразил Федоров, – если бы ученые осмыслили свою задачу, то именно таковой могла бы стать перспектива объединённых усилий ученых, направленных на регуляцию и управление силами слепой природы. Господь дал человеку право управлять живой и неживой природой, сотворив нас по образу и подобию своему.

Александр Михайлович поддержал библиотекаря, поскольку принимал природу и как силу смертоносную, приносящую неурожай и смертные язвы. Он соглашался с Федоровым и в том, что регуляция атмосферных процессов могла бы разрешить и земледельческий, и промышленный вопросы. Ведь безоблачное и солнечное небо – это истоки солнечной силы, создавшей запасы угля. Если эффективно использовать солнечную силу, то не надо добывать каменный уголь и железо. Значит, не будет и тяжелого положения рудокопов и социального напряжения. Точно так же, если в нужное время и в нужном месте пройдет дождь, то будет удовлетворительный урожай, не будет голода и социального напряжения.

Как следовало из дальнейших рассуждений, методологическим принципом организации науки, по мнению Федорова, должен стать принцип тождества разума практического и разума теоретического. Разум практический рассматриваем как правящий, как регуляция или обращение слепого хода природы в разумный. Федоров отдавал себе отчет в том, что принижение роли теоретического знания неприемлемо ученым сообществом, однако был уверен, что именно из-за такого положения вещей в среде людей вносится беспорядок, поражая их голодом, язвой и смертью.

Родиону нравилась сильная гуманистическая позиция Федорова. Как и Николаю Федоровичу ему было тягостно существующее в обществе *небратское состояние*, под которым подразумевались все юридико-экономические отношения, сословность и международная рознь. Причины неродственности Федоров видел в широко распространенной пропаганде гражданского общества или «цивилизации», заменивших братственность.

Особенно невыносимыми для него были все формы государственности, заменившие фундаментальную роль отечества в жизни людей. В одну из встреч со своими молодыми собеседниками он сказал:

– Отечественность – это не патриотизм, который вместо любви к отцам сделал их предметом своей гордости, т.е. заменил любовь, или добродетель, гордостью, пороком, а любовь к отцам любовью к себе самим, самолюбием. Важно заменить гордость подвигами от-

цов, сокрушением об их смерти. Когда землю мы станем рассматривать как кладбище, а природу как силу смертоносную, тогда и вопрос политический заменится физическим. Землю же надлежит рассматривать в космическом масштабе, как небесное тело, родственное всем другим небесным телам, и звёздам в том числе. И когда естественным станет воскрешение, тогда возможным станет и регуляция всех миров всеми воскрешенными поколениями.

При этих словах Родиону припомнился штабс-капитан Донат, его горячая исповедь о своих мыслях и переживаниях на кладбище и о кладбище. Хотя, конечно, то, что говорил Федоров далеко не соответствовало наивным историографическим ожиданиям Доната.

– Что ценнее – золото ли являющееся источником взаимного истребления, или прах отцов как цель соединения сынов, – продолжал Федоров. – Что нужно выдвинуть вперед – решение ли вопроса о богатстве и бедности (вопрос социальный) или же решение вопроса о жизни и смерти (вопрос естественный)?

Темы, которые стояли в центре философствования Фёдорова, не могли оставить Родиона равнодушным к ним. Если к этому добавить все более усиливающуюся его ненависть к царскому режиму, питаемую широко распространенными слухами о существующих заговорах, ощущение какого-то внутреннего напряжения, которое особенно чувствовалось в студенческой среде, то понятно, что душа Родиона была раздираема противоречиями.

Душевную ситуацию его усугубило еще одно событие. В начале июня, в ночь на воскресенье, неожиданно, ночью, к нему заявился Георгий Плеханов с товарищем. Его группу «Черный передел» начала активно преследовать полиция, а когда к делу подключилось жандармское управление, в Москве оставаться им стало смертельно опасно. Под шумок разговоров о заговорах против царской фамилии и Александра II лично, самое лучшее было надолго исчезнуть. Родион и сам чувствовал, что к его особе полиция тоже имеет какой-то интерес, хотя явно этого не наблюдалось. Косвенно же для подозрений были основания.

В ходе непродолжительного обсуждения решено было на время Плеханову и его товарищу пересидеть опасность где-то в надежном месте. Решили с утра отправиться на Сухаревку, попытать счастья и найти какие-то варианты...

Сухаревский рынок разворачивался на один день в неделю, на воскресенье. Располагался он на площади против Сухаревой башни, названной Петром I в честь полковника Сухарева, единственного

стрелецкого полковника, который остался верен Петру в дни стрелецкого бунта. В верхних этажах башни располагались огромные цистерны водопровода, снабжавшего Москву водой. Много легенд существовало о Сухаревой башне, одна нелепее другой.

И в это воскресенье около башни кипел торг, на который как на праздник, шла вся Москва. Задешево Георгий и его товарищ купили простое платье, сразу же избавившись от своего, так же задешево. Здесь Родион вспомнил о своем знакомстве и беседе с Сиддхартхой в трактире Григорьева. Сам хозяин, как и пять лет тому, один сидел у окна за своим столиком. Родион подошел к нему и поздоровался. Григорьев радостно приветствовал его, вспомнив.

– Как же, как же, помню вас. Имя редкое – Родион. Жаль, Сиддхартха оставил сей мир. Расскажите о себе...

– Иван Денисович, сейчас не до разговоров, к сожалению. Вот это – мои знакомые. У них проблемы с полицией...

– Ну, братец ты мой, я с полицией никаких дел без нужды иметь не хочу. А что случилось?

Плеханов вкратце изложил ему суть дела.

– Знаете что, молодые люди, я вас сейчас познакомлю с одним человеком. Думаю, он что-то дельное вам посоветует...

Они все вместе вышли на площадь, Григорьев кивнул головой одному из мужчин, прохаживавшемуся возле торговцев, и когда тот подошел к ним, препоручил ему компанию, что-то шепнув на ухо. На прощание дружески кивнул головой и ушел к себе в трактир.

– Слушаю вас, – обратился к ним мужчина лет сорока, назвавшись Николаем.

После непродолжительного выяснения обстоятельств, приведших к нему молодых людей, и выяснив при этом их финансовые возможности, Николай сказал, что поможет им с документами. К тому же он настоятельно рекомендовал Георгию оставить Россию во избежание тяжких для него последствий.

– Оружие есть? – спросил Николай Плеханова.

– Есть, револьвер.

– Отдай ему, – кивнул Николай в сторону Родиона.

Родион, не задумываясь, почти механически положил револьвер в карман куртки.

– Засунь за пояс, – посоветовал Николай. – Будет не так заметно... А сейчас я отведу Георгия с товарищем туда, где их никто не найдет.

– Мы пойдем в очень «пристойное» место, – с некоторой долей иронии произнес Николай. – Это заведение называется «Ад». Слышали?

– Это что, дом Внукова, там где трактир «Крым»? – проявляя некую осведомленность, спросил Родион.

– Он самый.

Договорились, что все вместе встретятся через три дня. Родиону надлежало прийти на Трубную площадь, к «Крым».

Спустя три дня, в назначенное время он сидел на скамейке на Цветном бульваре и смотрел на огромный дом Внукова. Разгульный трактир «Крым» занимал два этажа. Публику утешали песенники и гармонисты.

Внимание Родиона привлекли человек пять, которые ругаясь шли по тротуару мимо этого дома. Вдруг – никого! Куда они девались?.. Смотрит – тротуар пуст... И опять неведомо откуда появилась пьяная толпа, шумит, дерется... И вдруг исчезла снова... Горлопиво прошагал будочник – и тоже провалился сквозь землю. Через несколько минут вновь восстал из-под земли с бутылкой водки в одной руке и со свертком в другой...

И тут же из-под земли появился и Николай. Увидев Родиона, он приветливо помахал ему рукой и жестом пригласил подойти. Подойдя к дому, Родион понял секрет: в стене ниже тротуара широкая дверь, куда ведут ступеньки лестницы.

Навстречу выбежала, непристойно ругаясь, женщина с кровоподтеком на щеке. За ней – оборванец, повалил ее на тротуар и начал бить, приговаривая:

– У нас жить, так жить!

Выскочили еще двое, избili самого оборванца, и увели женщину обратно. Николай при этом отстранился, и улыбаясь наблюдал за происходящим.

Родион поздоровался с ним и они спустились в подвал, в ту часть кабака, которая называлась «Адом». Среди сплошного шума резал слух звериный хор пьяных голосов, женский визг, зазвенело разбитое стекло и дикий крик избиваемого человека...

– Мы пройдем дальше, – прокричал Николай, – в «Треисподнюю».

– Куда, куда? – не расслышал Родион. – В преисподнюю?

В «Треисподнюю» имели доступ только известные буфетчику и вышибалам заслуженные «болдохи» – обратники из Сибири и беглые из тюрем. Здесь же находили приют самые отпетые воров, бан-

диты и убийцы: «Иваны» из Шиповки, «волки» из «Сухого оврага» и им подобные. Николай уверенно ориентировался в коридорах, по обеим сторонам которых были большие и малые каморки.

Тогда, еще в конце семидесятых, в этой половине всегда было тихо. Пьянства не допускалось: в одних маленьких каморках исполнялись заказы по фальшивым паспортам особыми спецами; в других – составлялась стоящая игра на тысячи; в третьих – располагались спальни для почетных гостей. Порой и косматые студенты, к которым благоволили бродяги и вышибалы, могли воспользоваться престестями «Треисподней».

Вот здесь, в одной из каморок-спален и пребывали Георгий Плеханов и его товарищ в ожидании фабрикации фальшивых паспортов. Они радостно приветствовали вошедших.

– Ну что, господа, паспорта ваши будут готовы в ближайшие два дня, – приветствовал их, в свою очередь, Николай. – Давайте думать, что будете делать дальше.

– А что думать, – отреагировал Георгий. – Надо ехать куда-то в Европу.

Уже в самом начале разговора выяснилось, что их небескорыстный спаситель – один из заговорщиков, известный по «делу Каракозова» Николай Федорович Николаев, который был в октябре 1866 года осужден в первой группе на двенадцать лет каторжных работ. Он был одним из главных участников «Адской группы», готовивших покушение на Александра II. Единственному из всех членов группы ему удалось сбежать с этапа и с тех пор он пребывал в бегах. А главный виновник его бед, – император Александр II, все еще продолжал жить и здравствовать.

Глава шестая. Никола Тесла

С переходом ученого сословия от знания к делу
и прогресс перейдет от знания того, *что есть*,
к знанию того, *что должно быть*»

Н.Ф. Федоров

Через два дня все четверо встретились в той же «Треисподней». Николаев поделился своими соображениями относительно перспективы дальнейшего пребывания Плеханова в России. Он начал с известного факта: ещё 12 февраля была создана Особая распорядительная комиссия во главе с генералом Лорис-Меликовым, которому была вверена военно-полицейская диктатура для подавления революционного движения во всей империи. Генерал добился больших успехов. Разработанная им методика подавления революционеров сопровождалась ослаблением давления на законопослушных обывателей. Собственно, и группа Плеханова стала жертвой деятельности служб, подведомственных Лорис-Меликову.

– Поэтому, – сделал вывод Николаев, – вам надо оставить Россию, и чем раньше, тем лучше. Все равно, ничто не спасет императора от приговора, вынесенного ему. За кровь Дмитрия Каракозова ему придется расплатиться своей кровью. И пусть это сделаем не мы, а другие, но это будет!, будет! – как в бреду повторил он несколько раз...

Николаев успокоился, и в результате непродолжительного обсуждения ситуации было принято решение эмигрировать. Ближайшим пунктом была определена Прага. Родион решил сопровождать Георгия и его товарища до Праги, рассчитывая осуществить некоторые свои планы.

Выезд был назначен ближе к концу июня 1880 года. В остававшееся до отъезда время Родион продолжал встречаться с Николаем Федоровичем и Бутлеровым. Кстати приехал и Иван Мичурин, который с 1876 года работал монтером часов и сигнальных аппаратов на участке железной дороги Козлов–Лебедян. Имея недостаток средств, Мичурин открыл в городе, при своей квартире, часовую мастерскую. По возвращении с дежурства ему часто приходилось сидеть далеко за полночь, занимаясь починкой часов и ремонтом различных приборов. Свободное время Иван посвящал работам по созданию новых сортов плодово-ягодных культур. С 1875 года он взял в аренду за 3

рубля в месяц пустующую городскую усадьбу в окрестностях Козлова площадью 130 кв. саженей с небольшой частью запущенного садика, где начал проводить опыты по селекции растений. Там он собрал коллекцию плодово-ягодных растений в 600 с лишним видов.

В одну из встреч они вновь обратились к проблеме бессмертия. На этот раз Федоров начал разговор с темы богатства и бедности: причин и следствий:

– Вопрос о богатстве и бедности – вопрос несовершеннолетних и не может устранить вопроса о смерти. Смерть лишает богатство всякой его ценности. Отсюда иногда наступает интерес к аскетизму.

– Это естественно, – заметил Родион. – Поэтому среди ученых мы находим много людей, склонных к аскетизму.

Отстаивая представление об ограниченности нашего земного бытия в нынешнем виде, Фёдоров утверждал, что учёная специальность имеет временное значение:

– Большим злоупотреблением для меня является стремление к знанию как цели, замена дела мирозерцанием, то есть культ идей. Я называю культ идей идеолатрией. В том же смысле настроена и религия, в основе которой чистый платонизм, поскольку такая религия исходит из понятия воскрешения без участия в нём человека.

– Извините, Николай Федорович, но неизмеримо больше ученых стоят все-таки на позициях практической науки, – возразил Бутлеров.

– Как раз такие ученые, занятые совершенствованием процесса производства вещей, возбуждают разделение и вражду между людьми, приближают нас к смерти, – заметил Фёдоров. – Необходимо заменить такой подход к знанию исследованием причин смерти ради воскрешения: «Воскрешение есть замена похоти рождения сознательным воссозданием».

Спустя несколько дней в гостях у Николая Федоровича появился молодой человек, учитель из Калуги, Константин Циолковский. Оказалось, что в 1873-76 годах Федоров активно способствовал самообразованию Константина, что оставило неизгладимый след в судьбе этого молодого человека. Начав с многочисленных словословий в адрес библиотекаря, вскоре Циолковский перешел к теме, которая, по-видимому, была для него предметом напряженных размышлений.

С удивлением для себя, Родион обнаружил, что и Мичурин, и Циолковский давно уже работают в русле практического воплощения фундаментальной идеи учителя. Правда, доселе их деятельность

сводилась преимущественно к размышлениям, которые могли быть чреватy реальной перспективой. Если предположить, что все-таки воскрешение живших прежде состоится на каком-то этапе развития науки, то какова перспектива мириад людей оживленных в пределах ограниченных природных ресурсов Земли?

Мичурин полагал, что всех живущих на планете возможно прокормить, если расширить как территории, на которых могут произрастать продовольственные культуры, так и продуктивность сельскохозяйственных растений. Будучи убежденным вегетарианцем, Мичурин уповал на перспективы развитие агрономической науки.

Циолковский пошел дальше. Он видел свою задачу в создании летательных аппаратов, которые могли бы беспрепятственно бороздить просторы космического пространства, доставляя землян во все уголки Вселенной.

Слушая своих учеников в этот вечер, Федоров радостно улыбался и своей улыбкой всячески поощрял и вдохновлял их на приукрашивание своих фантазий.

Родион, напротив, сидел молча, в задумчивости опустив голову:

– Почему же ни один из учеников не задается необходимостью предпринять практические шаги по воскрешению отцов? – так и подмывало его задать такой вопрос. – Почему не слышно ни одного слова по поводу того, с чего следует начать воскрешение сущих во гробах и вообще в земном прахе?

Но Родион молчал. Назавтра предстояла сложная, опасная и чреватая неизвестными последствиями поездка за границу, в Прагу. Все участники были готовы к поездке, надлежащие документы изготовлены и маршрут намечен.

Родион попрощался со всеми участниками беседы и ушел домой. По пути домой он все больше и больше убеждался в том, что задача воскрешения отнюдь не абстрактна. Появилась твердая уверенность в том, что это возможно. Легкий холодок прошел по всему телу от предвкушения перспективы заняться таким делом.

Утром он встал бодрый и счастливый.

Без труда вспомнил свой ночной сон: он идет по пустынной узенькой и извилистой ночной улочке. Город очень старый, дома каменные, камни местами покрыты мхом. Вдруг сквозь дверь в полуподвальный этаж он видит лучик света, пробивающийся из глубины комнаты. Спустившись на несколько ступенек вниз, он тянет тяжелую дверь за кольцо. Со скрипом дверь открывается и он входит в большое, пустое, слабо освещенное помещение. В центре – еще одна

лестница, ведущая куда-то вглубь. Родион берет в руки горящую свечу и долго спускается по узкой и глубокой лестнице. Свеча бросает колеблющийся свет на неровные стены крупной каменной кладки. Наконец он оказывается в небольшой круглой комнате, богато и со вкусом убранной. За столом сидят Николай Федорович Федоров, Николай Федорович Николаев и третий – неизвестный. Федоров держит в руке красивый хрустальный бокал с какой-то зеленоватой густой жидкостью, приветствуя Родиона. Николаев, широко улыбаясь, протягивает Родиону револьвер и большую ярко красную, но пустую сумку. А неизвестный, прищулив левый глаз, подает Родиону лист толстой бумаги с неровными краями, на котором начертан квадрат, поделенный на множество треугольников.

Задумываться над содержанием сна Родион не стал, чувствуя, что сон врезался в память надолго. Наскоро позавтракав, он отправился к «Крыму», где его поджидали остальные участники путешествия...

Спустя два дня Прага встретила троицу мелким дождем. Едва разместившись в дешевых номерах весьма демократичного пансионата в Веренском переулке, они отправились прогуляться по достопримечательностям города, по его старинному центру. Недалеко от Карлова моста Родиона начало тревожить ощущение того, что он уже когда-то шел по этим улочкам. Неожиданно вспомнился сон, увиденный накануне отъезда и возникло такое ощущение, словно вот сейчас перед ним появится та каменная лестница, тяжелая дверь с массивным кольцом...

Наваждение вскоре пропало. Георгий с товарищем, сославшись на недомогание, предложили вернуться в пансионат. Однако Родиону на душе было радостно, хотелось идти и идти по пражским улицам и он отпустил попутчиков. Немного погодя он зашел в одно из кафе на старой улочке Праги. Посетителей в кафе было немного. Заказав кофе, Родион умиротворенно разглядывал редких прохожих, торопливо проходивших мимо окна, возле которого он расположился. За соседним столиком сидели два молодых человека. Они о чем-то негромко разговаривали, перед ними лежали какие-то листки бумаги. После одной из реплик курчавого темноволосого юноши, которая похоже, вызвала интерес у блондина с ярко выраженными славянскими чертами лица, они начали внимательно перебирать листки. И здесь Родиона как громом поразило увиденное на одном из листков, на котором был начертан квадрат, поделенный на множество треугольников.

Он не удержался и почти механически вскочил со стула, направляясь к соседнему столу. Но опомнившись, остановился, и пристыженный сел на место. Соседи однако заметили его движение и отреагировали на него каким-то вопросом. Вопрос задал темноволосый и Родион не понял, о чем его спрашивали. Тогда блондин поднялся из-за стола, подошел к Родиону и представился:

– Никола Тесла – студент.

– Родион – студент из Москвы.

Услышав слово «Москва», темноволосый заулыбался, приветливо помахал рукой, приглашая Родиона к их столу. Тот не стал церемониться и пересел к соседям за стол.

– Что это, – первым делом спросил у него Родион, показывая на заинтересовавший его рисунок.

– Гороскоп, – приветливо улыбаясь ответил тот.

Он протянул Родиону руку, приветствуя его:

– Ян Кефер.

Из завязавшегося разговора, в котором сразу определилась роль Николы как толмача, Родион понял, что сам Никола сейчас учится на философском факультете Пражского университета, изучает философию, математику и физику. Ян – тоже студент, серьезно интересуется астрологией. И вот в эти минуты Ян объясняет ему свое видение гороскопа императора Франца Иосифа I, после того как сделал ректификацию его карты.

– Что такое ректификация карты?

– Это сложная процедура уточнения времени рождения по событиям, которые уже свершились в жизни человека.

– И что, удалось установить?

– Ян уверен, что удалось. Известно, что император вступил на престол в декабре 1848 года. Он лично проиграл сражение с Наполеоном III в 1859 году. Через семь лет его принудила капитулировать Пруссия. Женитьба, рождение детей... Ключевых событий достаточно.

– И что это даст?

– Это позволит более точно предвидеть дальнейшие события жизни Франца Иосифа I. Порой важно бывает знать, чтобы быть... Так, Ян полагает, что эгоистичность императора, которая явна в гороскопе и подтверждается его реальной жизнью, будет иметь роковые последствия для судеб империи. Сын Рудольф – единственный наследник престола, скорее всего, покончит с собой. Впрочем, сейчас, после ректификации и сопоставления гороскопов, становится

понятным, что и семнадцатилетний племянник императора не успеет унаследовать престол. Ян уверен, что и он уйдет из жизни раньше своего дяди...

Противоречивые чувства обуревали Родиона после сказанного. Хотелось верить, что прорицание возможно, но трудно было принять, что это может быть так просто.

Вскоре Ян попрощался и ушел. Узнав, что Родион изучает юриспруденцию, Никола пригласил его посетить университет, побывать на лекциях, посмотреть старинные книги в библиотеке. Домой Родион возвращался по Старому валу, откуда открывалась чудесная панорама полей и холмов. Вечер был сказочный, ландшафт, раскинувшийся у его ног, утопал в серебристом мерцании. Было до того светло, что он невольно поискал глазами лунный диск и обнаружил его затерявшимся в гигантских кронах каштанов.

Но вот Луна, все ещё полная, – если бы не маленький, едва заметный изъян, ее окружность была бы идеальной, – выплыла из-за темных стволов, и мертвенно-зеленоватое, окольцованное красной аурой сияние воцарилось над валом. Пока Родион в изумлении рассматривал это сумрачное свечение, неясная тревога вкралась в его душу. Ему показалось, что по диску Луны промелькнула фигура старой, согбенной женщины. Он вздрогнул и отправился спать.

Его встретил Георгий, который стоял возле их временного приюта и с тревогой глядел по сторонам, в ожидании товарища.

На следующий день Родион и Никола встретились у входа в Пражский университет. Пока Никола сидел на важной для него лекции, Родион с восторгом знакомился с университетом. Старина увлекала. Ему казалось, что сейчас из-за угла коридора выйдет кто-то из корифеев былой науки, появится Коперник с астролябией или кто-нибудь из алхимиков с ретортой... Трепет вызывали старинные парты и скамьи, двери, дверные ручки, витражи.

После лекции, показав Родиону университетскую библиотеку, ознакомив с условиями пользования литературой, Никола пригласил его к себе в гости. Он вместе с товарищем снимал скромное жилище неподалеку от университета. Товарища дома не оказалось и поэтому никто их не стеснял. За скромной трапезой молодые люди разговорились. Никола рассказал, что он закончил Высшую техническую школу в Граце, увлекается изучением электричества, работал в лаборатории профессора Якова Пешля. Никола поделился с Родионом своей сокровенной мечтой о создании электрической машины переменного тока. Сказанное об отличии переменного тока от постоян-

ного мало интересовало Родиона, но он слушал, больше обращая внимание на то *как говорил* Никола. Уверенность, настойчивость, безграничная вера в возможность реализации своей мечты, – вот что поражало Родиона в своем собеседнике.

В то же время Родион почувствовал в горячей речи своего нового знакомого желание найти у него поддержку. Гравитация, притяжение и отталкивание, постоянное и переменное начали вырабатывать в его голове невероятное напряжение.

И здесь Никола вдруг заговорил о том, что питало его уверенность в успехе:

– Интуиция – это нечто такое, что опережает точное знание. Наш мозг обладает, без сомнения, очень чувствительными нервными клетками, что позволяет ощущать истину, даже когда она еще не доступна логическим выводам или другим умственным усилиям. Я верю в свою интуицию и поэтому я принялся за работу со всем жаром и беспредельной верой юности.

– Почему же ты пошел учиться на философский факультет, если тебя безмерно интересует электротехника?

– Я пообещал отцу учиться, и пока у меня будет материальная возможность, я буду учиться в университете...

На некоторое время Никола замолчал, но потом продолжал:

– Но отец умер и материальное положение семьи сложное...

Они помолчали. Никола встал, сварил кофе. Наступила очередь Родиона рассказать о себе, о своих исканиях. Он начал с рассказа о своих сомнениях, о последней встрече у Николая Федоровича с Мичуриным и Циолковским. Николу больше заинтересовала та часть его рассказа, где речь шла об исканиях Циолковского. Здесь он бросил реплику, которую Родион запомнил, но вначале не придал ей значения:

– Сила действия равна силе противодействия. Важно преодолеть противодействие...

Родион поведал Тесле, что теперь он твердо решил заниматься проблемой воскрешения. И хотя ему в практическом плане здесь практически ничего не понятно, но он будет работать с фанатизмом и прилежанием. Тесла усмехнулся:

– Да, у меня и в мыслях такого никогда не было и появиться не могло бы... Отец очень хотел, чтобы я стал священником. Пойми, душа моя не лежит к этому. Не верю я в бытие божие и ничего с собой поделывать не могу. Но поскольку философия тоже призвана дать ответы на те же вопросы, что и богословие, я ее и избрал для про-

должения образования. Некий сомнительный компромисс между волей отца и моей совестью...

Слова Никола заставили Родиона серьезно задуматься над своим отношением к Богу. Напряженно он пытался вспомнить свои реакции, свои переживания по поводу оценок сакрального. И в душе пришел к выводу, что скорее он так же далек от веры, как и его собеседник.

Раздумывал и Никола над тем, что же все-таки может означать самая идея воскрешения. Наконец он не удержался и заметил:

– Ты понимаешь, насколько сложна эта задача? Ты понимаешь, сколько умов надо привлечь к этому? Наконец, ты понимаешь, сколько для этого потребуются средств?

– Да, Никола, ты поставил тяжелые вопросы. И я на них могу ответить утвердительно. Однако считаю, что дело стоит того, чтобы его начать. А все-таки, ты как человек, претендующий стать профессиональным философом, что мог бы сказать по поводу того, с чего следует начать это дело.

– Хорошо! Давай оставим пока в сторону и сложность задачи, и отсутствие специалистов, и отсутствие средств...

– Да, да, давай оставим! И начнем с главного! С идеи...

Никола внимательно посмотрел в глаза Родиону:

– Ты задумывался над тем, что такое душа, что такое жизнь?

– Наверное, задумывался, – осторожно ответил Родион.

– Наверное, задумывался над этим и я когда-нибудь, но сейчас не припоминаю, – задумчиво проговорил и Никола. – Ну что же, давай подумаем вместе.

– А может быть задачу упростить. Сначала спросить себя, кто достоин того, чтобы вернуть его к жизни, а кто не достоин?

– Понятно, ты хочешь подойти к делу с позиции морали. С позиции того, кто более ценен. Думаю, что это несправедливо. Шанс должен быть дан всем! Хотя, как учит оккультная наука и как поступали в древних мистериях, может быть, не следует возвращать к жизни тех, у кого в жизни были трагедии...

– Может быть, не стоит возвращать и тех, кто был выдающимся деятелем в положительном или в отрицательном смысле, – добавил Родион.

– Вот видишь, как легко мы стали заниматься селекцией. Думаю, что это больше подходит этому, как его, Мучину? – здесь Никола сильно искажил фамилию Мичурина.

– Согласен. Давай начнем с того, что охватывает душа, где она все-таки находится?

Ответа на вопрос долго не давал никто из них. Молча допивали они остывший кофе. Затянувшееся молчание прервал Родион:

– Мне почему-то, наверно, по духу индуизма, кажется, что душа распространена по всему телу.

– Тогда понятия «душа» и «жизнь» тождественны, – заметил Тесла. – И тогда в каждой живой клеточке находится какая-то часть души. А, кстати, насколько мне известно, еще лет двадцать назад Рудольф Вирхов сформулировал весьма значимое положение: каждая клетка может происходить только из другой клетки путём деления: «Omnis cellula e cellula»!

Почувствовав, что разговор затянулся, и не желая дольше отвлекать хозяина, Родион стал прощаться:

– Может ли в моем деле какую-то роль сыграть астрология?

– Думаю, что может. И поэтому вполне логично завтра нам встретиться с Яном Кефером. Несмотря на молодость, он очень квалифицированный астролог, да и интуиция у него потрясающая.

Вернувшись в пансионат, Родион застал Георгия и его товарища в состоянии повышенного возбуждения. Георгий сказал, что им лучше отправиться в Берлин, поскольку там у него есть где остановиться. Главное сделано, – они уже вне пределов досягаемости полиции и жандармерии. Родион ехать дальше не собирался, намереваясь в ближайшее время вернуться в Россию. На прощание Георгий поделился с ним своими небольшими средствами, и утром они расстались. В следующий раз Родион увидел Георгия Плеханова уже в Петрограде, весной 1918 года, когда он с грустью провожал этого российского пионера марксизма в последний путь.

В последующие две недели Родион постоянно встречался с Николой и Кефером. Ян Кефер жил в уютной квартирке в доме господина Гаека на Староместском рынке. Из окна этой квартиры открывался прекрасный вид на широкую площадь; справа – причудливо зазубренные шпили Тынского храма, слева – нарядная ратуша, оплот строптивного пражского бюргерства. Целый день по площади сновали императорские посыльные.

Ян Кефер преподавал Родиону основательный курс основ астрологии, подарил несколько книг. В середине июля Родион вернулся в Москву, обуреваемый новыми идеями и с неумным желанием реализовать поставленную перед собой цель.

Часть вторая

Глава седьмая. Процентщица

Первой мыслью Родиона по возвращении в Москву было уже не желание продолжить и завершить свое университетское образование, а желание создать лабораторию. Главное, очевидно, заключалось в том, чтобы раздобыть необходимые для этого средства. И здесь, неожиданно для Родиона обнаружился весьма привлекательный выход из положения.

Как-то так получилось, что ноги его сами привели на Сухаревку, в известный трактир Григорьева. Он без колебаний, не сомневаясь в положительном результате, подошел к хозяину и попытался привлечь его на свою сторону в деле создания лаборатории. Несмотря на страстность, с которой Родион излагал свою идею, хозяин категорически возражал не только против своего участия в этом деле, но и против самого дела воскрешения.

Преградой на пути реализации замысла Родиона стала глубокая религиозность Григорьева. Он немедленно достал с полки Библию Синодального издания 1876 года, одел очки, и назидательно изрек, старательно налегая на все яти:

– А сие вам знакомо, молодой человек! Послушайте, что сказал Господь: «И изгнать Адама, и поставил на востокъ у сада Едемскаго херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь къ дереву жизни».

Пораженный, Родион промолчал.

– Дерзнуть хотите, против Бога замыслили пойти! Хотите вечной жизни, а Господь не допускает сего! Нет-с, не позволю и сам делами греховными заниматься не стану-с! Извольте уйти, и в мое заведение с такими мыслями больше не заходите.

Обескураженный и обиженный непониманием вышел Родион на площадь. Ярко светило солнце, по Сухаревской площади одни люди прогуливались, другие торопливо проходили по своим делам. Родион стоял и растерянно смотрел на возвышавшуюся перед ним башню. Во второй раз в таких же растерянных чувствах он стоял перед этой башней в 1935 году, со слезами глядя, как ее разбирают строители, расширяя дорогу в светлое будущее.

– Родион! Ну как вы съездили в Прагу, – неожиданно кто-то громко нарушил его одиночество.

Оглянувшись, Родион увидел улыбающегося каракозовца Николаева. Тот протянул ему руку, с нескрываемым удовольствием хлопывая его по плечу. Родион, еще не отошел от переживания случившегося, что заметил и Николаев.

– Что-то случилось? На вас лица нет. Зайдем к Григорьеву?!

– Нет, ни в коем случае! Не к Григорьеву!

– Понял-с, зайдем в другое заведение. Эка беда! – воскликнул он понимающе.

Перейдя площадь, они зашли в первый попавшийся трактир, где Николаев заказал полштофа водки, закуски, налил по стопке и приготовился слушать:

– Ну, с возвращеньцем вас!

Выпили. Родион сжато, без лишних слов и эмоций пояснил ситуацию.

– Хорошенькое дело, покойников с того света возвращать! Это что, чингисханы, наполеоны, нероны, николаи первые и всякая иная нечисть снова вернутся на свет божий? – в недоумении спросил он. – Конечно, прав Григорьев, и нечего на него обижаться... Давай по второй!

– Мы должны выполнить свой долг перед отцами, – упрямо повторил Родион аргумент Федорова.

– Никто на нас таких обязанностей и не накладывал!

В ходе дальнейшей беседы, прерываемой возгласами Николаева, хитроумными тостами, заказом второго полуштофа, пришли к выводу, что ему надо встретиться с Федоровым и из первых уст услышать суть глобального дела, подразумевающего космические масштабы.

– А что касается денег, то здесь потребуется не одна сотня тысяч, думается мне, – встревожено заключил Николаев.

Каково же было удивление Родиона, когда спустя день, ранним утром он был разбужен громким стуком в свою дверь. На пороге стоял взволнованный Николаев:

– Поговорить надо.

Оглянувшись, он аккуратно притворил дверь и полупшепотом стал излагать Родиону причину столь раннего визита. Оказалось, что четверо «болдохов» и «волков» из «Сухого оврага» договорились «взять» известную во всей Москве процентщицу. Причиной стало достаточно достоверное известие, что старуха собирается пожертвовать все свои богатства местной епархии. Об этом по пьяному делу проболтался на вчерашних похоронах один из батюшек, близких к

епископату. Грабители запланировали, не мешкая, сработать дело в ночь.

– А я здесь при чём? – спросонья не понял сути сказанного Родион.

– Как при чём. Ты понимаешь, что там половина богатств индейца, что там масса камушков, золота, ассигнаций! – в волнении перешел на «ты» Николаев. – Ты понимаешь, что там достанет на две твоих лаборатории!

– Так вы же были против, вы хотели разъяснений, – возразил, еще не вполне проснувшийся, Родион.

– Сейчас ни до «за», ни до «против». Это огромная удача... Я подумал... Я теперь как витязь на перепутье... Есть для меня три пути... Или молчать, или рассказать процентщице, – она своих предупредит... Или... Верни мне Дмитрия Каракозова! – беспорядочно и умоляюще заговорил вдруг Николаев. – Верни Дмитрия!

Здесь Родион окончательно проснулся. Эти «верни», «лаборатория», «удача», «процентщица» вдруг выстроились у него в голове в страшную в своей простоте логическую цепь. Под ложечкой защемило, по телу прошел легкий озноб.

– Но как? – в волнении произнес он.

– Вот это другой разговор, – деловито заметил Николаев. – Надо опередить. И тогда подозрение будет на хитрованцев...

Оказалось, что у опытного заговорщика, пока он шел к Родиону, появился четкий план.

– В особняке, где расположена квартира процентщицы, этажом ниже сейчас идет ремонт под вселение новых жильцов. Я найму какого-нибудь заезжего крестьянина с телегой, он подъедет к дому, якобы вывезти мусор строительный, мы вынесем наш товар и дело с концом.

– А как быть со строителями?

– Я подошло к ним хитрованца, он соблазнит их хорошим заработком на пару часов на соседней улице и пока они будут ходить туда-сюда дело мы сделаем. Пары часов нам достанет...

– А процентщица?

– А вот это будем решать на месте. Жди меня через пару часов. Приготовь револьвер на всякий случай.

Не дожидаясь возражений, Николаев быстро исчез.

Дерзкое ограбление вызвало переполох и у полиции, и в преступном мире Москвы. Украденное по примерным расчетам могло стоить более миллиона рублей. Процентщица имела сильных покров-

вителей, к ней благоволил сам Андрей Михайлович Смолин, известный московский сыщик, занимавшийся преимущественно сухаревским ворьём и преступным миром. Ходили слухи, что Смолин и процентщица в прежние времена много лет были в связи. Говорили о том, что в молодости она была красоты неимоверной. Женщина проживала на 1-й Мещанской, в собственном двухэтажном особняке со старухой прислугой. Нижний этаж всегда сдавался жильцам. Много лет процентщица занималась ростовщицеством, брала в залог золотые и другие ценные вещи, к тому же ей успели снести изрядную долю бриллиантов, жемчуга, золота и бирюзы покойного индуса. По показаниям племянника процентщицы в залоге и в виде ее собственности в квартире было четыре ведра серебряных и золотых часов, серебряных и золотых колец, цепочек и прочего, а также около ста тысяч рублей ассигнациями.

Процентщица и ее прислуга были найдены убитыми в своей квартире. Еще одной случайной жертвой стал подрядчик, решивший почему-то в это, роковое для него время, наведаться в ремонтируемое помещение. Возле кладбища была обнаружена телега и лошади, которые по словам одного случайного прохожего могли перевозить награбленное. Но хозяина лошадей найдено не было. Полиция установила, что выстрелили были произведены из двух револьверов. С самого начала следствие зашло в тупик. Решительно никаких надежных улик, проливающих свет на ограбление, найдено не было.

Единственная надежда была на Смолина, имевшего прозвище «Сухаревский губернатор». Десятки лет жил он недалеко от процентщицы на той же 1-й Мещанской. Узнав о дерзком ограблении, к тому же совершенном днем, старик вышел из себя. Небольшого роста, плечистый, выбритый и остриженный наголо, в поношенном черном пальто и картузе с лаковым козырьком он степенно и незаметно двигался он по Сухаревке. Воры, если увидят его, знают, что прятаться поздно, что он их уже увидел. Заискивающе подбегают. Рыжий щеголеватый карманник Пашка Рябчик был уже около. Он опустил что-то в карман Смолина и хотел скрыться.

– Стой! Кто ограбил процентщицу?

– Что вы, Андрей Михайлович! Как возможно!? Не могу знать! Щучка здесь... с женой... Проигрался... Зло работает...

– С Аннушкой?

– Да-с... Юрка к Замайскому поступил... Игроки с деньгами! У старьевщиков скупают... Кукиш и сам Цапля. Шуруют вон, гляди...

– Давай сюда Цаплю, дурак...

Подобострастно подбежал Цапля. Незаметным движением су-нул в руку Смолину ассигнацию.

Андрей, что здесь происходит?

– Вот дело было! Сашку Утюга сегодня на шесть тысяч взяли...

– Сашку? Да он сослан в Сибирь!

– Какое! Всю зиму на Хитровке околачивался... болел... Марк Афанасьев подкармливал. А в четверг пофартило, говорят, в Гуслицах с кем-то купца пришел... Как одну копейку шесть больших отдал...

– Это, кто такой франт, что с Абазом стоит?

– Невский гусь... как его... запомнил...

– Кахибарджи! Дурак, ничего не знаешь, пьешь. Зачем он здесь?

– За кем-то из купцов охотится... В «Славянском базаре» остановился, в сорокарублевом номере. И Караулов с ним... А Сашке дали сотенную, он в Нижний укатил...

– Опять ты, дурак, про Сашку. Но кто убил процентщицу?..

Длинный разговор с Цаплей, показавшим исчерпывающую осведомленность, как и с другими ворами, достойными внимания, искомого результата не дал. Впервые Смолин испытал великое разочарование. С этого дня он стал быстро сдавать...

Расследование, проводимое самим уголовным миром, «Иванами», «болдохами», «волками» и прочими также результатов не дало. Сокровища как в воду канули.

Через два дня после описываемых событий Родион пришел с Николаевым в библиотеку, где и познакомил его с Федоровым. Тот выглядел несколько усталым, но постепенно разговорился. Состоялся знаменательный для них разговор с мыслителем, с отцом русского космизма.

Федоров начал беседу с определения сущности и направленности прогресса:

– Прогресс есть именно та форма жизни, при которой человеческий род может вкусить наибольшую сумму страданий, стремясь достигнуть наибольшей суммы наслаждений. Особую форму приобретает прогресс в искусстве. Здесь он уже не довольствуется лишь признанием зла, он жаждет выпячивания его, особенно упивается им в реалистическом искусстве.

Внимание гостя мыслитель обратил также на особый статус ученых, которые превратились в некое подобие сословия. Глубокий протест у него вызывало и принятие знания за конечную цель. Он заметил, что замена дела мирозерцанием – это культ идей, идеола-

трия. А посему чистое созерцание в духе платонизма следует заменить практической деятельностью, реальным воскрешением.

Николаев проявил достаточную осведомленность, спрашивая об отношении Федорова к Дарвину, новейшее учение которого уже получало распространение в московских научных кругах.

– Прогресс отождествляют с эволюцией, – заметил Фёдоров. – Его заимствовали у слепой природы, но прилагают к человеческой жизни. Здесь извращена нормальная логика процесса. Прогресс от низшего в высшему, от худшему к лучшему применительно к человеку требует, чтобы недостатки слепой природы были исправлены сознающей эти недостатки природой, т.е. совокупною силою человеческого рода. Идеи дарвинизма для нас неприемлемы, поскольку улучшение путем борьбы, истребления должно заменить возвращением самих жертв борьбы, так можно искоренить зло и водворить вместо него благо...

Николаев внимательно слушал мыслителя, изредка прерывал его короткими репликами. Особенно заинтересовала его, высказанная Федоровым мысль о том, что воскрешение – это замена похоти рождения сознательным воссозданием.

– Что вы понимаете под воссозданием? Вы что, полагаете, что нормальная человеческая физиология будет каким-то образом упразднена?

– Разум дан человеку для того, чтобы он руководствовался им всегда, во всех событиях своей жизни...

– А как же страсти человеческие, любовь, ненависть?..

– В цивилизованном обществе этого быть не должно, во всяком случае и искусство в таком обществе должно стараться избегать таких неопределенных явлений, – отвечал Федоров. – Сложная диалектика существования и сущего в цивилизованном обществе приобретает своеобразную форму: с переходом ученого сословия от знания к делу и прогресс перейдет от знания того, *что есть*, к знанию того, *что должно быть*».

Здесь Николаев оживился, обратив внимание на последние слова Федорова:

– Как можно строить жизнь по принципу «что должно быть»? Кто будет определять вот это самое «что»?

Федоров разъяснял, что цель истинного прогресса в участии всех в деле познания слепых сил природы, которая чревата голодом, язвами и смертью. Слепую природу надо превратить в живую, сделать ее управляемой разумом, уверял он.

– Именно практическая сила разума – это тема мучительно важная для меня, – подчеркнул Федоров. – Еще Аристотель сказал: «Мы знаем только то, что сами можем сделать». Я думаю, здесь он не допускает отделение знания от действия. Хотя, по-видимому, более общим было бы все-таки гегелевское положение «о тождестве мышления и бытия». А в итоге все-таки для меня принципиально важно ***обратить слепую силу природы в управляемую разумом!***

Родион молча слушал обоих, непрерывно размышляя, заставляя свой разум ответить на один вопрос: «С чего начинается воскрешение живших прежде?». Во все время разговора его подмывало вернуть разговор в практическое русло. Наконец он не выдержал:

– Николай Федорович, с чего же начинается практическое воскрешение?

– XIX век – это век восстановления суеверий, отрицания филантропии и гуманизма. Усвоив дарвинизм, нынешний век признал борьбу законным делом и из слепого орудия природы стал сознательным её орудием, органом. Но недоразумение людей в том, что длительное время труд человеческий был обращен к земле, а не к небу; и даже не к Земле как целому. Поэтому я вижу такую логику выхода человечества из тупика прогресса, в который оно зашло: 1) метеорическая регуляция как общее дело вначале; 2) осознание ограниченных ресурсов Земли, даже при регуляции климата; 3) осознание необходимости изучения Земли как небесного тела и небесных тел как земель.

Здесь Федоров ненадолго остановился, глаза его оживились, и он продолжил:

– Более того, люди должны понять, что земля превратилась в кладбище отцов и будет таким оставаться пока мы не обратим другие небесные тела в жилище для нас.

– Николай Федорович, я спрашивал о теле человеческом...

– Самое человеческое тело я рассматриваю как бессознательное произведение наших предков, но *наше тело должно быть нашим делом*, в смысле возвращение жизни отцам при его посредстве. Вернув жизнь отцам, мы сделаем и наше тело иным! – воскликнул Федоров. – Мы должны видеть себя орудием Бога в деле возвращения жизни отцам (имманентность Бога): люди в своей совокупности сделаются орудием всеобщего воскрешения, когда Слово Божие сделается в нас делом Божиим». Впрочем, и сами мы через всеобщее воскрешение станем «союзом бессмертных».

Родион почувствовал, что в этот раз он не услышит ответа на волнующий и Николаева, и его вопрос, как и чувствовал, что сам он до конца не додумал свой вопрос... Поэтому он скорее смотрел как говорит Федоров, чем слушал. Разговор по-прежнему вели двое, два Николая Федоровича.

Религиозность свою Федоров всячески подчеркивал, необходимость веры в бытие Бога – также. Чтобы уподобиться Божеству, деятельность человеческого рода должна быть действительным воскрешением, ибо всеобщее воскрешение есть высший критерий истины. В сознание Родиона время от времени пробивались фразы учителя:

– Превосходство каждого последующего поколения в том, что оно больше будет любить, почитать, служить своим предшественникам...

– Пока человечество не сочтет своим долгом дело всеобщего воскрешения, до тех пор оно будет занято взаимным истреблением...

– Долг к родителям имеет не только нравственный характер, но выражается и в физической зависимости, невольности, несвободе; рожденность – это несвободность...

– Позвольте, – прервал Николаев рассуждения Федорова, – в приведенных вами рассуждениях определенно выражено важное положение вашей философии. Вы требуете от людей оплатить свой долг через возвращение жизни своим родителям, которых вы считаете нашими кредиторами. Вы полагаете, что таким образом мы сможем обрести себе свободу. Вы также утверждаете, что без всеобщего воскрешения нельзя признавать и торжество духа над плотью? Я вас верно понял?

– Да, верно.

– Извините меня, ради Бога, может я чего-то недопонимаю... Странно, но в вашем учении удивительным образом переплетаются прагматизм и вера, эмпиризм и волюнтаризм, желание счастья, бессмертия и вечного блаженства. Почему же достижение всеобщего воскрешения превращает мир несвободы, физической необходимости в мир сознательный и свободный?..

– Всеобщее воскрешение – это не мечта, не идеал, – это проект, утверждаю я, – продолжил Федоров. – Естественно, – это трудная задача, требующая труда и доблести всех, чтобы обратить слепую силу природы в управляемую разумом. Здесь очевидна вдохновляющая диалектика феномена: устраняя из своих действий личные побуждения, стремление к личному счастью каждый человек в итоге их и получит в виде блага личного бессмертия...

Здесь Федоров остановился, очевидно, желая предельно четко сформулировать некую важную для него идею, и продолжил:

– *Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех*; это и есть объединение живущих (сынов) для воскрешения умерших (отцов). И я уверен, что уже совсем скоро мои слова вполне примет новая культура...

– Не могу с вами согласиться, – возразил Николаев, – по причине противоречивости ваших слов. Боюсь, что господствующая идеология скорее примет первую часть, но вторая часть этому обществу будет чужда, ибо это будет общество атеистическое! Общество, которое дерзнет против Бога, – это общество атеистическое!

Наступила пауза. Спустя немного Николаев продолжил:

– Возможно, наука достигнет того, чтобы вернуть к жизни всех умерших, но это будет наука атеистическая!

Собеседники поговорили еще немного о морали современного общества, о технических новинках и возможностях метеорического регулирования природы и попрощались.

Выйдя из библиотеки на улицу, Родион и Николаев двинулись в сторону Манежной площади. Оба находились под впечатлением прошедшего разговора. Николаев был возбужден, готов был спорить и доказывать неосуществимость идеи воскрешения. Впрочем, слова его не отличались категоричностью; как и Родион он ожидал услышать логику практического действия по воскрешению, но Федоров уклонился от развития разговора в этом направлении. Очевидно, он почувствовал, что сегодня об этом говорить не следует.

После того как Николаев ушел, Родион поразмыслив немного по сути разговора с Федоровым, понял, что обсуждение темы практического воскрешения с Федоровым возможно только в условиях доверительности, чего никак не обеспечивало присутствие строптивного Николаева.

Глава восьмая. Константин Циолковский

В наступившей осени Родион, вдохновленный преподанным ему в Праге курсом гениглиологии, серьезно занялся изучением естественных наук. Начал интересоваться и литературой по алхимии. Наряду с посещением основных лекций по специальности, он пользовался всякой возможностью посещать лекции по химии, биологии, астрономии у авторитетных профессоров Московского университета. Несколько раз ездил с этой же целью в Санкт-Петербург, Казань, Киев.

А между тем в летние месяцы произошли некоторые изменения в деле управления народным образованием. Лорис-Меликов добился отставки ненавистного ему министра графа Д.А. Толстого. Вместо Толстого был назначен А.А. Сабуров. Место министра финансов занял А.А. Абаза, убежденный сторонник преобразований в духе 1860-х. Несмотря на свои порывы в решении кадровых вопросов, Лорис-Меликов был категорически против дарования России конституционного устройства, в чем он и убеждал императора Александра II.

Сам император, находясь под впечатлением относительно спокойной ситуации в обществе, распорядился отменить различные чрезвычайные меры в рескрипте от 30 августа. Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел, очень оптимистически смотрел на результаты принятых им мер, обманутый временным прекращением террористических актов со стороны революционеров. Он убедил государя назначить сенаторские проверки в ряд губерний, дабы выяснить нужды страны и недостатки существующей административной системы. Впрочем, министр имел некоторые соображения относительно новых представительных выборных органов, которые были названы Лорис-Меликовской конституцией. Предполагалось о ней торжественно объявить 1 марта 1881 года. Но, увы, именно в этот день от руки террористов «Народной воли» император был поражен на пути из Михайловского дворца в Зимний дворец. Наступили тяжелые времена создания дознавательных и карательных органов. Новый император Александр III практически отказался от великих преобразований 1860-х годов. В отношении народных масс руководящим стал принцип всесторонней административной опеки. Иллюзия свобод закончилась.

Незадолго до гибели императора Александра II состоялась очень важная для Родиона встреча у Федорова, в которой участвова-

ли профессор Бутлеров, Циолковский и Владимир Соловьев. Середина февраля выдалась с жесточайшими морозами и вьюгами и приехавший в Москву на пару дней Циолковский вынужден был задержаться на целую неделю. Соловьев же часто в это время встречался с Федоровым, работая в библиотеке. Молодой доктор не более года тому успешно защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». Был весел и оживлен.

Родион почти физически ощущал мощную интеллектуально-креативную ауру, которая его окружала теперь. Многочасовые размышления, напряженная работа над разнообразной литературой, внимательное наблюдение над окружающим приблизили Родиона к тому, чтобы, как ему казалось, сформулировать практические шаги на пути реализации идеи воскрешения живших прежде. Естественно, что беседа началась с обсуждения вопроса о сущности воскрешения мертвых.

Бутлеров начал с того, что тело любого живого существа, в том числе и человека, состоит из атомов, а каждому химическому атому свойственно лишь определенное и ограниченное количество химической силы или сродства, с которой он принимает участие в образовании тела. Эту химическую связь он называл химическим строением, или способом взаимного соединения атомов в сложном теле. Далее он утверждал, что химическая натура сложной частицы определяется натурой элементарных составных частей, количеством их и химическим строением...

Увлечись, Бутлеров углубился в дебри химического строения вещества. Желая вернуть разговор в русло актуальной темы, Родион заметил, что он видит три категории умерших: те, кто умирают у нас на глазах; те, кто умерли сравнительно недавно, и чьи тела еще не успели разложиться; те, чьи тела давно уже превратились в прах.

Николай Федорович удовлетворенно кивал головой и продолжил:

– Важно понять, что поскольку голод и смерть происходят из одних причин, то человек должен так познать себя и мир, чтобы произвести себя из самых основных начал, на которые разлагается всякое человеческое существо. Так человек обретет возможность воскресить всех умерших и таким образом воссоздать и себя в жизнь вечную. Необходимо вернуть разложенные частицы тем существам, коим они первоначально принадлежали.

– Мне кажется, что касательно людей умирающих должно быть применено некое средство, называемое алхимиками «эликсир жизни», – заметил Циолковский.

Федоров оживился и нетерпеливо замахал рукой:

– Это очень узкое решение задачи! Бог делает все для человека, но Бог делает все для человека через самого человека. В природе нет целесообразности, потому что ее должен внести сам человек, – это высшая целесообразность. Творец через нас воссоздает мир, воскрешает все погибшее. И одна из задач человека – познать силу, движущую Землей, и научиться управлять ею.

– И потом, – заметил Константин, – труд человеческий не должен ограничиваться пределами земного шара. Вы, Николай Федорович много раз говорили о том, что для сынов человеческих небесные миры – это будущие обитатели отцов, ибо небесные пространства могут быть доступны только для воскрешенных и воскресающих; исследование небесных пространств есть приготовление этих обителей.

– Но здесь перед человечеством возникает снова проблема диалектическая: с одной стороны, без освоения космоса одновременно не смогут существовать все поколения; а с другой, – без воскрешения всех нельзя освоить небесное пространство, – в задумчивости изрек Федоров. – Таким образом, три частных вопроса: регулирование атмосферными явлениями; управление движением Земли; отыскание «новых земель» входят в один общий вопрос о преодолении голода и восстановлении жизни предков. Мы должны стать «небесными механиками», экипажем корабля – земного шара.

– И я сейчас сижу, читаю, думаю, как всю эту грядущую массу людей расселить в Космосе! – радостно воскликнул Константин.

Родион внимательно следил за ходом беседы, а при последних словах Константина ему вспомнилось услышанное в Праге, и он почти механически произнес фразу Николы Теслы:

– Сила действия равна силе противодействия. Важно преодолеть противодействие...

Собеседники задумались. Спустя некоторое время Федоров заметил:

– На телеге в космос не поедешь. Там воздуха нет...

– Да, – меланхолично изрек Родион. – Но сила действия... Ветер, например, может отталкивать, а бывает, что и притягивает... А?

Николай Федорович, листая свои заметки, начал говорить о том, что человечеству нужна единая живая, или деловая религия, ставя-

щая в центр вопрос о жизни и смерти, вопрос о воскрешении, вопрос о том, «почему умершие не оживают, существа в гробах не воскресают». Решать этот вопрос следует вполне натуралистически. Человечество должно воскресить всех своих предков, вернуть им их телесное обличье. Разложение тела и рассеяние его частиц не может быть препятствием к этому, так как частицы тела не могут выйти за пределы нашего пространства.

– Вы знаете, Николай Федорович, ваши слова напомнили мне мысли Минуция Феликса, – прервал его Бутлеров. – Кто из философов сомневается в том, что все рожденное умирает и все получившее начало имеет конец...

Соловьев, молчавший доселе, поднял голову:

– А дальше, дальше..., – Александр Михайлович.

– Не понял, что дальше?

– Я вас спрашиваю, что вы хотите сказать дальше?

– Я хочу сказать, что смертное оно и есть смертное, – подчеркнул Бутлеров.

– Понятно. Но, помнится мне, Минуций Феликс, критикуя гностиков, рационалистов и язычников вообще, говорил о всемогуществе Господа. Николай Федорович, где у вас его «Октавий»?

Выйдя на минуту в соседнее помещение, библиотекарь подал ему книгу. Соловьев, полистав ее несколько, произнес:

– Вот, слушайте, что написано у Минуция в главеXXXIV:

«В самом деле, кто же столь глуп и бессмыслен, что осмелится говорить, что Бог, Который мог первоначально создать человека, не может потом воссоздать его? Что человек не существует по смерти как не существовал до рождения? Если он мог произойти из ничего, то может опять восстать из ничтожества. Далее гораздо труднее дать бытие тому, что не существовало, нежели возобновить то, что уже получило его. Думаешь ли ты, что исчезает и для Бога что-нибудь, как скоро скрывается от слабых очей наших?»

Всякое тело – обращается ли оно в пыль или влагу, в пепел или пар, исчезает для нас, но Бог сохраняет его элементы. Мы вовсе не боимся, как вы думаете, какого-либо вреда от сожигания покойников, но держимся древнего и лучшего обыкновения зарывать умерших в землю».

На этом Соловьев остановился и закрыл книгу.

– Минуточку, позвольте, дайте мне взглянуть.

– Смотрите, Фома-неверующий, – сказал Соловьев, подавая книгу Бутлерову.

– Ага, перевод протоиерея П. Преображенского. Это того, которого прочли на кафедре философии Московского университета? А всё-таки избрали Памфила Юркевича. Интересно...

Александр Михайлович углубился в чтение, пока остальные собеседники молчали, размышляя над фрагментом из «Октавия».

– Ага, вот дальше, а почему вы, Владимир Сергеевич, дальше не читали? Слушайте продолжение:

«Посмотри также на то, как вся природа, к нашему утешению, внушает мысль о будущем воскресении. Солнце заходит и вновь появляется; звезды скрываются и опять возвращаются; цветы увядают и расцветают; деревья после зимы снова распускаются; семена не возродятся, если прежде не сгниют; так и тело на время, как деревья на зиму, скрывает жизненную силу под обманчивым видом мертвенности».

– Понятно вам сие, господа? А теперь слушайте у Минуция Феликса главное, – с некоторым торжеством изрек Бутлеров:

«К чему это нетерпеливое желание, чтобы оно ожило, когда еще зима в полной силе?»

Здесь он удовлетворенно захлопнул книгу. Но торжество его было не долгим. Родион наблюдал за реакцией Николая Федоровича во все время искренних манипуляций профессора Бутлерова. Чувствовалось, что «Октавия» Федоров читал. Дождавшись последних слов Бутлерова, он взял книгу, открыл ту же страницу и произнес:

– Все правы по-своему. Но дело в том, чтобы доискаться правды жизни, которая суть воскресение. Поэтому логику рассуждений Минуция следует продолжить его же словами.

Николай Федорович начал читать дальше:

«Нам также нужно дожидаться весны нашего тела. Я знаю, что очень многие, сознавая, что они заслужили, не столько убеждены в том, что уничтожаются после смерти, сколько желают этого; потому что им приятнее совершенно уничтожиться, чем воскреснуть для мучений. Их заблуждение возрастает и от их собственной распушенности в жизни и от долготерпения Бога; но чем более Он медлит своим судом, тем строже суд».

– Таким образом, и ранние христианские отцы Церкви явственно указывают нам, что воскресение необходимо, дабы воскресшие могли уже сейчас покаяться в своих согрешениях и снять с себя вину за содеянное. И наш долг помочь им, – заметил Федоров.

Соловьев согласно закивал головой, ободряюще поглядывая на Бутлерова, которому как естествоиспытателю не все из сказанного было по душе.

– Ну хорошо, – наконец заговорил Бутлеров, обращаясь к Федорову. Какова же на ваш взгляд логика практического действия?

Николай Федорович, не спеша, начал разъяснять свою позицию. Он заметил, что смерть человеческого тела приводит к разложению и рассеянию вещества, его составляющего. Собираение, рассеянных частиц есть вопрос космотеллургической (космоземной) науки и искусства, т.е. дело мужское. Сложение собранных частиц есть вопрос физиологический, гистологический, вопрос сшивания тканей человеческого тела, т.е. дело женское. Труд собираяния – великий труд, но не надо отчаиваться. Всё вещество, окружающее нас, есть прах предков. Даже в мельчайших частицах есть их следы. Как бы ни дробилась частица, в происшедших от дробления частицах есть следы разломов. Серьезное, целенаправленное напряжение творческих сил ученых приведет к нужному результату:

– Представим же себе, что мир вдруг или не вдруг, осветился, сделался знаем во всех своих мельчайших частицах – не будет ли тогда для нас ясно, какие частицы были в минутной дружбе одна с другой, в каком доме или организме они гостили вместе или какого целого они составляли часть, принадлежность. Если это случится, а наука должна помочь в этом, то задача воскрешения близка к своему разрешению.

Родион с нетерпением ждал продолжения слов учителя. И Федоров продолжил излагать свое видение логики воскрешения. По его мнению, первый воскрешённый будет воскрешён тотчас же после смерти, едва успев умереть. Потом научатся воскрешать тех, кто едва подвергся тлению, потом более разложившихся и т.д. Наконец, обретая всё больший опыт воскрешения, род человеческий дойдёт до воскрешения первого умершего.

Изложение учения и внимание присутствующих вдохновляли Фёдорова:

– Человеку будут доступны все небесные пространства, все небесные миры только тогда, когда он сам будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что только тогда он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы и быть в гостях у всех поколений – от самых древнейших, до самых новейших, во всех мирах, как самых отдаленных, так и самых близких, управляемых всеми воскрешенными поколениями,

во всех мирах, которые во всей целостности будут предметом художественного дела всех поколений в их совокупности, как единого художника.

Из дальнейшего Родион понял, что по логике Фёдорова, воля к рождению есть похоть, она порождает богатство и приводит весь род человеческий к деморализации. Воля к воскрешению, напротив, приводит к морализации всех миров вселенной. Миры, ныне движимые бесчувственными силами, будут управляемы братским чувством всех воскресших поколений. Более того, эти миры будут управляемы и разумом воскресших поколений, а значит, они будут управляемы рациональным образом.

Внимательно следил за всем ходом дискуссии и за логикой учения Федорова и Константин Циолковский. Собственно он и прервал своей репликой неторопливое течение мысли учителя:

– Так, значит, сила действия равна силе противодействия? Важно преодолеть противодействие притяжения Земли! Я понял, я чувствую, что надо делать для этого!

Присутствующие заулыбались. Взглянув на часы, Бутлеров заторопился в университет на лекцию. Соловьев тоже начал прощаться.

Родион и Константин перешли в читальный зал и присев в углу за стол продолжили разговор. Говорили о том, какими должны быть корабли, которые будут бороздить бесконечные пространства Вселенной.

– Что-то должно уходить назад, чтобы корабль двигался вперед, – меланхолично заметил Родион. – *Re-cedo*.

– Что ты сказал?

– *Re-cedo*, – уходящий назад. Понимаешь, когда по рельсам едет паровоз либо телега по дороге, то здесь дорога точно уходит назад. Хотя дорога, конечно, остается на месте, а движется вперед паровоз с вагонами. Корабль движется в космической пустоте, а что-то движется назад... Что?

Константину понравилось это словечко «*Re-cedo*». Немного побутафорив по поводу, у Родиона неожиданно появилось и общее название для этих будущих космических кораблей – «ракета».

Молодые люди внимательно припоминали сказанное Федоровым, особенно старались понять причины его неприятия развития науки. Константин Циолковский, больше общавшийся с ним, заметил:

– Причину широко пропагандируемого социализма Фёдоров видит в индустризме, порождающем богатство и бедность. Разрешение противоречия между ними и есть социализм, или общество всеобщего обогащения. Как мы уже поняли, – это путь к разрушению природы, по причине востребования из её недр ненужных, праздных вещей, безделушек. Но ведь уже само воскрешение немислимо без развития биологии, медицины, химии...

– А без развития технических наук немислимо ни развитие инструментально-технической базы медицины, ни развитие агрономической науки и техники, ни тем более развитие средств транспорта и связи, – добавил Родион.

Размышляя над проблемой воскрешения, молодые люди видели две возможные версии: человеческий организм – только машина и смерть есть её разрушение и порча; или в человеческом организме живёт дух, это тело оживляющий и расторжение их союза (смерть) противоестественно. Материализм не может допустить возможности воспроизводства, возвращения к жизни того же самого живого существа. Тожественность личности воскресшей с личностью ранее жившей устанавливается только через посредство бессмертного человеческого духа.

Молодые люди вышли на улицу. Мороз сразу дал себя чувствовать, а высоко вверху равнодушно взирала на происходящее в брентном земном мире ярко-желтая полная Луна.

Глава девятая. Александр Михайлович

Со времени описываемых событий прошло около года. После окончания учебы в университете Родион поступил на службу в известную московскую адвокатскую контору Федора Никифоровича Плевако. Особого желания обрести адвокатский опыт у него не было, но служить в солидной конторе было крайне необходимо в виду перспективы создания исследовательской лаборатории. Первое дело, которым он занялся, было связано со вновь открытым магазином Елисеева, которому потребовался срочно адвокат.

Родиона подвели в хозяйской коляске к магазину, в который его покупатели также не приходили, а приезжали. С обеих сторон дома на обеих сторонах Тверской и глубоко по Гнездниковскому переулку стояли собственные запряжки: пары, одиночки, кареты, коляски, одна лучше другой. Здоровенный, с лицом в полнолуние, швейцар в ливрее со светлыми пуговицами, в сопровождении своих помощников выносил корзины и пакеты за дамами в шиншиллах и соболях, за кавалерами в бобрах или шикарных николаевских шинелях с капюшонами.

Родиона ввели в раззолоченный магазин, подвели к самому представительному продавцу, которого почтительно называли Иваном Федорычем, представили, и тот проводил приглашенного к хозяину.

– Григорий Григорьевич, – представился Родиону хозяин, стройный блондин в безукоризненном фраке, с «Владимиром» на шее и французским орденом «Почетного легиона» в петлице.

– Родион Валентинович, адвокат, – в свою очередь представился тот, пожимая протянутую ему руку.

Хозяин четко изложил ему суть дела. Вновь назначенный акцизный чиновник участка, на территории которого находится магазин, сегодня утром заявился к хозяину с требованием прекратить торговлю вином, которую назвал незаконной. Грозился написать протокол. Елисеев, сославшись на срочный вызов к градоначальнику, договорился встретиться с чиновником завтра с утра.

– Как вы думаете, почему он заявил о незаконном характере торговли вином у меня в магазине? Ведь магазин с торговлей винами мне разрешен властями.

– А что, причины он не объяснил?

– Нет, сказал, что всё будет четко объяснено в протоколе...

– Давайте пройдемся по магазину, вокруг, попробуем понять чиновника, – предложил Родион.

Родион сразу же понял, что хозяин что-то недоговаривает из того, о чем он говорил с акцизным. Они прошли по всему магазину. По ходу знакомства с торговлей и помещениями магазина Родион понял также, и хозяин этого не скрывал, что вина составляли главный доход Елисеева. В его подвалах хранились самые дорогие вина, привезенные отцом владельца на трех собственных парусных кораблях, крейсировавших еще в 1820-1860-х годах между Финским заливом и гаванями Франции, Испании, Португалии и острова Мадейры, где у Елисеева были собственные винные склады.

Они вышли из магазина и Родион внимательно огляделся по сторонам. Он быстро сообразил, в чем суть претензий акцизного чиновника.

– Григорий Григорьевич, распорядитесь измерить расстояние от входа в соседнюю церковь до входа в ваш магазин. Здесь должно быть не меньше сорока двух сажен...

Хозяин лукаво усмехнулся:

– Ничего измерять, Родион Валентинович, мы не станем. Здесь, действительно, тридцать девять сажен и этот чертов чиновник прав! Что мне прикажете делать, завтра с утра я должен принять решение, если протокол еще не будет составлен к тому времени! Извольте, зайдем ко мне в кабинет, если не возражаете, продегустируем что-нибудь из содержимого моего погреба, пообедаем... Время уже обеденное... Тем более, что я приглашал всё-таки хорошего адвоката...

– Григорий Григорьевич, а ведь вы – «Весь»? Ну, признавайтесь, – полушутливо заметил Родион, когда они сели за стол в небольшом банкетном зале, имевшемся при магазине.

Что ответил Елисеев, и каков был дальнейший разговор его с Родионом – неизвестно. Но через двадцать минут к хозяину был вызван управляющий Сергей Кириллович, а еще через двадцать минут в магазине закипела работа, продолжавшаяся всю ночь. Вывеска о продаже вина была перенесена в другой конец дома, выходящий в Козицкий переулочек, винный погреб получил отдельный ход и был отгорожен от магазина. С той поры вина, заказанные в магазине, приходилось брать через ход с Козицкого переулочка, но, конечно, не для всех...

Как доложил управляющему наутро швейцар, с лицом в полнолуние, акцизный чиновник подошел к магазину, нерешительно потоптался у входа и убрался восвояси.

С момента этого первого адвокатского дела, проведенного Родионом, в его жизни произошли важные изменения. Он стал владельцем адвокатской конторы, выкупленной им у спившегося владельца ее П.А. Залукаева. А воспользовавшись связями коренного питерца Г.Г. Елисеева, бывшего одним из авторитетных членов попечительского совета Петербургского университета, он начал создавать в одном из принадлежавших Елисееву в Москве капитальных складских помещений химическую лабораторию.

Первым делом Родион решил обратиться за советом к Александру Михайловичу Бутлерову. По приезду в Санкт-Петербург он вкратце напомнил ему содержание их беседы у Федорова. Бутлеров заулыбался, припоминая:

– Что, все-таки продолжаете верить в воскрешение?

– Дело не в вере, Александр Михайлович! Не могут ошибаться люди, которые занимаются делом возвышенным и значительным!

– Чем же я могу быть вам полезен? Ведь я не занимаюсь проблемой жизни, я даже не биолог, не медик... Я – химик!

– Да, Александр Михайлович, и этим вы интересны. Нам нужна помощь в закупке наиболее современного и совершенного химического оборудования для проведения всевозможного анализа строения различных образцов живого и неживого вещества. И в этом вы – специалист. Давайте снарядим в Европу ваших учеников и по вашему указанию они это сделают. Далее, нам нужны специалисты, которые непосредственно работали бы в лаборатории на постоянной или временной основе. Мы смеем надеяться, что вы взяли бы хотя бы на первых порах за организацию исследовательской работы...

Родион замолчал, ожидая реакции Бутлерова. Тот не замедлил с ответом:

– Кто эти «мы», «нам»?

– Это группа крупных предпринимателей, купцов..., – уклонился Родион от прямого ответа. – Во всяком случае пока проблем со средствами не будет.

– Оборудование для серьезной лаборатории сегодня может позволить себе далеко не каждый университет. А для организации новой лаборатории вообще нужны десятки тысяч рублей. Я даже затрудняюсь сразу сказать, сколько. Надо анализировать, считать...

– Александр Михайлович, повторяю, средств пока вполне достаточно. Давайте ваши предложения по организации лаборатории в Москве. Когда вы смогли бы посетить Белокаменную? Все расходы по поездке вам и вашим помощникам будут оплачены.

– Хорошо! Думаю, что к концу следующей недели я приеду в Москву с одним или двумя своими учениками.

Родион чувствовал, что обращение к Бутлерову в ситуации начала исследовательской лаборатории наиболее уместно. Ведь он впервые объяснил явление изомерии тем, что изомеры – это соединения, обладающие одинаковым элементарным составом, но различным химическим строением. Большое значение для становления теории химического строения имело ее экспериментальное подтверждение в работах как самого Бутлерова, так и его школы. Бутлеров предвидел, а затем и доказал существование позиционной и скелетной изомерии. Еще в середине 1860-х годов он предсказал существование двух бутанов и трех пентанов, а позднее и изобутилена. Он последовательно проводил идеи теории химического строения через всю органическую химию.

Огромны и заслуги его в создании первой русской школы химиков. Его ученики по Казанскому университету В.В. Марковников, А.Н. Попов, А.М. Зайцев заняли профессорские кафедры в университетах. Родион знал, что сейчас успешно работают в Петербургском университете в бутлеровской лаборатории весьма профессиональные химики А. Е. Фаворский, М.Д. Львов и И.Л. Кондаков. Поэтому перспективы сотрудничества ему виделись радужными. К тому же отличительной чертой Бутлерова как руководителя было то, что он учил примером, – студенты всегда могли сами наблюдать, над чем и как работает профессор.

Но самое важное, что привлекало внимание Родиона к Александру Михайловичу, это то, что он из скромности умолчал о своем интересе к практическим вопросам сельского хозяйства, садоводству, пчеловодству, что, несомненно, могло способствовать решению тех всеобъемлющих задач, которые были намечены им. А в последнее десятилетие Бутлеров проявлял глубокий интерес к медиумизму и спиритизму. Обо всем этом Родион без труда разузнал у тех, кто тесно работал с профессором.

В те несколько дней, когда Родион ожидал приезда Бутлерова, он неожиданно для себя очень сильно сблизился с Тимирязевым, который с 1878 года был профессором Московского университета. Лекции профессора он несколько раз посещал в конце 1880 года, будучи наслышан о больших успехах его в области физиологии растений. В тех лекциях Климент Аркадьевич основное внимание уделял изучению процесса фотосинтеза, для чего им были разработаны специальные методики и аппаратура, принципы действия которой, он

объяснял слушателям. Интерес у Родиона вызвала зависимость фотосинтеза от интенсивности света и его спектрального состава: ассимиляция растениями углерода из углекислоты воздуха происходит за счёт энергии солнечного света, главным образом в красных и синих лучах, наиболее полно поглощаемых хлорофиллом. Тимирязев показывал, что интенсивность фотосинтеза пропорциональна поглощённой энергии при относительно низких интенсивностях света, но при их увеличении постепенно достигает стабильных величин и далее не меняется, то есть им были открыты явления светового насыщения фотосинтеза.

Впрочем, после нескольких посещений Родион оставил лекции Тимирязева, будучи внутренне несогласным с его дарвинистским толкованием природы живого. Тот неоднократно подчёркивал, что современные формы организмов – результат длительной приспособительной эволюции; на любом виде ныне живущих организмов лежит печать, с одной стороны, приспособленности к условиям обитания, с другой, – всей предшествующей эволюции. Исходя из этого, Тимирязев считал, что для правильного понимания законов биологии, разнообразных проявлений жизни и возможности управления ими необходим исторический метод, то есть последовательный эволюционный подход к изучению организмов.

Но теперь, обуреваемый задачами практического характера, Родион почувствовал, что дело воскрешения может быть тесно связано с необходимостью учета особенностей живых организмов, бытие которых отстоит от нас на тысячелетия. Поэтому он посетил профессора на его кафедре, где и состоялся обстоятельный разговор.

– Климент Аркадьевич, как вы относитесь к проблеме продления жизни живых организмов? – спросил Родион.

– Я бы не стал смотреть на это явление как на проблему, – философски заметил Тимирязев. – Проблема, – это когда приходится принимать решение, апеллируя к вере. В науке такой необходимости нет. Если же говорить о практических вопросах, то продление жизни возможно при условии создания максимально благоприятных условий для жизни того или иного вида. Но опять же, каждый отдельный индивид может сильно выпадать из среднего показателя... А что вас интересует?

– Я думаю над тем, насколько реально по останкам того или иного живого организма, даже и ископаемым, восстановить его обший вид и воспроизвести подобие.

– Видите ли, я ведь работаю с растениями..., – несколько замешкав отвечал Тимирязев. – Очевидно, здесь проще. Вот, например, нашли в египетской пирамиде посудину с зерном, посадили зерна в землю, а они возьми и взойди.

– И сразу все стало ясно?

– Для меня – нет. Те зерна пролежали, возможно, три тысячи лет в темноте и в стабильной обстановке. А когда их высадили, то они не могли дать того плода, который давали три тысячи лет тому. Изменился состав воздуха, состав почвы, углекислоты стало то ли больше, то ли меньше, солнечная радиация, думаю, тоже стала отличной от прежней и так далее. Учение Дарвина позволяет поновому определить задачи морфологии и физиологии и показывает пути их решения на основе изучения исторического процесса возникновения формы и функции. С позиций дарвинизма, и в первую очередь учения о естественном отборе, иначе следует объяснять и эволюцию функций у растений, в частности эволюцию фотосинтеза и универсальное распространение хлорофилла у автотрофных растений и многое иное.

Родион внимательно слушал профессора, пытаясь понять, насколько его мысли, пронизанные духом дарвинизма, возможно применить к той задаче воскрешения прежде живших, которая стала смыслом его жизни. Казалось, что Тимирязев услышал его немые вопросы:

– Да, конечно, ботаника и зоология имеют что-то общее, – живую клетку, например, в чем схожи и механизмы размножения, но все-таки... Так что, вас, Родион, все-таки интересует? Вы что-то недоговариваете...

– Да, недоговариваю. Климент Аркадьевич, позвольте спросить вас прямо: «Вы верите в возможность воскрешения мертвых?».

– С этого бы и начинали! – с видимым облегчением воскликнул профессор. – Тема сия мне знакома. Имел я несколько бесед с молодым поборником идеи, с Владимиром Соловьевым. Он, правда, приглашал меня к Федорову, да все как-то не сложилось. Оставьте эту мысль, молодой человек. Ни теория Дарвина, а он – человек верующий!, ни Закон Божий, ни здравый смысл, ничто не дает нам оснований ставить задачу воскрешения в практическую плоскость! Впрочем, вот здесь я могу, философствуя, определенно сказать, что – это проблема, ибо только через веру лежит путь к ее решению.

– Не может быть того, чтобы ученый вашего уровня не подсказал хотя бы, как возможно продлить жизнь человеческую, – продолжал настаивать Родион.

– Согласен, каждый ученый, если он гуманист и личность нравственная, должен что-то сделать для того, чтобы жизнь человеческая проходила достойно, чтобы уменьшалась в ней доля человеческого страдания, которое, очевидно, и сокращает нашу жизнь. Но далеко не все зависит от науки, от ученого сословия. Да и природа, окружающая нас, и земные явления, и космические воздействия, все должно познавать, чтобы как-то ограничить их вредоносное воздействие, – вздохнул Тимирязев.

Две последующие беседы с Тимирязевым, проходившие до приезда Бутлерова, внесли все-таки в душу Родиона некоторую долю уверенности в успехе предпринимаемого дела. Климент Аркадьевич, как он заметил, готов был обсуждать тему, руководствуясь «чисто философскими соображениями». Прежде всего, как ученый-экспериментатор, он обстоятельно рассуждал о «космической роли растений», прямо перед Родионом обобщая свои многолетние исследования в области фотосинтеза. Он осветил значение фотосинтеза, осуществляемого зелеными растениями, как первоисточника органического вещества и запасаемой энергии, необходимых для жизнедеятельности всех организмов, утверждая, что при некоторых условиях растения могут произрастать и за пределами Земли. Родион вполне принимал и видел перспективу использования идей Тимирязева об энергетической закономерности фотосинтеза для обоснования учения о единстве и связи живой и не живой материи в процессе круговорота веществ и энергии в природе.

Как ученый, имевший значительный опыт практической работы, Тимирязев размышлял о постановке аналитической работы, об инструментальной составляющей исследований, о содержании перспективных экспериментов. Все, сказанное профессором, Родион внимательно слушал и фиксировал в памяти, а придя домой, заносил в специальный журнал.

Наконец, в Москву приехал Бутлеров с двумя своими ассистентами. Родион пригласил их пообедать в «Славянский базар» и сразу после обеда они отправились в здание, где предполагалось создать лабораторию. Осмотрев здание, гости были удовлетворены состоянием помещения, системой водоснабжения и освещения. Бутлеров сделал некоторые распоряжения относительно прокладки газовых труб, системы вентиляции и возведения перегородок. Присев у сто-

ла, они начали обсуждать вопросы заказа необходимого оборудования для проведения химических анализов. Сославшись на Д.И. Менделеева, один из ассистентов предложил заказать термометры и приборы для определения плотности жидкостей и удельного веса у знаменитого мастера Г. Гесслера из Бонна. Решено было заказать специальные катетометры и микроскопы у известных парижских механиков Ж. Перро и П. Саллерона.

Много времени заняло обсуждение вопросов заказа лабораторных столов, посуды, переходов, кернов, алонжей, лабораторных воронок, дефлегматоров, капельниц, разнообразных колб, бюксов, холодильников с внутренним и наружным охлаждением, промывалок, бюреток, дозаторов, мерных колб, мерных цилиндров и пипеток и пр. Здесь пришли к заключению, что стекло следует заказывать у пражских специалистов.

Решено было М.Д. Львова, в свое время проходившего практику в Гейдельбергском университете, направить туда с целью получить необходимую информацию о новейшем лабораторном оборудовании: дистилляторы, мешалки, аналитические весы, газовые и электропечи, газовые и жидкостные горелки, вакуумная техника, манометры и барометры, фильтры и центрифуги, сосуды Дьюара, оборудование для перегонки, возгонки и кристаллизации, хроматографы, разнообразные пикнометры и вискозиметры, приборы для измерения электрических величин и многое другое. Родион с восторгом слушал специалистов и все больше укреплялся в своей вере в успех. Львову было поручено разместить заказы на необходимые приборы и оборудование в наиболее престижных лабораториях и мастерских, особое внимание обращая на качество и сроки исполнения. При этом Родион заметил, что наиболее добросовестным исполнителям заказов может быть обещана премия.

Особая часть обсуждения организации лаборатории касалась закупки необходимых химических реактивов. Договорились, что список необходимого будет готов через пару дней. Родион провел Бултерова и его ассистентов в гостиницу, намереваясь с утра вместе с ними отправиться в Московский университет, где предполагалось в основном уточнить как перечень необходимых приборов и реактивов, так и выяснить перспективы привлечения к делу квалифицированных доцентов, инженеров и лаборантов.

Глава десятая. Дмитрий Иванович

Обустройство лаборатории, исполнение технических заказов и закупка необходимых реактивов по тем или иным причинам задерживались. Наконец, к лету 1883 года в основном подготовительные работы были завершены. Радужные мысли Родиона, связанные с началом долгожданных исследований, омрачило одно событие. И нельзя сказать, чтобы оно было неожиданным. Но как не хотелось Родиону возвращаться к самому тягостному эпизоду его жизни, но вернуться пришлось...

В середине августа, в его кабинет в адвокатской конторе заявился неброско одетый мужчина лет тридцати пяти. Внимательно взглянув в лицо Родиону, он представился:

– Степан Михайлович Каледин, следователь...

– Слушаю вас.

– Родион Валентинович?

– Да.

– Имею к вам одно дельце, касающееся событий некоторой давности. Извольте припомнить... старушку-процентщицу... вместе со служанкой... ее убили тогда..., – заглядывая в глаза Родиону, медленно, с расстановкой, налегая на каждое слово, произносил Каледин.

Голос показался Родиону знакомым, и здесь его осенило. Он вдруг вспомнил: давнее лето, Ивана Мичурина, Федорова, Сидхартху, убитого мужчину с ножом в спине... Вспомнил он и этот голос, голос молодого пристава, заинтересовавшегося тогда ими.

– Вы меня удивляете, господин следователь. Какое мне дело до старушки-процентщицы? До ее служанки, убитой в «некоторой давности», как вы изволили выразиться.

– Оно то так, но может статься, что дело повернется в нужном направлении. Я вот смотрю и удивляюсь. Откуда у молодого человека вдруг взялись деньги, чтобы купить адвокатскую контору? Да, хотя вы и юрист, но ведь практикой никакой не занимаетесь... А за какие средства изволите жить?

– У меня контора, у меня люди работают...

– Я проверял, наводил справки, работают мало, зарабатывают еще меньше...

Родион внимательно слушал следователя, ожидая, что же он в конце концов намерен предпринять. Тот замолчал, очевидно, также

рассчитывая, что Родион как-то проявит себя. Молчание затягивалось. В это время в контору вошел доцент Вахрушев, который на данный момент практически руководил работами в лаборатории. Он внимательно посмотрел на молчавших Родиона и Каледина, и не чувствуя никакого подвоха, сказал, обращаясь к Родиону:

– Родион Валентинович, мне сообщили, что завтра из Варшавы будет доставлена партия электротехнического оборудования...

– Кто это? Какое оборудование? – не удержался от вопросов Каледин.

– Это наше дело, вас оно не касается, – сухо отрезал Родион. И добавил, обращаясь к Вахрушеву:

– Подождите меня в соседней комнате.

Вахрушев понял интонацию, и не мешкая, оставил кабинет.

– Извольте объяснить, что вам угодно, – обратился Родион к следователю.

– У меня есть серьезные подозрения относительно вашей благонадежности, – начал тот...

– Можете оставить ваши подозрения при себе, и если вам нечего больше сообщить мне кроме ваших подозрений, честь имею, – заявил Родион, указывая Каледину на дверь. – У меня дел много.

Помолчав несколько, Каледин кивнул головой и вышел.

Действительно, на следующий день крайне необходимое оборудование в лабораторию было доставлено, что существенно повлияло на повышение уровня лабораторных исследований. А через два дня из Праги вернулась группа работников лаборатории, которые там стажировались и обменивались опытом с ведущими чешскими специалистами в области органической химии. Судя по их восторженному виду и готовности немедленно взяться за дело, Родион сделал вывод об успешности такого командирования. В Праге они познакомились с новейшим методом хроматографии, который в сочетании с физическими методами идентификации и контроля позволял органикам непрерывно следить за ходом химических реакций или процессов разделения веществ.

Только трое доцентов, избранных Родионом по подсказке Бултерова и Тимирязева, имели достаточно ясное представление о громадности предприятия, которое им надлежало осуществить. Учитывая специфику поставленной перед учеными и исследователями лаборатории задачи, были установлены тесные связи с очень профессиональными врачами, обслуживающими морги двух больниц. Профессиональный интерес их выходил далеко за пределы того, что от

них требовалось по службе. Родион лично встречался с ними и чувствовал, что эти люди сделают даже больше той задачи, которая было поставлена перед ними. Естественно, Родион и его главный помощник – Дементий Вахрушев, наладили тесное сотрудничество также с наиболее расторопными могильщиками, работавшими на самых старых московских кладбищах. Таким образом, составила некая первоначальная структура организации исследований в лаборатории, которую вскоре, правда, неизвестно с чьей легкой руки, стали называть «Эдемом». Сама лаборатория занимала большую часть огромного капитального складского помещения на территории табачной фабрики. В другой части находился склад сырья и оборудования фабрики. Лаборатория имела вход со стороны фабричного двора и отдельный въезд, оформленный под бутафорскую витрину, который выходил в тихий переулок, сообщавшийся с большим заброшенным кладбищем. Поэтому мало кто из работников фабрики мог догадываться как о ее существовании, так и о ее истинном предназначении.

В этот же период становления лаборатории Родион ездил в Санкт-Петербург с целью познакомиться с известным ученым-химиком Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Родион рассчитывал найти поддержку и получить какие-то практические советы от профессора. Менделеев принял его вполне доброжелательно, внимательно, не перебивая выслушал его идеи, но когда Родион заговорил о своем предложении участвовать тому в любой удобной и приемлемой для того форме в реализации проекта воскрешения мертвых, упомянув при этом имя Бутлерова, Менделеев резко прервал его:

– Родион, вы юрист, и возможно, хороший специалист в своем деле. Имеете собственную адвокатскую контору... Занимайтесь тем, что вы знаете хорошо. Не лезьте в те скользкие области знания, а скорее незнания, домыслов и иллюзий, которые сегодня популяризуют многие даже маститые ученые уровня Бутлерова и Вагнера.

Здесь Менделеев рассказал ему о деятельности комиссии для рассмотрения медиумических явлений, которую создали в ответ на распространение в русской культурной среде воззрений, призванных разрешить проблему непознанного обращаясь к разным формам мистицизма и эзотерики, в частности, спиритуализма, спиритизма или медиумизма. Видя некоторое недоумение Родиона, он заметил, что в числе ученых-лидеров такого понимания мироустройства были А.М. Бутлеров – сторонник теории «четвёртого» состояния материи, разделявший взгляды убеждённого спиритуалиста У. Крукса, зоолог

Н. П. Вагнер и известный публицист А. Н. Аксаков. И тогда по инициативе Д. И. Менделеева молодое ещё Русское Физическое Общество выступило с резкой критикой спиритизма, а 6 мая 1875 года было принято решение «создать комиссию по проверке всех „явлений“, сопровождающих спиритические сеансы».

– Борьба с коллегами была тяжелая и бескомпромиссная, – заметил Дмитрий Иванович, но мы победили. – Комиссией был использован ряд методов и технологических приёмов, исключавших использование «магнетизёрами» физических закономерностей для манипуляций: пирамидальный и манометрический столики, устранение внешних факторов, препятствующих полноценному восприятию обстановки эксперимента, допускающих усиление иллюзий, искажение восприятие реальности. Результатом деятельности комиссии явилось выявление ряда специальных приёмов, вводящих в заблуждение, разоблачение очевидного обмана, констатация отсутствия каких бы то ни было эффектов при корректных условиях, препятствующих неоднозначному толкованию явления – спиритизм был признан следствием использования «медиумами» психологических факторов для управления сознанием обывателей – суеверием.

Родион внимательно выслушал оживленно жестикующего Менделеева и сказал:

– Но вы ведь не опровергли главного, того, что возможно в принципе, например, передача мыслей на расстояние, ощущения людей относительно того, что происходит с их близкими за сотни верст, предчувствия, которые сбываются и прочее.

– Некоторые из этих явлений мы также исследовали...

– Но где уверенность, что нынешнее состояние науки настолько совершенно и самодостаточно, чтобы утверждать одно и напрочь отвергать непонятное?

– Работа комиссии и полемика вокруг предмета её рассмотрения вызвала много откликов, в целом поддерживавших сторону здравомыслия, – заметил на это Менделеев. – Но и я лично в итоговом издании предостерегал журналистов от легкомысленного, однобокого и неправильного толкования роли и влияния суеверия. Да, кстати, свою оценку дали авторитетные в образованных кругах П.Д. Бабарькин, Н.С. Лесков, а особенно Ф.М. Достоевский. Правда, критические замечания Федора Михайловича больше относились не к спиритуализму, противником которого и сам он был, а к моему рационализму.

– Вот видите, и Федор Михайлович видит изъяны последовательного рационализма, который часто упрощается до так называемого «здорового смысла»!

– Различие, Родион, коренится в исходной нравственной позиции исследователя: в «добросовестном заблуждении» или сознательном обмане. Именно нравственные принципы он ставит во главу угла в общей оценке всех аспектов и самого феномена, его толкования и, в первую очередь, убеждений учёного, независимых от его непосредственной деятельности – и должен ли он их иметь вообще?

– А что, разве воскрешать живших прежде – безнравственно?

– Давайте не будем путать понятия. Я не желаю насаждать грубый материализм, я желаю, чтобы было побольше людей истинно понимающих, что между наукою и нравственными началами существует исконное единство. Если философы доказывали существование, бытие сверхъестественного мира, то спириты этот мир спустили на землю, показывают за грош, доказывают материальность духов. Я думаю, что проблема сверхъестественного тесно связана сразу с несколькими направлениями научной деятельности: психология, философия, педагогика, популяризация знаний, исследование газов, воздухоплавание, метеорология и т.д.

– Хорошо, Дмитрий Иванович, но как ученый-химик вы не отказываетесь помочь работе нашей лаборатории? – спросил Родион расставаясь.

– Как ученый-химик – да, не отказываюсь, – улыбнулся Дмитрий Иванович, пожимая руку Родиону. – Поэтому я готов поделиться некоторыми своими соображениями со специалистами вашей лаборатории, непосредственно занимающимися экспериментальной работой.

Удовлетворенный и ободренный знакомством с этим крупным ученым Родион вернулся в Москву. Посоветовавшись с Вахрушевым решено было отправить к Менделееву для консультаций и прохождения практики двух лаборантов, показавших существенный прогресс в исполнении своих обязанностей.

Основной акцент в работе с практикантами мэтр химии сделал на развитии сравнительного метода. Несмотря на свое неприятие спиритуализма и «оживления покойников», как он выразился, Менделеев в принципе заинтересовался темой как пусть и абстрактной, но все-таки как задачей, имевшей существенную новизну. Прежде всего он заметил, что атомистическая теория может и должна быть положена в основу аналитических исследований живого организма.

У него не вызывало сомнений то обстоятельство, что химический состав тел млекопитающих, включая и человека, идентичен. Поэтому по сути возможно начинать исследования с любого. К эволюционной теории отношение его было скорее скептическое. Особенно налегал Менделеев на том, что в процессе лабораторных исследований недостаточно ограничиваться только химическими анализами. Большую перспективу в деле познания живого он видел в применении физических методов, ибо физика могла существенно помочь пополнить таблицу химических элементов. Он поучал практикантов:

– Знания, относящиеся к количественной стороне химических превращений, далеко опередили изучение качественных отношений. Простая «арифметика» вам мало поможет. Именно связь количественных и качественных отношений, по моему глубокому убеждению, составит нить, долженствующую вывести вас из лабиринта современного и значительного запаса данных, к сожалению, весьма и весьма односторонних. Вы должны понять, что атомы настолько самобытны и самостоятельны, что они не превращаются друг в друга, а каждый оказывает свое самостоятельное влияние, его природой определенное.

– Дмитрий Иванович, – обратился к ученому один из практикантов по поводу последних его суждений, – понимаете ли вы самобытность и самостоятельность атомов в русле идей Демокрита? Не следует ли понимать ваши слова в том смысле, что абсолютно все атомы оригинальны и неповторимы, что каждый атом имеет свое собственное и неповторимое «лицо»?

Судя по реакции Менделеева, вопрос не застал его врасплох:

– Я думал над этим, и по большому счету склонен признавать правомерность мыслей а la-Democritus. Но хочу внести ясность в постановку вопроса. Глядя на гостя из Китая, мы называем его китайцем, а он нас – русским. Это – справедливо, в смысле существующих понятий в современном мире. Но и китаец, и русский, и мексиканец и т.д. – это крупные млекопитающие и, естественно, в каждом из китайцев или мексиканцев при определенной сноровке русский может увидеть отличия. Но нам не требуется особой сноровки, чтобы легко отличать одного русского от другого, не правда ли?

– А, вот как, кажется, я понимаю вас, Дмитрий Иванович. – Очевидно, вы считаете, что с развитием инструментальных возможностей науки, ученые смогут различать, например, один атом водорода от другого, так?..

После двухнедельной практики молодые исследователи вернулись в Москву и на семинаре, проходившем под водительством доцента Вахрушева, достаточно подробно и обстоятельно поделились знаниями, полученными от Менделеева. К тому же они привезли некоторое количество химических инструментов и реактивов, приобретенных по его рекомендации.

Да и после визита следователя Каледина прошло уже более полугода. Лаборатория и весь ее небольшой, но высококвалифицированный коллектив быстро осваивали новейшие технологии химического анализа и синтеза. Но вот, через пару дней после дня Герасима-грачевника, праздновавшегося в марте, неожиданно у входа в лабораторию появился сам Каледин. В это время в самой лаборатории находились Родион и доцент Вахрушев. Охранник сообщил о приходе визитера. Скрываться было бессмысленно. Полномочия Каледина были достаточно большими...

Родион вышел во двор и пригласил Каледина в свою адвокатскую контору. Судя по всему, тот не настаивал на посещении лаборатории. В конторе состоялся весьма интересный для обоих разговор. Каледин в частности сообщил, что он уполномочен передать Родиону привет от Николая Федоровича Николаева, ныне пребывающего в тюрьме:

– По пьяному делу, осмелюсь сообщить, по пьяному делу попался, Родион Валентинович.

Родион сделал вид, что это сообщение его абсолютно не касается и вопросительно посмотрел на следователя, всем своим видом демонстрируя, что он ждет разъяснений. В свою очередь, Каледин с таким видом, точно он разговаривает с товарищем о давно известных им вещах, продолжил:

– Да-с. Так вот, Николаева мне удалось разоблачить совершенно случайно. После смерти Андрея Михайловича Смолина мне поручили заняться «делом процентщицы». В бумагах его нашлись некоторые сведения, позволяющие начать поиски, сделать которые он не смог. Поэтому некоторое время спустя после нашей встречи в вашей конторе, проводили мы небольшое дельце в Сухаревских притонах; весьма и весьма тонко работали. Да вы и сами знаете, как там тяжело работать. Скорее нож в спину засунут, чем успеешь что-то узнать, – доверительно заметил он.

– Не могу знать, что происходит в Сухаревских притонах, – сухо заметил Родион. – Но я все-таки, хочу понять, чего вы, Степан Михайлович, от меня хотите?

– Экий недогадливый, – загадочно улыбнулся Каледин. – Явки с повинной я от вас хочу.

– По какому поводу?

– Ладно, не будем играть в кошки-мышки. Один из «болдохов», желая откупиться от меня, и клятвенно пообещав навеки исчезнуть из Москвы, показал на беглого каракозовца Николаева, сообщив мне, что тот с кем-то неизвестным совершил дерзкое ограбление с убийством. Старуху-процентщицу убили... Дело известное, нашумевшее, неясное... Да, сударь, нашумевшая история. Но уголовщина не могла успокоиться. И нашли, именно накануне моего визита в притоны... Вычислили, нашли хозяина телеги, нашли Николаева. Я вынужден был его задержать. Мы держали его в одиночной камере. Он долго молчал, не отказывался от участия в деле подготовки царевубийства с Дмитрием Каракозовым, что и так давно было известно. Даже где-то намекал, что готов снова на такое дело. Но никак не хотел признаваться в том ограблении и убийстве. Но, но... Но я его дожал, нашел факты. Неделию назад он начал понемногу признаваться, показал на вас, Родион Валентинович...

– Где факты, где доказательства, Степан Михайлович? Вы находитесь в адвокатской конторе, бездоказательно обвиняете хозяина конторы, юриста... Странно, не правда ли?

– Не думаю. Кое-какие доказательства и бесспорные, заметьте, имеются.

– Ну так приводите их.

– А припомните-ка, встреча в библиотеке у Федорова, – лукаво взглянул на Родиона Каледин.

– Да мало ли кто встречается в библиотеке с уважаемым и умным библиотекарем, – пожал плечами Родион.

– Говорят о вечной жизни, о воскрешении... – съехидничал Каледин.

– Да мало ли о чем говорят. На чужой роток не накинешь платок.

Каледин пристально посмотрел Родиону в глаза:

– А вас не удивляет, что встретились мы возле вашей лаборатории?

– А почему вы столь бесцеремонно в прошлый раз требовали от меня признания в совершении уголовного преступления? – ответил Родион вопросом на вопрос.

– Молодой, богатый, а деньги где взял на контору?

– Не думаю, что вы такой простой человек, как стараетесь представить себя...

– Но все-таки признавайтесь, Николаев показал на вас как на соучастника, показал местоположение лаборатории.

– Где доказательства? – повторил свой вопрос Родион.

– В том-то и дело, что Николаев мертв. Вчера его без моего ведома перевели в общую камеру, где сокамерники его и зарезали... Хотя, где награбленное у процентщицы, он не сказал. Будем искать!

– Надеюсь, в этом убийстве меня не обвиняют, – усмехнулся Родион.

– В том, что зарезали? – нет, – засмеялся следователь. – Но, поверьте, доказательства по сути я доставлю. До свидания...

Родион проводил Каледина на улицу, они сухо расстались, кивнув друг другу на прощание.

Вернувшись в контору Родион сел у стола и задумался. Ситуация представлялась достаточно сложной и чреватой неприятностями как ему лично, так и «общему делу». Необходимо было предпринимать какие-то шаги...

Но постепенно повседневная суэта, работа в лаборатории, постановка задач исследования в самом общем философском плане, длительные беседы с ведущими анализа доцентами и лаборантами, отодвинули на второй план ситуацию со следователем и Родион стал забывать о встрече с ним.

Глава одиннадцатая. Ян Кефер

В первых числах сентября Родион отправился вместе с Бутлеровым в Прагу. Несмотря на то, что в целом на словах Бутлеров не отрицал правомерности идеи воскрешения, Родион чувствовал, что внутренне он эту идею в ее материалистическом аспекте не принимает. Как-то в минуту откровения, сидя в отдельном кабинете «Эрмитажа», он поделился с Родионом своими мыслями о том как он видит жизнь вечную. И вот теперь, желая дать Родиону более широкую картину сущности жизни, он предложил ему поехать в Прагу – средневековую столицу алхимиков и астрологов. Тот с радостью согласился, рассчитывая встретиться и с Николой Теслой, и с Яном Кефером.

Какова же была радость Родиона, когда он встретился со своими пражскими друзьями. Они зашли в небольшое кафе на Староместском рынке. Оказалось, что Никола находился в сложной ситуации выбора. С конца 1882 года он работал в Континентальной компании Эдисона и в качестве инженера-электрика участвовал в монтаже и наладке различных электродвигателей и электрогенераторов постоянного тока конструкции самого Томаса Эдисона. Он очень внимательно исследовал устройство и принципы работы машин Эдисона и предложил большое количество усовершенствований. Тем самым он пользовался большим авторитетом в компании. Наиболее крупной работой компании в это время было сооружение электростанции для железнодорожного вокзала в Страсбурге. Дела шли плохо и компания оказалась в неприглядном положении. Исправить ситуацию поручили Тесле и он взялся за самую ответственную стройку в Европе. Весной 1884 года работы были успешно завершены. Но обещанной премии в сумме 25 тысяч долларов Никола не получил, его обманули. Параллельно с работами по строительству он экспериментировал и создал модель электродвигателя переменного тока, которая отлично работала. Но и его изобретение не нашло поддержки у компании. Теперь, временно пребывая в Праге, он размышлял над перспективами дальнейшей жизни и работы:

– Я думаю, что мне следует поехать в Петербург. Ведь там в последние годы очень успешно работают Павел Яблочков, Дмитрий Лачинов, Владимир Чикилев, с которыми я встречался на выставке и на научно-технических конференциях, – заметил Никола. – Поэтому в России я рассчитываю найти поддержку своим мыслям и планам...

При этих словах Николы Бутлеров заерзал на стуле. Ему вспомнился Яблочков, который чуть не погиб в своей лаборатории, и который, будучи всемирно известным ученым и изобретателем, вынужден был покинуть родину и искать счастья в Париже. Вспомнился и Дмитрий Менделеев, великий первооткрыватель, в 1876 году избранный членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук. Вспомнился и 1880 год, когда Менделеева выдвигали в академики и забаллотировали, что вызвало резкий общественный протест. С тех пор у самого Бутлерова много сил отнимала борьба за признание Академией наук заслуг русских ученых. В 1882 году, в связи с академическими выборами он обратился непосредственно к общественному мнению, опубликовав в московской газете «Русь» обличительную статью «Русская или только императорская Академия наук в Санкт-Петербурге?». И вот теперь молодой, и что было для Бутлерова несомненно, талантливый серб намеревается ехать в Россию...

– Я бы вам не советовал ехать в Россию. Боюсь, вас там будет ожидать большое разочарование. Лучше езжайте в Новый Свет. По крайней мере там разочарование если и будет, то меньше, – обеспокоено обратился он к Николе.

– Спасибо. Я думал об этом и Чарлз Бетлор – давнишний друг Эдисона, дает мне рекомендательное письмо к нему. Поэтому отсюда я направлюсь в Париж, далее поездом в Гавр и оттуда в Нью-Йорк.

Далее разговор постепенно перешел в плоскость проблем, интересовавших Родиона. Полушутливо Бутлеров начал определять категории людей, которых следовало возвращать к жизни, и которых не следовало.

– Ну вот вы сами подумайте, какой смысл возвращать к жизни умерших от тяжелых хронических заболеваний, или кровных врагов, или заматерелых преступников и убийц?

– Не скажите, – вступил в разговор Ян Кефер. – Ведь в значительной мере людей и больными, и кровными врагами, и преступниками делают обстоятельства. Если изменить обстоятельства жизни, то изменятся и сами люди. Хотя опять же и свободная воля человека что-то значит.

– Я скорее детерминист, но мне были бы весьма интересны мысли астролога о свободной воле, – бросил реплику Бутлеров. – Правда ли, что есть свободная воля человека?

– Какой трогательный интерес к этому вопросу! – воскликнул Ян. – Сто лет доказывают академики и профессора, что свободной воли нет, что человек подвержен судьбоносным влияниям, что он является лишь несколько более совершенным животным. Возьмите, к примеру, мысли Рене Декарта, его учение об инстинктивной деятельности, размышления о «животном-машине». Естественно, что свободная воля объявляется бессмыслицей, а всякий лентяй и глупец оправдывает свои человеческие качества детерминизмом. Теперь люди допотопных взглядов выступают против астрологии, вместо того, чтобы приветствовать ее как подтверждение детерминистских воззрений. Но это ошибка! Именно астрология доказывает существование свободной воли, и каждый человек может это ощутить.

– Ян, и все-таки меня больше интересует твое отношение к проблеме воскрешения, – не удержался Родион. – Если отбросить нравственный момент, я имею в виду, кого возвращать к жизни, а кого – нет, то что ты видишь в этой проблеме? Как все это видится астрологу?

– Думаю, что астрология здесь ни при чем. Хотя, конечно, пользуясь ее методами я мог бы с большой долей вероятности определить, справишься ли ты с поставленной перед собой задачей... Вот, к примеру, судьба учения великого Миколая Коперника. Ведь учение стало известно миру благодаря астрологам-протестантам круга Филиппа Меланхтона. Мужики школы Виттенбергской не только были заинтересованы узнать ближе что-то о разглашенной уже «новой астрономии», но стремились постичь ее глубже, а именно утверждать из гороскопа ее творца, какую долговечность можно для той доктрины предвидеть, чего она в целом стоит, а в итоге посмотреть, не может ли тема рождения быть «бесспорным критерием», или ее владелец есть всего навсего «homo stupidus», «ignorans» или «maniacus»? Судя по всему миссия Ретика оказалась удачной. В эффективности учения, в здравом смысле и способностях М. Коперника убедился он лично и те, кто его посылали на основании толкования карты рождения ученого. Поэтому было дано добро на публикацию работы.

– Ну так определите и вы, – с некоторым напряжением в голосе, попросил Бутлеров.

– Даже если я и займусь этим, и определю, я не стану делиться своими открытиями.

– И правильно, – заметил Никола Тесла. – Вера в свои силы не нуждается в астрологических доказательствах. Я верю, что электри-

ческая энергия может быть передаваема на любые расстояния в любых количествах, и я это докажу практически!

Последние слова Теслы заставили всех на какое-то время замолчать. Слишком дерзким представлялось сделанное им заявление. Спустя некоторое время Бутлеров заметил:

– Увы, это явления совершенно разного рода. В одном случае – это возможности человеческого гения, а в другом – божественное провидение.

Наконец, официант подал клиентам заказанные ими свежеприготовленные фирменные коленца, вино и они продолжили свою беседу. Родион какое-то время вслушивался в общий разговор, но что-то удерживало его от участия в нем, где-то очень глубоко в душе усиливалась тревога...

Перевалило за полдень, когда в кафе вошли какие-то незнакомые Родиону люди, о чем-то пошептались с Яном Кефером. Он тронул Родиона за рукав и кивком головы пригласил выйти на улицу. Незнакомцы вышли следом за ними.

– Сейчас я познакомлю тебя с хозяином одной из алхимических лабораторий, – негромко сказал Ян. – Но ты должен поклясться, что никто не узнает о нашем посещении этой лаборатории.

– Конечно, обещаю, можешь не сомневаться.

– Хорошо. Тогда пошли...

Они прошли по переулкам еврейского города, к Влтаве, подошли к одному из древних домов... Здесь из-под сумрачных сводов проходного двора послышался шепот:

– Сюда! Здесь ваш дальнейший путь!

Незнакомцы отделились и исчезли в лабиринте узких улочек. Вместо них как из-под земли появились люди в черных масках. Открылась невзрачная, оббитая ржавым железом дверь. Они вошли в небольшую комнатку, обставленную старой потертой мебелью. За столом сидел старик и ел какое-то варево. Не обращая на него никакого внимания, люди прошли к покосившемуся посудному шкафу, заполненному всяческой дребеденью, молча отодвинули его в сторону. В стене зияло небольшое отверстие, в которое можно было с трудом протиснуться. Родион, Ян и двое людей вошли в тесный ход, конец которого пропал во тьме. Гнилые доски скрипели у них под ногами. Оскользаясь, Родион инстинктивно хватался за шероховатые стены. Слабый свет просачивался сквозь редкие щели, расположенные высоко над головой.

Люди, сопровождавшие Родиона и Яна были вооружены. Один из них снял маску и говорит:

– Не бойтесь, путь ваш надежный... Но имейте в виду, ваш визит следует сохранить в тайне. Иначе...

Осклизлая, илистая земля под ногами – доски давно кончились – все круче уходит в глубину. Меркнут последние проблески дневного света. Сырые стены распространяли запах плесени. Вдруг все остановилось. Проводники начали тихо перешептываться. Появился третий. Родиону стало понятно, что они углубились под реку, когда проводники зажгли факелы, а на голову стали капать редкие капли воды.

Вспыхнул один факел, второй... не меньше дюжины их осветило самую низкую часть подземелья. В трепещущем пламени факелов видна уходящая вдаль штольня. Через правильные интервалы из мрака выплывают массивные дубовые балки, подпирающие каменные своды. Временами сверху слышны какие-то глухие удары. Долго, очень долго шел Родион и остальные, задыхаясь от невыносимой вони гниения. Под ногами время от времени шныряли крысы. По стенам копошились мириады мерзких насекомых. Когда штольня пошла вверх, над головами стали проноситься летучие мыши, обжигая перепончатые крылья о пламя коптящих факелов.

Наконец, подъем стал крутым, впереди мелькнуло что-то голубое. Факелы погашены, эскорт закрепляет их в железные кольца, врезанные в камень стены. И снова густая темнота и скрипящие доски под ногами. Шахта круто уходит вверх неровными ступенями лестницы. Но вот и дневной свет. Все оказались на дне колодца. Двое провожатых с трудом поднимают железный люк. По одному Ян и Родион протиснулись в узкий проход и вылезли из очага в убогую кухню. Крошечное помещение с кривоногим столом и табуреткой, дальше низенькая дверь, ведущая в некое подобие прихожей, и наконец, через еще одну низенькую дверь они вдвоем попадают в достаточно просторное помещение. Провожатые остаются за дверью. В комнате большое окно, за которым широко раскинулись кроны старых деревьев. В старинном кресле, занимающем порядочно места восседает в черном благообразный крупный человек в очках, гладко выбритый. На голове низко надвинутая черная шляпа. Пронзительный взгляд черных глаз.

Рядом с ним заросшее левкоями окно, сквозь которое проникает теплый золотой отсвет предвечернего солнца. С первого мгновения у Родиона сложилось ощущение покоя, умиротворенности, расслаб-

ленности. После похода в сумрачной жуткой штольне под руслом Влтавы, где каждый шаг казался последним, Родион оглянулся в этой приветливой комнате. Вслед за Яном он почтительно приветствовал хозяина.

Человек молча кивает и небрежным движением руки предлагает присесть на стулья, стоящие у стены. Они садятся.

– Господин из Москвы, говорят, что вы интересуетесь возвращением к жизни умерших? Думаю, что в таком случае нам есть о чем потолковать... Тема интересная, она сродни королевскому искусству.

Родион взглянул на Кефера, который молча внимал словам мэтра. Но вот Ян заговорил:

– Вашей милости известно, что я занимаюсь астрологией и достиг в этом искусстве некоторых успехов. Но у меня, в отличие от многих шарлатанов и ярмарочных шулеров нет ни малейших амбиций позолотить свое скромное существование алхимическим золотом. От мудрейшего адепта я хотел бы услышать только указания и авторитетные советы. Что же касается философского камня, который вы изволили упомянуть, то он нам нужен, – здесь Ян кивнул в сторону Родиона, – для того, чтобы трансмутировать тленную плоть.

Человек при последних словах Яна склонил голову набок и Родиону показалось, что он сразу стал похож на старого беркута, который нахотлился и меланхолично смотрит в недосягаемое небо сквозь толстые прутья оконной решетки.

Наконец человек сквозь зубы бросает:

– Ересь, господа! Единственная святыня, которой следует пресуществлять нас, христиан, находится в руках наместника Сына Божьего на земле.

Слова эти прозвучали надменно и насмешливо. Ян возразил:

– Истинный Камень, сэ, насколько я осмеливаюсь судить, – материя не от мира сего...

– Это все теология, – усталой рукой отмахивается человек.

– Нет, – это алхимия!

– Возможно, но в таком случае Камень должен являться магическим **injectum**, веществом, которое определенным образом вводится в организм, чтобы трансформировать состав нашей крови, – задумчиво и негромко произносит человек.

– А почему бы и нет, сэр? Ведь и **aurum potabile**¹ вводится в организм как напиток, которым мы очищаем нашу кровь!

– Напрасно вы дерзите, Ян Кефер, – грубо обрывает его человек, – смотрите, как бы в один прекрасный день этот столь возжеланный камень не утащил вас на дно! И попомните мой добрый совет: не есть и не пить ничего такого, что до вас не попробовал кто-то другой...

Здесь речь человека становится бессвязной, он продолжает что-то неразборчиво бормотать... Но вдруг он вскидывает голову, взор его ясен, речь безупречна:

– Где книга?

Зловещий голос человека ворвался в сознание Родиона, который было уже успокоился, привыкая к обстановке.

– Книга в надежном месте, сэр. Открыть замок, за которым она хранится, можно только одновременно двумя ключами. Один у меня, а другой у известного только вам человека. Я его не знаю. И еще, сэр, верните мне фиолетовую пудру, которая вам ни к чему. Без второго компонента она – ничто! Упаси боже, она попадет в руки какого-нибудь мошенника или висельника, они могут натворить много бед.

– Когда вы прочтете книгу? Когда я, наконец, узнаю искомую тайну? Отвечайте, Ян Кефер!

– Дайте мне второй ключ от замка и я это сделаю немедленно, – дерзко отвечает Ян человеку в кресле.

Проходит минута, вторая. Человек, глядя в окно, говорит:

– Все-таки с эликсиром мы как-нибудь порешим при следующей встрече...

Родион очнулся от того, что его тормошили за руку.

– Ты что, уснул? – заглядывал ему в глаза Никола Тесла.

– Похоже, что немного придремал, – признался Родион, оглядываясь по сторонам. Солнце не далеко отклонилось от того положения, которое он помнил. Выходило, что задремал он совсем ненадолго.

– А мы как раз говорили о том, что же является главным в деле воскрешения, – обрадовано сообщил ему Ян. – Думается, что все-таки главное – это живая клетка. От неё надо и начинать. Господь вложил душу в каждую живую клетку. Внимательно почитай «Мо-

¹ Питьевое золото.

надологию» Лейбница, возможно, его мысли тебе помогут в ваших исканиях.

– Я бы пошел дальше в разработке учения о воскрешении, – добавил Тесла. – Я бы исходил из того, что пока есть хоть какой-то целостный фрагмент человеческого тела; будь то кусочек кости, волос или еще что-либо, до тех пор существует реальная возможность вернуть человека, – хозяина его, к жизни. Но опять же, каким-то образом надо знать, что это за человек. Нужны авторитетные свидетельства, что это именно тот некто. Если всемогущий Господь Бог продолжает в силу своего высшего промысла сохранять какой-то фрагмент человеческого тела, то он не мог отнять жизнь у того, что продолжает существовать! А что касается рассуждений о том, что человека жившего некогда в давние времена можно собрать из атомов, его некогда составлявших, то это скорее некоторая метафора, но не более того. Если не будет существовать того, к чему можно добавить, то ничего с воскрешением в принципе не получится.

– Ну, если пойти совсем уже далеко, то надо идти к опыту «королевского искусства», к алхимии, – продолжил Ян Кефер рассуждения Теслы. Конечно, нынешнее представление об алхимии крайне превратное. Былая наука после трагического поворота, известного в истории европейской культуры как Возрождение, прекратила своё существование. Она распалась на «теофизическую алхимию» – собственно искусство трансмутации минералов и металлов, и «спагирию» – искусство приготовления бальзамов, панацей, всевозможных эликсиров бессмертия. Впрочем под бессмертием понимается неопределенно долгая жизнь.

– А не слишком ли вы идеализируете астрологию? – прервал Бутлеров Яна.

– Никоим образом! Трагичность ситуации в том, что из алхимии исчезли небесные, сверхъестественные принципы ее функционирования. Подобная же участь постигла и все «свободные искусства»: математику, астрологию, грамматику и риторику. Когда влияние «эйдетической энергии формы» прекратилось, жизнь потеряла принципиальную смысловую ось, то есть реальное обоснование, а посему превратилась в калейдоскопическую игру элементов, наподобие периодической системы элементов. Но произошло это не только в химии, но и в любой другой области человеческой активности.

Здесь все оживились, посыпались реплики. Бутлеров продолжил:

– Да, здесь есть о чем задуматься. Когда прекращается действие небесной фаллической эманации, то что же получается? Раздробление единства на бесконечное количество изолированных множеств?.. Не правда ли, Ян?

– Bravo, господин Бутлеров! Правда, правда! Получается распыление человека в общечеловеческое облако, математизация хаоса, равенство всех и вся перед Молохом тотального уничтожения! Грустно, но усиливается угнетающая одноплановость бытия. Мы оказываемся детьми великой матери, иллюзорными порождениями фиктивного матримониума. Наша, так называемая «реальность», тождественна реальности наших сновидений. Алхимия же по своей глубинной сути ищет константы, не предполагая их наличия в «объективной реальности», которую так любит грубый материализм.

– Но если вернуться к теме эликсира бессмертия, пусть и относительного бессмертия, то такой ли это уж бесценный дар? – заговорил Бутлеров, заглядывая в глаза Родиона. – Жить двести, триста, даже пятьсот лет в данных условиях, в данном человечестве?! Нет, увольте, вполне достаточно опыта шестидесяти-семидесяти лет жизни.

– Да, смысл жизни изменился. На смену человеку-«индивиду», каким его знала классическая алхимия, видя в человеке систему неделимую, герметическую, внутренне целостную, максимально защищенную от внешних воздействий, теперь приходит человек-«дивид» – делимый. Нынешний человек разрушается как под влиянием внутренних дисгармоний, так и под разъедающим действием внешних окружений. И это сегодня считается нормальным, и это называется жизнью, – с грустью подытожил Никола Тесла. – Но в перспективе будет еще хуже... Если обратиться к одному из аспектов идеологии Библии, то можно сказать, что грядет приход всемирного Хама. И об этом, сердце мне подсказывает, скоро будут писать серьезные и вдумчивые люди.

Глава двенадцатая. Алексей Пешков

Пребывание в Праге Бутлерова и Родиона было непродолжительным. Через пару дней после достопамятного обеда в кафе на Староместском рынке они попрощались с Николой Теслой, который все-таки отправился за океан воплощать свои электротехнические идеи и мечты, Родион некоторое время после отъезда Теслы занимался с Яном Кефером прогрессивными астрологическими техниками. В общем Ян был доволен его успехами и приглашал почаще приезжать в Прагу, что искренно и обещал ему Родион. Бутлеров также не терял времени понапрасну, общаясь со своими коллегами в Карловом университете.

К середине октября оба вместе вернулись в Москву к своим обычным занятиям. Родион много внимания уделял исследовательским работам в лаборатории, где теперь систематически работала большая группа химиков, биологов и врачей, объединенных общей гуманистической целью. Коллектив исследователей сформировался в процессе трехлетней работы, люди сомневающиеся в успехе общего дела или отошли сами, или под разными предлогами были отстранены от работы в группе. При этом Родиону и Вахрушеву, который теперь имел степень доктора биологических наук, удалось максимально сохранять закрытый от вмешательства посторонних образ жизни лаборатории. При лаборатории была создана библиотека, в которой была собрана литература по фундаментальным проблемам естественных наук, регулярно выписывалась периодика. К сожалению, Бутлеров с самого возвращения из Праги начал понемногу отстраняться от общения с Родионом. А в начале августа 1886 года пришло печальное известие о том, что Александр Михайлович Бутлеров – российский химик, создатель теории химического строения, глава крупнейшей казанской школы химиков-органиков и известный общественный деятель скончался на пятьдесят восьмом году жизни.

Прощаясь с Бутлеровым, Родион неожиданно обнаружил присутствие на церемонии следователя Каледина, которой и ему высказывал сочувствие по случаю смерти Бутлерова. Сам Каледин, в ответ на удивленный взгляд Родиона заметил, что уже третий год служит в Петербурге с повышением «по известному ведомству». Но Родиона не забывает...

Все больше Родиону пришлось заниматься делами своей адвокатской конторы. Реальные действия императора Александра III, ко-

торый в первые дни своего вступления на престол заявлял о желании «посвятить себя прежде всего делу внутреннего государственного развития, с развитием гражданственности и вопросами экономики и социальными», приводили к усилению социального напряжения в российском обществе. Реакционные поползновения начались с того, что император поддержал позицию обер-прокурора синода К.П. Победоносцева. В итоге в манифесте 29 апреля 1881 года появились знаменательные слова, что император, уповая на божественный Промысел и веря в силу и истину самодержавной власти, намерен утверждать и охранять ее для блага народного от всяких поползновений. Впрочем были и положительные моменты в законодательстве: ограничение времени работы малолетних, создание фабричной инспекции, отмена подушной подати, налог на процентные бумаги и другие.

В мае 1882 года министром внутренних дел был назначен ненавистный русскому обществу граф Д.А. Толстой. Началось решительное подавление либерально-демократических журналов и газет в пользу тех, которые пропагандировали «истинно-русский» национализм. А в 1889 году, с введением земских начальников, по требованию самого императора были уничтожены мировые судьи. В сфере народного образования реакционные тенденции усиливались еще до гибели Александра II от руки террористов.

Но реакция усиливалась, и не удивительно, что с начала 1890-х годов начались массовые притеснения сектантов: пашковцев, толстовцев, штундистов, духоборов. Иногда дело доходило до отнятия детей у родителей-сектантов. В Юго-Западном крае и в Польше жесткие меры принимались к униатам, формально обращенным в православие. Дух воинствующего национализма способствовал стеснению и преследованию иноверцев и инородцев. Более всего преследовали евреев и поляков-католиков, но не избежали преследований калмыки и буряты. В 1891 году из Москвы и Московской губернии было выселено более 17 тысяч евреев-ремесленников. Еще раньше (1887) введена процентная норма для приема евреев в высшие и средние учебные заведения. Естественно, реакционно-кастовые изменения претерпевала и армия, где много внимания уделялось изменениям воспитательной системы в военно-учебных заведениях. Возобновились и где-то поощрялись дуэли в офицерской среде.

Реакция наступала по всем направлениям и работы адвокатской конторе добавлялось с каждым новым законоуложением все больше

и больше. И сам Родион все больше интересовался профессиональными юридическими вопросами, не желая оставаться просто хозяином конторы. Активизация внутривластительской жизни и его не обошла стороной. Постепенно он сблизился с активными деятелям подпольного революционного движения. Особенно тесные отношения завязались у него с московскими социал-демократами.

Однажды, где-то в самом начале зимы в год смерти императора Александра III, в контору заявился крепкий, живой молодой человек лет 27–28-ми с роскошной копной темно-русых волос, никак не желавших лежать так, как их укладывал хозяин. Пришел он с мороза, в распахнутом пальто и в длинном кашне. В это время Родион с молодым практикантом обсуждали перипетии последнего судебного решения. С порога молодой человек заметно окая, что выдавало его происхождение, представился:

– Алексей Пешков! Дело у меня здесь гражданское, кто может со мной поговорить?

– Присядьте, – предложил Родион визитеру, указывая на стул возле стола.

В завершение обсуждения судебного решения, Родион обменялся с практикантом еще несколькими фразами и отпустил его. Беседа с Пешковым не могла продолжаться долго, судя по интересующему его делу. Подобного рода дела, по которому он ходатайствовал, обычно адвокатская контора Родиона не принимала к рассмотрению. Внимательно выслушав суть его ходатайства, Родион подсказал, к кому следует обратиться, где могут помочь.

Разговор был закончен, но что-то удерживало Пешкова от того, чтобы попрощаться. Он спросил:

– А вы, случаем, не занимались адвокатской практикой в Нижнем?

– Ни случаем, ни намеренно, не занимался, – с улыбкой ответил Родион. – А почему вы спросили об этом?

– Ощущение у меня такое, что мы с вами там встречались, не в конторе, а так, на улице где-нибудь, может, в трактире...

– Нет, нет, В нижнем Новгороде никогда бывать не доводилось. И вообще, я мало где бывал в России.

При этих словах молодой человек оживился:

– А мне сколько довелось походить, поездить, поплавать. Столько насмотрелся всякого, и грустного, и мерзкого, и смешного; одним словом – всякого...

– Это хорошо, может быть, когда-то напишете рассказ, повесть, а то, глядишь, и роман, – произнес Родион, рассчитывая в такой способ закончить разговор.

– Так я и пишу, кое-что уже и напечатали.

Сказанное заинтересовало Родиона. В продолжившемся разговоре Пешков назвал несколько имен из писательской среды, знакомых и Родиону. Разговор оживился, Пешков стал делиться своими литературными планами, несколько бравируя обширным материалом личных наблюдений. При этом жаловался на скaredность редакторов.

– Каким же вы видите назначение писателя в наше время? – спросил Родион.

– Насколько я понимаю, работа писателя не проста: писать рассказы о людях не означает для меня просто что-то рассказывать, это значит – рисовать людей словами, как рисуют их кистью или карандашом. Я стараюсь найти наиболее устойчивые черты характера в данном человеке, необходимо понять глубинный смысл его действий и писать об этом настолько точными, яркими словами, чтобы со страниц книги, из-за черных ее строк, из-за сетки слов читатель видел живое лицо человека, чтобы связь чувств и действий героя рассказа казалась ему неоспоримой... Я добиваюсь, чтобы между читателем и автором образовывалось сердечное доверие друг к другу. Хочу писать «от души».

– А о душе не пишете?

– Вопрос мне не вполне понятен. Думаю, что я молодой еще очень, чтобы писать о таком. Два года тому я шел вместе с толпами голодных, изнуренных людей, которые искали хлеба. Было тяжело смотреть на эти тысячи людей, внутри меня кипела злость против власти, которая так относится к людям, но сами люди смиренно шли и шли, можно сказать, в никуда. Видел умерших в пути. Да, кстати, помогал молодой роженице, так получилось... Жалко умирающих, хотелось бы, чтобы человек жил дольше, чтобы жизнь приносила радость.

– А если бы жил вечно, ну хотя бы пару тысячелетий, – поправил себя Родион. – Что тогда?

– Тысячелетиями? Зачем? Есть люди, которым вообще жить не следовало бы. Мерзкие люди, насильники, эксплуататоры и вообще... – безнадежно махнул рукой Пешков.

– Нельзя смотреть на людей, как на таких, что изначально плохи. Люди обретают опыт, думают над происходящим, меняют свое отношение к жизни, к другому человеку.

– Вы знаете, я хотел бы, чтобы мир был преобразован на каких-то разумных началах, чтобы среди людей царили мир и согласие, чтобы справедливость и совесть господствовали в мире, а не деспотизм и своеволие толстосумов, – с некоторым пафосом произнес Пешков.

Несколько помолчав, он добавил:

– И вообще, я думаю, что общество должно развиваться, руководствуясь знанием того, что должно быть правильным и справедливым!

Последние слова Алексея Пешкова напомнили Родиону о Федорове, с которым уже давненько не видался. Вспомнилось как в давнишней беседе с участием Николаева Николай Федорович также напирал на то, что нужно строить жизнь по принципу «что должно быть».

– Откуда у вас эти мысли? – удивленно спросил он Пешкова.

– Как откуда? Смотрел, думал, хочу чтобы обществом управляли умные и порядочные люди.

– Трудно возразить против умных и порядочных. Но, кто будет определять вот это самое «должное быть правильным»?

– Ну... эти самые... умные и порядочные.

– Это просто мечты. История показывает, что до сих пор обществом управляли негодяи и воры, – задумчиво произнес Родион, и добавил – и все они называли себя умными и порядочными, а несогласных с таким определением преследовали и уничтожали.

– Но ситуация изменится, я верю, придут умные и порядочные. Я буду искать их, писать о них, призывать к тому, чтобы они победили!

– Надо полагать, это те, которые сегодня борются против нынешней власти? Это – революционеры?

– Надо учиться смотреть на ядовитую, каторжную мерзость нынешней жизни с высоты великих целей будущего! Надо верить в великую творческую энергию человека труда, в безграничную трудовую коллективную силу... – опять заговорил Пешков с пафосом.

Родион внимательно смотрел на Алексея и думал о том, что будет с обществом, с людьми его составляющими, когда власть получат те, кто определит для всех остальных образ жизни по принципу «что должно быть». Однако толпившиеся у него в голове мысли так

и не проясняли картины такого будущего. Хотя где-то подспудно Родион чувствовал, что этот молодой писатель выступает рупором новых сил, ставящих на волевое преобразование существующего мира. Он заметил:

– Что будет с теми, кто не верит в великую творческую энергию человека труда, как вы изволили выразиться?

– Человек труда заставит их поверить!

– Именно сам человек труда? Или...

– Согласен, или передовые представители трудового класса, – задумчиво произнес Пешков.

– Так, значит, насилие, смерть, подавление несогласных...

– Может быть, на каком-то этапе и так. Но, поймите, Родион Валентинович, есть объективные законы развития общества, действие их неотвратимо.

– Алексей, опыт революций, насколько я понимаю, свидетельствует о том, что вначале уничтожают врагов «трудового класса»...

– Вот именно! – согласно перебил Пешков Родиона.

– А дальше, случайно или в пылу ослепления, уничтожают тех, кто сочувствует этим врагам, просто как людям. Потом оказывается, что все-таки не следовало так огульно размахивать топором. И тогда наступает очередь чересчур ретивых революционеров: горящие уголья на свою голову они приготовили сами.

– Может быть, вы и правы, но тогда наступает, наконец, спокойствие и некое благополучие для трудящихся.

Родион усмехнулся:

– Нет, тогда все возвращается на круги своя. Просто роли меняются: одни эксплуатируют, другие – протестуют, и нет ничего нового в подлунном мире...

– Я спорить с вашей историософской позицией не могу. Но я – начинающий писатель и для себя определил, что вся литература Запада и наша литература нынешнего века, в сущности, построена на одном типе, а главные ее произведения – на молодом человеке, выходеце из буржуазного класса, из того класса, который после французской революции пришел к власти. Но этому человеку, образованному, эрудированному по какой-то причине в обществе победителей неудобно жить. Он не находит себе места там, может быть, потому, что он очень высокого мнения о себе. Он считает себя выше других. Он внушает другим мысль о своей исключительности, и поэтому вся его жизнь проходит в мелких драмах.

– Интересно. Но что из ваших наблюдений следует?

– А следует то, что вот эти молодые люди и станут теми, кто будет определять, как должно жить в новом обществе! – торжествуя уже заключил Пешков.

– Да, прав был старик Платон, прав был... Люди, мало знающие реальную жизнь, сначала реальность строят в своей голове, потом ее провозглашают, потом заставляют поверить в нее, а потом, – несогласных с этой идеей реальности, еще не ставшей действительностью, уже карают. Поэтому-то эти образованные и эрудированные молодые люди будут определять не только, «как должно жить», что в общем еще не самое страшное. Страшно то, что они будут определять, **кто должен жить...** – с грустью в голосе произнес Родион.

На какое-то время он перестал делать замечания и вмешиваться в монолог молодого писателя. А того понесло. Оказалось, что он знаком с некоторыми социалистическими и коммунистическими идеями, что его волнует тема становления социалистической индивидуальности, что он видит будущее в свете освобождения трудящихся от ига помещиков и буржуев. Но самое интересное заключалось в его видении основных принципов организации будущей литературы, которая должна помочь преобразователям. Позиционируя себя как писателя-реалиста, Пешков мечтал о новом реализме, который будет торжествовать в обществе трудящихся. Он восторженно говорил:

– Новый реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью.

– Стоп, стоп, сударь, – не удержался от реплики Родион. – Здесь вы что-то уже сильно перегибаете. Вы здесь уже против Бога дерзнули! Ведь сначала Господь дал жизнь человеку, а потом уже человек может действовать и побеждать силы природы.

Оба на какое-то время замолчали. Родион сидел и думал над тем, что он сам дерзнул делать. Перед его умственным взором возникла так любовно и с таким восторгом создаваемая им лаборатория. Сегодня – это три десятка первоклассных биологов, химиков, врачей, первоклассное оборудование. И все ради чего? Пару последних лет Родион уже не столь уверен был в перспективе всеобщего воскрешения, хотя установка на продление жизни человеческой хотя бы

до возраста библейских патриархов, у него оставалось. Работники лаборатории поднаторели в постановке аналитической работы, ставили оригинальные эксперименты, внимательно следили за новейшими открытиями, не пропускали ни одной более менее серьезной научной конференции. Наиболее серьезные научные достижения тщательно сохраняли в тайне от научной общественности. В положительных результатах лабораторной деятельности трудно было усомниться, что придавало Родиону гордость за начатое дело. В то же время он активно продолжал заниматься астрологией, конечно, втайне от сотрудников лаборатории. С этой целью он организовал небольшую группу молодых энтузиастов, оборудовал помещение в одном из доходных домов, закупил необходимые инструменты, эфемериды, соответствующую литературу. Дважды съездил в Прагу, встречался с Яном Кефером и его однодумцами. Все чаще и чаще астрологические прогнозы сбывались, что также не могло не радовать. С некоторых пор Родион также начал собирать коллекцию книг и рукописей астрологического содержания.

В затянувшемся молчании Алексей Пешков почувствовал намек на то, что пора прощаться:

– Спасибо за совет, за внимание к моей скромной персоне, – напомнил он о своем присутствии.

– Спасибо и вам, приятно было пообщаться. Успехов вам, заходите.

– Ну, так я пошел. До свидания.

Они пожали друг другу руки, Алексей поплотнее обмотал кашне вокруг шеи и вышел на улицу, на прощание помахав Родиону рукой.

Часть третья

Глава тринадцатая. В. Ульянов (Ленин)

В последующие два года после случайной встречи с Алексеем Пешковым Родион существенно интенсифицировал работу в лаборатории. Среди работников лаборатории значительно возросло число биологов и врачей, серьезно и всесторонне занявшихся изучением живой клетки как самого человека, так и высокоорганизованных млекопитающих. Центральной идеей, которую в целом разделяло большинство членов творческого ядра исследователей, стала идея продления человеческой жизни до нескольких сотен лет и в идеале до тысячи лет. При этом, припоминая беседы с чешскими товарищами, Родион высказал предположение, что жизни живых существ возможно многократно повторять, каким-то образом возрождая каждый раз живое существо из наиболее продуктивных и живых клеток отмирающего тела. Таким образом идея вечной жизни обретала новую форму.

Немаловажное значение для интенсификации лабораторных исследований имели продолжающиеся сравнительно регулярно встречи с самим Николаем Федоровичем Федоровым и его последователями: несколькими известными московскими философами, Константином Циолковским, Львом Николаевичем Толстым, а также группой революционно настроенных молодых социал-демократов.

Именно последние и заинтересовались личностью Родиона, узнав, что он располагает некоторыми средствами. Как оказалось – это были члены московского «Рабочего союза». Они периодически заходили в контору к Родиону, вели с ним беседы в защиту рабочих, предлагали читать работы Карла Маркса, просили денег на организационные цели. В конце 1897 года рабочий Илья Прохоров обратился к Родиону с просьбой помочь деньгами для проведения съезда российской социал-демократии. Родион дал ему несколько сот рублей. На исходе марта Прохоров доверительно и даже с каким-то восторгом сообщил Родиону, что I съезд РСДРП состоялся в Минске и предложил ему вступить в партию. На это Родион твердо

ответил отказом, заявив, что у него есть достаточно серьезные задачи в жизни.

Но уже в самом начале 1900 года тот же Прохоров привел к Родиону недавно вернувшегося из сибирской ссылки и уже известного в революционных кругах Владимира Ильича Ульянова. Представляя его, Прохоров сказал Родиону, что это – брат казненного по обвинению в покушении на царя Александра Ульянова. (История с покушением в 1887 году народовольцев на императора Александра III была известна в свое время, и Родион ее помнил). Но в тот раз Родион был сильно занят работой по нескольким судебным делам и не мог обстоятельно поговорить с Владимиром Ульяновым, который пообещал зайти в другой раз. И буквально через несколько дней он снова появился в адвокатской конторе Родиона.

– Здравствуйте, Родион Валентинович! Вот, как и обещал, зашел к вам на огонек души, – заметно картавя, приветствовал Родиона гость.

– Проходите, премного рад!

– Мы ведь с вами в некотором роде коллеги. В 1891 году я сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета, а после этого работал помощником присяжного поверенного в Самаре у Волькенштейна. Впрочем, занимался юридической практикой недолго.

Далее гость проявил некую осведомленность относительно поездок Родиона за границу. Интересовался его общими впечатлениями об особенностях жизни в Европе, условиями проживания в отелях, отношением властей к иностранцам и другими практическими вещами. О себе говорил мало: интересуется политическими учениями, изучает марксистскую теорию классовой борьбы, желает добиться справедливости в обществе, достойных условий жизни рабочих, наделения крестьян землей.

– За что вы были арестованы и отправлены в ссылку? – прервав его, спросил Родион.

– Ну, это история известная. Пять лет назад я сделал много для того, чтобы объединить более двадцати разрозненных марксистских рабочих кружков в один «Союз за освобождение рабочего класса». Мы начали массовую политическую агитацию среди петербургских рабочих. Наши агитаторы начали выезжать и в другие города, желая теснее связаться с российской рабочей массой. И мы добились определенных успехов: уже в июне 1897 года царское правительство вынуждено было издать закон, ограничивающий рабочий день до

одиннадцати с половиной часов. Нас преследовали, непрерывно следовали аресты, а последние четыре года и я лично провел в тюрьме и ссылке.

При каждом упоминании царизма и самодержавия, Ульянов не скрывал своего негодования и ненависти в его адрес.

– Какие же ваши дальнейшие планы, если не секрет? – участливо поинтересовался Родион у Владимира Ульянова.

– Я считаю себя профессиональным революционером, а посему путь мой один – сделать Россию другой. Жаль только, что это трудный путь жертвенной борьбы, и немногие нынешние революционеры увидят ее результат...

Здесь он вопросительно и даже несколько лукаво посмотрел на Родиона.

– А вы, батенька, чем еще занимаетесь помимо адвокатской практики?

– Человек я увлекающийся, читаю много, интересуюсь смыслом жизни... – уклончиво заметил Родион.

– Да, если бы знать, что потом, когда-то, после победы разума над невежеством, свободы над насилием, ты будешь возвращен к жизни и наступит дивное царство, тысячелетнее царство коммунистическое на земле, – задумчиво проговорил Ульянов, глядя Родиону прямо в глаза.

Этот взгляд был весьма красноречив, в нем почувствовал Родион твердую веру и даже какой-то непонятный ему фанатизм.

– Вы знаете, я интересуюсь еще и астрологией. Наслышаны вы о такой?

– Что вера в Господа Бога, что астрология, что хиромантия, – несерьезно все это...

– И все-таки, Владимир Ильич, давайте сделаем ваш гороскоп, – предложил Родион, – тем более, что это все несерьезно. А, давайте сделаем?

– А сколько времени это может занять?

– Назовете дату рождения, место рождения, желательно час и минуту.

После непродолжительного молчания Ульянов согласился с предложением, но час назвал приблизительно. После нескольких уточняющих вопросов, ответы на которые вполне устраивали Родиона, он и предложил встретиться завтра и показать готовую натальную карту марксисту-революционеру. Вечером Родион вместе с двумя своими товарищами-астрологами составили таковую и вни-

мательно проанализировали. В целом карта показывала успех предприняемого дела, хотя конец натуса просматривался не вполне успешным по причине особого рода болезни...

– Ну что, батенька, выяснили ли вы что-то относительно моей судьбы? Успешны ли будут деяния мои, долго ли проживу? – начал он задавать вопросы Родиону прямо с порога, входя к нему на следующий день в кабинет.

– Здравствуйте, – отвечал Родион. – Да ведь вы все равно не поверите. Но утешу, полагая что с поставленной задачей своей жизни вы справитесь успешно.

– Спасибо на добром слове, но, очень прошу вас, более ничего мне не говорите по поводу моей судьбы.

Родион спросил Ульянова о его родителях.

– Мама живет с младшими детьми, а отец рано умер, – с огорчением произнес тот.

Ответ заставил Родиона попросить уточнений, и он узнал, что отец Ульянова умер от непродолжительной тяжелой болезни в возрасте 55 лет. Полученные сведения оказались настолько значительными для Родиона, что ему с большим трудом удалось не выдать своей реакции. Но Ульянов заметил его невольное движение и спросил:

– Это что-то дало вам?

– Всякая информация полезна, – уклончиво заметил Родион. – Так, может быть, хоть взглянете на свой гороскоп?

Ульянов категорически отказался от этого предложения и перевел разговор в другую плоскость. Он не стал скрывать от Родиона, что имеет некоторые сведения относительно его главного дела, но сразу же попросил не беспокоиться, уверив в том, что умеет сохранять тайну, что понимает всю значимость дела продления человеческой жизни. На вопрос Родиона, откуда у него такие сведения, ответил, что скрывать источник не станет, но не сегодня:

– Вы работаете со многими людьми, а люди очень разные... Надо быть внимательным... Да, кстати, дед мой по матери, – Александр Дмитриевич Бланк, по профессии был врач-физиотерапевт. В 1840-е годы дослужился до чина надворного советника со старшинством (подполковник), что дало ему право на потомственное дворянство. Выйдя в отставку в Златоусте в чине статского советника, доктор Бланк приобрёл в Казанской губернии село Кокушкино, где внук его Владимир Ульянов и отбывал свою первую ссылку, – с грустью закончил Ульянов.

– Бывает и так, – философски заметил Родион.

Дальше разговор продолжился в русле перспективы практического значения продления жизни человеческой на сотни лет. Родион в общих словах изложил свое видение особенностей воскрешения живших прежде. Ульянов внимательно слушал, изредка перебивая того, уточняя понятия. Но чувствовалось, что тема ему интересна, что он видит в ней перспективу успешного исхода:

– Когда мы победим, мы создадим мощный научно-исследовательский институт, пригласим туда лучших в мире ученых и специалистов, – с мечтательной улыбкой произнес Ульянов. – Хотя, нет, мы займемся этим раньше!

На этом и расстались. Позже Родион узнал, что осенью Ульянов уехал за границу, чтобы сговориться с товарищами из группы «Освобождение труда» относительно издания общерусской политической газеты. А уже где-то в начале февраля следующего года неизвестный молодой человек передал на улице привет от Ильина и небольшой пакет. Открыв пакет дома, Родион нашел там маленькую записку со словами: «Из клетки возгорится жизнь!», с пожеланиями успехов в любимом деле, с пожеланием здоровья и подписью: «В. Ильин». Там же лежал отпечатанный на тонкой бумаге первый номер газеты «Искра».

Следующая встреча Родиона с Владимиром Ульяновым состоялась ранней весной 1903 года в Мюнхене, куда он приехал с двумя сотрудниками лаборатории на конференцию, проводимую весьма авторитетным местным медико-биологическим обществом. Встреча была неожиданной, поскольку Родион и предполагать не мог, что Ульянов, а тот при встрече назвал своим партийным псевдонимом – Ленин, теперь находится в Мюнхене. Тем не менее оба были рады встрече; Ленин засыпал Родиона вопросами о том, что происходит в России, какие настроения в среде московской интеллигенции и т.д. Родион в свою очередь, поинтересовался партийными успехами.

– Работаем, батенька, работаем! – с энтузиазмом отвечал Ленин, доверительным тоном добавляя, – сейчас готовимся ко второму партийному съезду...

Из дальнейшего Родиону стало известно, что проведение съезда Ленин планирует на вторую половину лета, что много непонимания среди партийцев, что всюду шныряют шпики и работать доводится в трудных условиях, но с улыбкой заверил:

– Я убежден, что все получится. Я жду этого съезда с большим нетерпением, ведь состоявшийся 5 лет назад I съезд фактически не

создал партии: не принял программы, не сплотил революционных сил пролетариата. Впрочем, избранный на первом съезде ЦК тотчас же был арестован. Поэтому я взял подготовку съезда в свои руки, инициировал создание «Организационного комитета», члены которого оценят работу социал-демократических организаций перед съездом. Уже сейчас я в основном написал проект устава партии, набросал проекты многих резолюций, продумал и наметил план работы съезда. Спасибо Плеханову, который помог составить проект программы партии.

Здесь Родион прервал Ленина, поинтересовавшись самочувствием и здоровьем Плеханова.

– Вы с ним знакомы? – спросил Ленин.

– Встречались в молодости. Но это было очень давно...

Далее Ленин поинтересовался у Родиона, разделяет ли он основные идеи подготовленной программы РСДРП, которая намечала ближайшие задачи рабочей партии: свержение царизма, установление демократической республики, уничтожение остатков крепостничества в деревне, в частности возвращение крестьянам земель, отрезанных у них помещиками при отмене крепостного права, 8-часовой рабочий день, полное равноправие наций и народов. Глядя в глаза Родиону, он твердо сказал:

– Конечная цель рабочего движения – построение нового, социалистического общества, а средство её достижения – социалистическая революция и диктатура пролетариата. Принципами новой партии должны стать серьезно продуманная система конспирации и формула: «Меньшинство подчиняется большинству». Ну как вам наша программа?

– Я не член вашей партии, не мне решать, – уклонился от прямого ответа Родион.

Ленин еще раз вернулся к теме лаборатории, участливо спросил, достаточно ли средств для проведения экспериментов, лучшие ли специалисты участвуют в работе. Родион откровенно заметил, что работают серьезно, глубоко, хотя в недалекой перспективе возможны финансовые затруднения.

– Мы будем помогать вам, – заверил Ленин.

После Мюнхена Родион отправился в Прагу, намереваясь встретиться с Яном Кефером, который определенно выдвинулся в ряды первоклассных европейских астрологов. Естественным намерением Родиона было показать ректифицированный гороскоп Ленина и спросить мнение Яна о его интерпретации. Ян внимательно изучил

все поданные Родионом материалы, похвалил его за квалифицированную работу:

– Карта весьма интересная... Стеллиум впечатляющий... Вершина тау-квадрата... Как они охватили Солнце его: с одной стороны Нептун и Марс, с другой – Меркурий и Юпитер... Тау-квадрат завершают Уран и Луна. Но там еще кто-то... И Сатурн там же... Через него вся энергия и канализирована... Так, так... Волевые качества – потрясающие. Но – жесток! Через колено готов ломать. Но и сам сломается. А как родители его?

– Отец умер в 55. Очевидно, склеротические изменения...

– Да, да, перспектива подобная вполне просматривается. И по возрасту, определённо!

– Но, вы понимаете, Ян, он не захотел меня даже выслушать о том, что я мог сказать ему о позитивном содержании гороскопа.

– С такой картой не слушают никаких рекомендаций! А жаль, ему можно было бы помочь...

Постепенно разговор перешел к более общим вопросам. Родион заметил, что в Российской Империи набирает размаха рабочее движение, обостряется внутривнутриполитическая ситуация. Ян его поддержал, говоря о том, что то же в общем происходит и у них, в Австро-Венгерской Империи. Королевский двор уже мало управляет национальными явлениями, растет напряжение. Заговорили и о судьбах Европы на ближайший десяток лет. Ян сказал, что его анализ свидетельствует, что война к исходу грядущего десятилетия неизбежна. И втянет в свою орбиту она всю Европу.

– А кто начнет войну? – спросил Родион.

– Естественно, я смотрю со своей колокольни, со стороны своей страны. У истоков войны мне почему-то в последнее время видятся два лица: Франц Фердинанд и дядя его – император Франц Иосиф I. Конечно, – это с нашей стороны. Но у войны всегда есть и другая сторона.

Спокойный тон Яна вдруг напомнил Родиону их первую встречу, когда так же упоминались эти имена. Неожиданно вспомнилось:

– Ян, а ведь вы тогда, более двадцати лет назад говорили о том, что сын...

– Да, да, сын Рудольф – единственный наследник престола!

– ... что сын Рудольф, скорее всего, покончит с собой.

– Так ведь и покончил, бедняга. Известная история: 30 января 1889 года застрелился сам, а любовница его – Мария Вечера, отравилась стрихнином. Правда, ходили слухи, что его застрелили. Но

это – заблуждение. Звезды говорят о самоубийстве, а звезды не обманывают. Теперь, наследник престола – племянник императора Франц Фердинанд . Но я уверен, что он не успеет унаследовать престол, и он уйдет из жизни раньше своего дяди... Увы, карта рождения предвещает ему смерть от руки убийцы. Но десяток лет судьбой ему еще отпущено. Поживем, увидим, – уверенно закончил Ян.

Дальнейший разговор их касался темы не менее волнующей – продление жизни. Ян был согласен с Родионом, что говорить о вечной жизни – это безосновательная фантазия. Но продлить жизнь человеческую – это реально и наука должна повсеместно решать эту задачу. Согласился Ян и с идеей о том, что из некоторого фиксированного начала можно человеческую жизнь вызвать:

– Действительно, если природа воссоздает жизнь из каких-то начал, порождаемых живым, а зарождение любого живого существа имеет место именно в такой способ, то и человеческая наука и биологические технологии когда смогут это осуществить. Тонкости процесса – опять же дело времени, дело прогресса научного и технического.

Заговорили о внешних факторах, о пагубном влиянии внешних воздействий на формирование индивида. С юных лет человек пропитывается познаниями, возможно, принципиально чуждыми его природе. Готовые религиозные и моральные догмы, навязываемые стили жизни и питания, – все это точно не добавляет нам лет жизни. Соответствующего индивидуальной сущности человека – ничего, а вокруг пассивно интерчеловеческое кружится среди памятников, афоризмов и авторитетов. И вот человек, уже разрушенный, уже разорванный специальными знаниями, вдруг слышит свой внутренний голос, свое я! Вернее, имеет шанс услышать. И тогда может начаться ужасно сложная работа – отделение своего от чужого. И окажется, что своего ничего нет, что абсолютно все – чужое.

Здесь Ян загадочно улыбнулся и достал из металлической резной шкатулки два шара величиной чуть больше бильярдных.

– Это – эликсир, – средство укрепляющее и продлевающее. Его здесь мало. Смешивать надо в равных пропорциях. Учителя говорят, что необходимо один миллиграмм на один килограмм веса живого существа. Экспериментируйте!

Родион с трепетом взял гладко отполированные шары в руку. С трудом заметил линию, отделяющую одну половину шара от другой и попытался разделить половинки. Попытки не принесли никакого результата. Видя его потуги Ян рассмеялся:

– Надо развинчивать против движения часовой стрелки.

После указания дело пошло. Осторожно сделав два оборота, Родион почувствовал, что половинки расходятся. Испытывая трепетные чувства, он разомкнул их и увидел на дне одной половинки немного тонко размолотого порошка с густым синим оттенком: едва ли более двух граммов весом, прикинул Родион. Ян ободряюще кивнул головой и Родион разомкнул второй шар. Там было примерно столько же пудры зеленоватого цвета.

– Эликсир надежный, хотя его произвели еще в середине шестнадцатого века, – заметил Ян. – Я думаю, что интеллектуальный потенциал ваших сотрудников и техническое совершенство используемых вами приборов, реактивов и инструментов позволит вам сегодня повторить технологические процессы, известные алхимикам пражской школы, и получить то, что требуется... Хотя...

Здесь Ян остановился, подошел к книжному шкафу и откуда-то из-за книг достал несколько пожелтевших листков с рукописным латинским текстом:

– Это небольшой трактат украинского герметика XVIII века Григория Сковороды. Слыхали о таком? Дело в том, что, несмотря на свидетельства именитых ученых, существование философского камня вызывает весьма законное сомнение. Интересная история произошла с основателем научной химии, автором книги «Скептический химик» – Робертом Бойлем. В его присутствии некий адепт произвел трансмутацию свинца в золото, поклонился и удалился. Потрясенный увиденным позитивист Бойль, который не называл алхимию иначе как «галиматьей», тщательно проверил полученный металл, убедился, что это золото, и уже решил было раскаяться и пересмотреть свое мировоззрение. И вдруг на его глазах золотой цвет металла начал медленно исчезать и вскоре превратился в тусклый оттенок свинца.

– Простите, а при чем здесь Григорий Сковорода? – заметил Родион.

– Так вот, я и спрашиваю: «В чем же дело? Почему золото не получилось?» А дело в том, что в составе «пудры проекции», которую использовал упомянутый адепт, отсутствовала соль – «космический фиксатор» текучего, – в неоплатоновском смысле, – состояния вещества. А в недавнем прошлом «теорию космического фиксатора» разрабатывал и вполне вразумительным слогом изложил украинский герметик XVIII века Григорий Сковорода, который некоторое время

пребывал в наших краях. Теперь вам понятно, что за текст у меня в руках? – спросил Ян Кефер Родиона.

– Теперь в общем понятно. Но в частности не вполне.

– Хорошо! Объясняю частности: химический состав «пудры проекции» может быть почти такой же как надо, но если нарушена технология, если структура не надлежащая, то «соль» не появится.

– Ян, а текст Сквороды мне не передадите? Может быть, там есть что-нибудь и по нашей проблеме?

Ян Кефер извинительно покачал головой:

– Нет, рукопись я не могу передать вам. Это – раритет, а к тому же там для вас нет ничего интересного.

Родион благодарно склонил голову, трепетно соединил половинки шаров и аккуратно положил шары в карман пиджака.

На следующий день он вернулся в Москву. Ранняя осень слегка золотила листья деревьев, придавая окружающему какую-то задумчивость и ожидание. В воздухе летала паутина бабьего лета.

Глава четырнадцатая. А.А. Богданов и другие

С 17 июля по 10 августа 1903 года в Лондоне прошел II съезд РСДРП. В целом Ленин был доволен результатами работы съезда, хотя с открытием съезда стала очевидна неоднородность партии. Он упорно отстаивал положения о диктатуре пролетариата, о жёстких требованиях к членам партии, считая, что членом партии может быть только тот, кто не только признаёт её программу и поддерживает её материально, но обязательно принимает постоянное личное участие в повседневной работе одной из партийных ячеек. В ходе ожесточенной дискуссии группа Ленина получила большинство при выборах в ЦК партии и в редакцию «Искры». Отсюда и термины: «большевики» и «меньшевики».

По возвращении из Праги Родион увидел, что с легкой руки социал-демократов его адвокатская контора стала получать все больше клиентов, и все больше втягиваться в рассмотрение дел, имевших политический оттенок. Поздней осенью, когда уже устойчиво выпал снег, в контору вошел мужчина лет тридцати, и внимательно осмотревшись по сторонам, передал привет от «старика» и пакет из плотной бумаги, который попросил вскрыть в его присутствии. В пакете оказалась отпечатанная брошюра с «Программой РСДРП» и значительная сумма денег – шесть тысяч рублей. На удивленный взгляд Родиона мужчина приветливо ответил:

– Все, что сегодня можем... Давайте знакомиться, Александр Александрович Богданов, врач. Владимир Ильич просил, если вы не возражаете, конечно, участвовать в делах вашей лаборатории. Меня лично интересует проблема крови как важнейшей составляющей человеческого естества, флюида, который несет в себе память обо всем индивидуальном бытии человека и связывает его с бытием себе подобных.

– Спасибо, весьма рад и благодарен, – ответил Родион.

Гость сразу же взял инициативу в свои руки:

– Вы позволите мне изложить свою точку зрения по вопросу бытия и сущности человека? Я не нарушаю ваши сегодняшние планы? – заглядывал он в глаза Родиону.

– Пожалуйста, готов выслушать ваше мнение.

– Думаю, что всем наивным точкам зрения о том, что есть «человек», надо противополжить научные. Человек есть целый мир опыта. Этот мир не охватывается целиком ни анатомическим и фи-

зиологическим комплексом, т.е. человеческим телом, ни психическим комплексом – сознание, ни социальным – сотрудничество.

– Чьего опыта? – попытался уточнить Родион.

– Человека надо рассматривать не только как целый мир опыта, но и как мир развертывающийся, не ограниченный никакими безусловными пределами, – продолжал Богданов, не реагируя на вопрос. – Человек – это микрокосм – часть и отражение великого целого, космоса. Микрокосмом делает человека общение с другими существами, обретение их опыта. Человек убеждается, что поток опыта не один, а их много, и все они сливаются для него в бесконечный океан коллективного опыта, который мы называем природой.

– Это слишком общо...

– Не спорю, но другой ваш вопрос касается происхождения человека, жизни, мира. Происхождение я понимаю в смысле абсолютном, в смысле внеопытного творческого первоисточника. А решая вопросы, которые ставите вы, невозможно игнорировать проблему смысла, т.е. «цели» существования человека, жизни, мира.

– Сожалею, господин Богданов, но поднимаемые вами «вечные» вопросы из разряда того, что называется проблемами, как учили меня мои учителя, а проблемы решаются человеком, исходя из принимаемых им на веру основных норм человеческого бытия.

Из дальнейшего разговора, происходившего за обедом в ресторане, Родион смог выяснить, что его визави достаточно глубоко эрудирован по широкому кругу как естественнонаучных, так и литературно-художественных вопросов. Он свободно цитировал Лермонтова, Гете, Адама Мицкевича и других признанных классиков, компетентно рассуждал по вопросам современной теоретической физики, знал авторов и новейшие концепции химии и биологии. Договорились о дальнейшем сотрудничестве...

28 декабря 1903 года после непродолжительной болезни умер Николай Федорович Федоров. Родион навестил его в самом начале болезни, но старик сказал, что чувствует себя вполне нормально. Зная его аскетический образ жизни, Родион не ожидал столь скорой развязки, но о смерти Федорова узнал одним из первых, а посему предпринял все необходимое в этой ситуации меры, чтобы достойно его похоронить. Со смертью Учителя что-то оборвалось внутри.

Правда, были и обнадеживающие новости. На мышах велись интенсивные исследования влияния «пудр», подаренных Кефером, и появлялись обнадеживающие результаты. Используя новейшие методы химической спектроскопии удалось в основном установить хи-

мический состав алхимических «пудр», хотя еще не удалось понять технологию их производства. Но профессионалы-химики, вдохновленные привезенными из Праги материалами, работали с огромным энтузиазмом. Родион все больше и больше времени стал проводить в лаборатории, понимая, что необходимо искать новое помещение.

Именно в это сложное время к Родиону и зашли Александр Богданов и давний знакомый Родиона Илья Прохоров, который теперь играл большую роль в рабочем движении Москвы. Это человек располагал к себе, вел себя уверенно, не суетился, умел выслушать и сделать обстоятельный комментарий. К ним и обратился Родион со своими мыслями о необходимости найти еще одно помещение для исследовательского центра. Илья радостно хлопнул себя ладонью по колену и воскликнул:

– Эврика! Вы понимаете, мы серьезно готовимся к борьбе с самодержавным режимом, поддерживаем позицию Ленина, совершенствуем систему конспирации, создаем явочные квартиры и другое. А недавно ко мне обратился один наш юный помощник, который случайно раскопал в районе храма Христа Спасителя заброшенный подземный ход. Оказалось, что под землей находится, можно сказать, целое поселение с добрым десятком изолированных просторных помещений, расположенных на разных уровнях.

– А кто знает об этом? – практически одновременно спросили Родион и Богданов.

– Да никто и не знает: я да этот парень. Парень надежный, болтать не будет.

На улице было холодно, но весеннее солнце уже пригревало, с крыш капало. Решили не медля отправиться к найденному подземелью. Поплутав по переулкам, вышли к пустырю, густо заросшему кустарником. Прохоров достаточно быстро нашел практически разрушенный вход, на первый взгляд представлявший какую-то промоину в земле среди кустов. Богданов и Родион удовлетворенно переглянулись понимающими взглядами.

– Ну что, будем продираться? – спросил Прохоров.

– Я думаю, что не время, да и ничего у нас собой нет, чтобы обследовать ход и подземелье, – взял на себя инициативу Богданов. – Давайте уйдем отсюда, чтобы не привлекать ничьего ненужного внимания.

Выйдя на оживленную улицу, они расстались с Прохоровым, попросив его и молодого партийца держать информацию в глубокой тайне.

– Нешто я не понимаю! Не сомневайтесь, никто знать не будет.

Затем Родион с Богдановым уединились в отдельном кабинете ближайшего трактира и разговорились о перспективах использования неожиданного открытия.

– Завтра же я возьму с собой знакомого инженера-путейца, мы обследуем подземелья, составим карту и подумаем над перспективой, – подытожил Богданов.

Родион согласился с предложением и они расстались. А к лету развернулась большая работа по созданию новых помещений для биохимической лаборатории. Были тщательно обследованы подземные ходы, которые строились на рубеже XVI-XVII веков. По рекомендации инженера Б.Г. Дугина один из ходов был продолжен под стоящий неподалеку недавно построенный огромный доходный дом. С хозяином удалось договориться, чтобы он продал под жилье одному из работников лаборатории большую квартиру в первом этаже. Из этой квартиры был сделан вход в систему подземных помещений. В большом подземном помещении, расположенном на глубине около десяти метров, была оборудована центральная лаборатория, в которой проводились наиболее ответственные исследования образцов тканей, полученных из захоронений разных лет, наиболее раннее из которых датировалось началом 1630-х. Здесь же работали над оживлением и обеспечением длительного функционирования различных отдельных органов в физиологических растворах. Работы с препарированием трупов по-прежнему проводились патологоанатомами одной из крупных московских больниц.

Согласно проекту, предложенному Дугиным, второй выход из подземелий наиболее целесообразно было сделать в подвальное помещение одного из посещаемых трактиров «Бегемот». Но выполнение этого проекта пока было отложено.

1905-й год начался с революционных выступлений. На протяжении всего года в Москве продолжались массовые демонстрации, забастовки, вооруженные стычки. В ходе декабрьских вооруженных столкновений с полицией и войсками погибли Илья Прохоров и его молодой товарищ, открывший подземелья. Оба погибли от выстрелов в спину. Об этом Родион поставил в известность Богданов.

Эффективное функционирование лаборатории требовало достаточного освещения и электроснабжения. Поэтому летом того же года Родион отправил Павла Р. – одного из способных молодых лаборантов в Америку, на стажировку к Николе Тесле, который любезно принял того по рекомендации Кефера и Родиона.

Время было не самое удачное, ибо Теслу преследовали трудности со строительством и функционированием «Мировой системы», задерживалось строительство башни в Уорденклифе, то же касалось и развертывания лаборатории; не было денег на оплату заказанного технического оборудования. Тем не менее Тесла продолжал напряженно трудиться над своими проектами.

Пока Павел разыскивал Теслу, ему успели наговорить массу дивных историй об изобретателе. В частности рассказали об электрических эффектах в атмосфере, возникавших вследствие манипуляций Теслы с экспериментальным оборудованием. Молодой мужчина с восторгом рассказывал как два года тому несколько ночей превратились в светлый день из-за непонятого свечения неба:

– Вы не поверите, но от каждого человека в эти ночи исходило сияние как от святых! И вообще, он вытворяет такое! Впрочем, и сами увидите...

Определенная сумма денег, которую передали Тесле с молодым инженером, помогла ему завершить работы по строительству небольшой очень производительной паровой машины. Одна из паровых турбин при мощности 30 лошадиных сил весила всего 10 фунтов. Это был шедевр инженерной мысли.

Тесла вполне понял суть потребностей лаборатории и в короткое время были изготовлены три высокопроизводительных электрогенератора постоянного тока, которые могли работать в паре как с паровой машиной, так и с бензиновым двигателем. Были также сделаны специальные электроосветительные приборы и некоторое другое электрическое оборудование, идеи производства которого Тесла генерировал с удивительной прозорливостью. Тесла также помог приобрести микроскоп, сделанный по его чертежам, и позволявший производить увеличение во много раз большее, чем самые лучшие микроскопы того времени. Была сделана также аппаратура для внутрилабораторной связи, позволявшая без проводов разговаривать на расстоянии до 5 километров.

При случае Родион сообщил Богданову о материальных затруднениях Теслы в осуществлении его научно-технических проектов, о том, что этот талантливый мыслитель помогает в оборудовании лаборатории. Богданов обещал передать сказанное Ленину.

Начало революции 1905 года застало Ленина в Швейцарии. В феврале в России был арестован почти весь состав ЦК РСДРП, а оставшиеся на свободе лидеры партии – сторонники Ленина начали подготовку III съезда партии, который и прошел в Лондоне в апреле

1905 года. Ленин подчёркивал, что главная задача этой революции – покончить с самодержавием и остатками крепостничества в России. Одобрив точку зрения Ленина, съезд определил тактику партии: организация стачек, демонстраций, подготовка вооружённого восстания.

Ленин хотел принять непосредственное участие в революционных событиях. При первой же возможности, в начале ноября 1905 года, он нелегально, под чужой фамилией, прибыл в Петербург, где возглавил работу Центрального и Петербургского комитетов РСДРП. Ленин много внимания уделял руководству газетой «Новая жизнь» и под его непосредственным руководством партия готовила вооружённое восстание.

Богданов сдержал слово. В начале мая 1906 года в контору Родиона вошел невысокий мужчина лет 27, с аккуратно подбритыми усами, кавказской наружности. Разговаривая с заметным грузинским акцентом, он передал привет от Владимира Ильича, узнал адрес, по которому возможно встретиться в Америке с Павлом Р., и сообщил, что тому будет передана значительная сумма денег для помощи в осуществлении научных проектов Николы Теслы, а также для оплаты дополнительного оборудования, которое оказалось необходимым для «московского дела», особо подчеркнул эти слова кавказец. Родион поблагодарил грузина:

– Я вам очень признателен. Но не ограничиваем ли мы материальных возможностей...

Родион не успел закончить свою мысль, так как грузин успокаивающим жестом остановил его:

– Сейчас интересное время, а денег в Российской империи достаточно! Нужно будет, добудем ещё!

Через несколько лет Родион узнал, что это был один из руководящих деятелей партии, близкий к Ленину товарищ Коба, мастер «эксов».

Уже в сентябре 1906 года Павел Р. доставил все оборудование в Москву. Революционные выступления пролетариата шли на убыль, реакция наступала на свободы и права трудящихся. Царская охранка интересовалась деятельностью Ленина, а когда его пребывание в России стало опасным, он перебрался в Финляндию.

Одной из жертв декабрьского восстания 1905 года в Москве стал и сын хозяина «Бегемота». Молодой человек был задержан, приговорен военно-полевым судом к расстрелу и расстрелян. Ни связи, ни богатства отца спасти его не помогли. Отец, не перенеся

тяжести утраты, решил продать трактор и уехать в Германию к старшей дочери. Через подставных лиц сравнительно недорого трактор был приобретен и сразу же соединен со вторым входом в подземелье. Тем самым была обеспечена система нормального функционирования подземной части лаборатории.

После этого, естественно встал вопрос о принципах функционирования лаборатории на ближайшую перспективу. Определенным образом к этому подвигали и декабрьские события, когда, находящаяся на территории табачной фабрики лаборатория едва не была разгромлена противоборствующими сторонами. Поэтому на встрече Родиона и А.А. Богданова с ведущими специалистами лаборатории было принято решение рассредоточить ее «наземную» часть в лабораториях Московского университета, в изолированных помещениях «Бегемота» и в нескольких квартирах в доходных домах.

Спустя некоторое время после означенных событий, Родион в очередной раз отправился в Прагу, намереваясь встретиться там с Яном Кефером, а если удастся, то и с Николой Теслой. Конец мая и почти весь июнь месяц в Европе и России ознаменовались непонятными атмосферными явлениями. По ночам по небу проходили огромные сполохи света, пронеслись раскаленные шары света, молнии прорезали безмолвное небо. В такие минуты Ян радостно улыбался. На недоуменный взгляд Родиона однажды прореагировал полусмешливо, полусерьезно:

– Это кто-то из сильных мира сего развлекается, наверное.

После 20 июня по ночам небо озаряли необычные зарницы, становилось светло как днем, наконец, в последние дни июня свечение в небе резко усилилось. А ранним утром 30 июня 1908 года мир был потрясен необычным явлением, названным Тунгусской катастрофой. Газеты пестрели многочисленными заголовками, один фантастичнее другого. Держа в руках одну из свежевывшедших газет, Кефер улыбнулся:

– Родион, вы не догадываетесь, что произошло?

– Ну, вы же видите, Ян, пишут всякое, – не понимая к чему он клонит, ответил Родион.

– Это – плоды гения Николы Теслы, я знаю! – с восторгом прокричал Ян. – Представьте себе: 100 миллионов вольт, 10 миллионов ампер! А в импульсе что же получается! Помножьте! Гигантская энергия! Да такого никто, кроме Николы, никогда больше не повторит! Гений! А вы говорите, метеорит...

Глава пятнадцатая. Зиновьев. Прага

К началу 1911 года в лаборатории были достигнуты существенные успехи. Подопытные мыши и крысы, которым однократно ввели «эликсир», до сих были живы, в то время как их «ровесники» давно издохли. Потомство подопытные животные произвели только однократно вне зависимости от пола. Потомство было не более одной-двух особей. Особи отличались крепкой телесной организацией, однако продолжительность их жизни не отличалась от обычной. Те же, которые, в свою очередь, получили «эликсир» продолжали жить и после естественной гибели собратьев по помёту. К сожалению, эликсир израсходовывался быстрее, чем химической лаборатории удавалось воспроизвести аутентичный. Ян Кефер оказался прав: всё дело было в технологии. Но ученые-химики упорно продолжали работать. Микроскоп, привезенный Павлом Р., несомненно, сильно продвинул исследования вперед, но что-то не получалось...

Ближе к лету Родион получил письмо от Яна Кефера, в котором тот извещал его, что в ближайшее время в Прагу приедет Никола Тесла и они могут встретиться, «вспомнить годы молодые и подвести промежуточные итоги». Родион быстро собрался и уже через неделю давние знакомые сидели в привычном кафе и вели неспешные разговоры. На прямой вопрос, заданный Родионом Николе по поводу Тунгусского события, тот ответил доброжелательно и уклончиво, заявив, что иногда бывают странные стечения обстоятельств, которые современная наука едва ли в состоянии объяснить.

В какую-то минуту Родион как наяву увидел картину своей встречи с Яном в Праге ранней осенью 1903 года. Вспомнились его пророчества о грядущей европейской войне, которые Родион пытался перепроверить, пользуясь средствами мунданной астрологии. Результат в общем получался близкий. Все это заставляло его серьезно задумываться над глубокими философско-нравственными вопросами. Естественно, он не преминул задать вопрос о судьбах Европы на ближайшие годы и Николе Тесле. Вопрос того не удивил:

– Я не очень задумываюсь над такими вопросами, просто, что-то приходит ко мне и я чувствую, что могу видеть... Да, я вижу эту страшную войну в Европе... Середина 1914-го года, начало... Продлится до конца 1918-го. Но европейский мир будет непродолжительным, лет двадцать, не более... Да и какой это будет мир? Насилие, диктатура под видом демократии, террор, массовые убийства...

Здесь в разговор вмешался Ян, который явно не ожидал от Теслы такого прорицания:

– Ты понимаешь, Никола, насколько ты близок к тому, что произойдет. Правда, ты не называешь никаких имен, инициаторов, провокаторов, которые приведут к началу войны.

– Так что, Ян, правда, середина 1914-го? – уточнил Родион.

– Похоже, что так. И герои остаются те, о которых мы с вами говорили: Франц Фердинанд и дядя его – император Франц Иосиф I. Но есть и нечто новое. Новые герои, революциями пахнет, революционерами-правдоискателями, террористами... Плебс поднимется, плохо будет на востоке Европы, хотя наибольшие беды ждут двух европейских соперников: Германию и Россию...

Тесла с напряженным вниманием следил за тем, что происходило у него на родине. Маленькая страна героически боролась за свою самостоятельность против многочисленных и более сильных врагов. Вместе со своими соплеменниками-патриотами он мечтал о том, чтобы увенчались успехом усилия объединить все балканские народы: сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев. Тогда можно сбросить иго ненавистных Габсбургов и создать единое южно-славянское государство. Но пророческое чувство говорило ему и о том, что порыв такой – трагичен, что даже возникший союз будет, увы, непродолжительным. И этого его тревожило как человека...

В эту поездку в Прагу Родион познакомился с одним молодым поляком, членом польской группы социал-демократов, примыкавших к РСДРП. Знакомство состоялось благодаря оказавшемуся тогда в Праге Алексею Пешкову, который узнал Родиона и радостно бросился его обнимать. Он сообщил, что давно уже известен в революционных кругах как Максим Горький. Сказал, что ему страшно не нравятся нынешние русские революционеры, амбициозные, нетерпимые к мнению другого, болезненно честолюбивые. Поинтересовался, читал ли Родион его рассказы и повести. И представил Родиону молодого человека:

– Знакомьтесь, Збигнев Гриневский. Настоящий революционер, умный, ненавидит самодержавие, участвовал в декабрьском восстании в Москве, был ранен, арестован, приговорен к расстрелу, сбежал из-под стражи, – выпалил он одним духом, подталкивая Збигнева вперед.

Разговорились, и в ходе беседы выяснилось, что Збигнев закончил исторический факультет Ягеллонского университета, интересуется историей науки, много читает... Он пригласил Родиона в Кра-

ков, пообещав показать ему эту колыбель польской науки и культуры. Родион поблагодарил Збигнева, пообещав непременно воспользоваться его гостеприимством. Молодой поляк происходил из аристократической семьи, имел великолепное классическое образование. Оказалось, что Збигнев серьезно интересуется оккультизмом и астрологией. С восторгом он рассказывал об успехах краковской астрологической школы, о гениальном Копернике, о прекрасном своем городе. Несколько бесед в кафе, которые они провели на протяжении недели, сильно сблизили их. Родион попросил Збигнева к своему приезду в Краков найти несколько рукописных или печатных астрологических текстов старой краковской школы.

В ноябре месяце в контору к Родиону вошел очередной клиент. Приветливо поздоровавшись, и передав записку от Богданова, представлялся:

– Григорий Евсеевич Зиновьев, член ЦК РСДРП. Примите привет от Владимира Ильича, пожелания здоровья и успехов в ваших начинаниях. Извините, но рассчитываем на вашу помощь в одном деле.

– Какой же помощи вы от меня хотите?

– Мы советовались с Лениным относительно места проведения очередного партийного форума. В Европе сейчас сложно, масса шпииков, буквально «пасут» наших товарищей.

Из дальнейших объяснений Зиновьева, искренность которого у Родиона не вызвала сомнений, стало очевидно, что раскол в партии существенно препятствует эффективной работе в рабочей среде. Ни Стокгольмский, ни Лондонский съезды не привели к единству, а события последних двух лет еще больше показали слабость нынешней большевистской фракции, подчинившейся духу примиренчества.

– Ленин полагает, что необходимо провести партийную конференцию, которая, наконец, утвердила бы большевистскую платформу как особую партию. Мы думаем, что местом проведения следует избрать Прагу. Знаем, что вы бываете в Праге, имеете там знакомства и могли бы помочь нам с конкретным заведением...

– То есть, подыскать соответствующее помещение, чтобы можно было нормально разместиться, общаться, чтобы это не бросалось в глаза окружающим...

– Да, да, именно так! Конспирация прежде всего! Хотим начать принципиально новый этап работы российской социал-демократии.

– Хорошо, я помогу вам. А когда будет проходить ваша конференция?

Здесь Зиновьев взял Родиона за локоть и попросил проводить его. Выйдя в прихожую, он приблизил свое лицо к лицу Родиона и негромко сказал:

– Вторая или третья декада января.

– Хорошо, в конце декабря я дам вам точный положительный ответ, – так же негромко ответил ему Родион. – Успеете вы организоваться?

Зиновьев согласно кивнул головой.

На следующий день Родион отправился в «Бегемот», рассчитывая посетить лабораторию и ознакомиться с достигнутыми там успехами. Он привычно вошел через черный ход, привычно остановился за плотной портьерой и осмотрел зал. Каково же было его удивление, когда в нескольких метрах, за столиком он увидел заметно постаревшего Степана Михайловича Каледина собственной персоной. Рядом с ним сидел мужчина лет тридцати пяти с шикарной рыжеватой шевелюрой кучерявых волос и густыми усами. Что-то в этом лице насторожило Родиона, но он не стал рассматривать его больше, и еще раз удостоверившись, что за столом сидит действительно Каледин, прошел боковым проходом ко входу в подземную лабораторию. Здесь, радостно потирая руки, его встретил профессор Вахрушев:

– Работаем, сударь, работаем!

– Вижу, что есть новости?

– Да, Родион Валентинович, есть потрясающая новость – мы сделали клон!

– Что, что?

– Мы сделали клон, то есть точное подобие материнского тела! Представьте себе из ничтожного фрагмента мышцы мы вырастили точную ее копию. Это здорово, что мы плодотворно поработали с профессорами А.А. Колли и Н.К. Кольцовым! «Мозговой штурм» в размышлениях о молекулярном механизме передачи признаков по наследству позволил нам пойти дальше. Теперь мы на правильном пути!

– А..., припоминаю..., около года тому вы говорили мне о возможности получить генетически однородное потомство из одной клетки не только одноклеточных организмов, но и из клеток высших организмов.

– Именно так. Теперь мы начали практическую работу по клонированию собаки. Пока эксперимент идет удачно... Думаю, что скоро возьмемся и за человека! – радостно воскликнул он.

Родион промолчал и не поддержал восторга коллеги по «общему делу». Вспомнилась ему одна из встреч с университетскими преподавателями то ли в 1906, то ли в 1907 году. Тогда была затронута тема, что больше зависит от чего: тело от души или душа от тела. Достаточно длительная и эмоциональная дискуссия мало подвинула ее участников к согласному решению. Они так и разошлись каждый со своим мнением.

И вот теперь тема дискуссии, которая, конечно, никогда по большому счету не оставляла Родиона, вдруг приобрела зримые очертания. «Что на что влияет в первую очередь?», – спрашивал он себя и не находил однозначного ответа, чувствуя глубокую связь этих начал с третьим, – с Духом. Трепет прошел по всему его телу...

– Хорошо, рад вашим успехам, Дементий Иванович, но прошу пока за человека не приниматься, – полушутливо, полусерьезно заметил он, обращаясь к Вахрушеву.

– Согласен, поверьте, тема чувствительная и для меня. Доведем дело с собакой, подумаем, что делать дальше.

Каково же было удивление Родиона, когда на следующий день в его конторе появился вчерашний незнакомец – собеседник Каледина.

– Позвольте побеспокоить, слышан о ваших успехах..., – начал он, входя в кабинет Родиона и снимая лисью шапку.

Незнакомец сразу же вызвал неприятное ощущение:

– Чем могу служить? – прервал его Родион.

– Роман Малиновский, – представился вошедший. – Зашел к вам по партийным делам... Я работаю в рабочих профсоюзах Москвы...

При этом он сделал вид, что чувствует доверительное к себе отношение. Родион, напротив, строго заметил:

– К нам нередко заходят по партийным делам, но мы принимаем клиентов только по делам гражданским или уголовным. Гонорар, понимаете ли, в первую голову, а политика нам не интересна, для адвоката времена всегда смутные...

Родион внимательно рассматривал водянистые глаза, круглое, изрытое оспой лицо, усы... Впрочем, своими манерами и поведением Малиновский ничем не отличался от других передовых интеллигентных рабочих, которых немало перевидал за последние пять-шесть лет Родион. Не испытывая никакого доверия к клиенту, Родион холодно спросил:

– Так по какому вы делу? Назовите, тогда я смогу передать вас одному из наших присяжных поверенных.

– Я, видите ли, мне говорили... – несколько стушевался Малиновский. – Впрочем, я зайду в другой раз, если позволите.

На этом расстались, но теперь у Родиона не осталось никаких сомнений относительно того, в каком ведомстве ныне служит Степан Каледин. Оставался только один вопрос: «Встреча именно в «Бегемоте» – это случайность, или...» Не имея возможности сегодня ответить на этот вопрос, на следующий же день он уехал в Прагу к Яну Кеферу, рассчитывая параллельно с его помощью выполнять просьбу большевиков, памятуя о строжайшей конспирации.

Ян сразу же понял суть дела и несколько удивился:

– Вы тоже записались в социал-демократы?

– Нет, Ян, не записался и не собираюсь записываться. Но, может быть, для России они принесут что-то более достойное, чем нынешнее самодержавие...

– Очень сомневаюсь, – со снисходительной усмешкой заметил тот. – Фридрих Ницше о нашем столетии нехорошо пророчествовал... Кстати, припомните, что совсем недавно здесь говорил Никола Тесла. Я с ним согласен: насилие, диктатуры под видом демократии, государственный террор и большие, большие тюрьмы... Не минует такая перспектива и России.

После короткого размышления, заглядывая в свой блокнот, Ян предложил оптимальный вариант:

– Есть у меня хороший друг – Иохим Гавлена, – администратор Народного дома, умеренный социал-демократ. Он сделает все лучшим образом. Наймет отдельные пристойные квартиры, обеспечит зал для совещаний.

Сразу же была организована встреча с Гавленой, который с радостью согласился участвовать в организации проведения партконференции российских социал-демократов.

– Сколько будет гостей? – спросил он.

– Надо рассчитывать на полсотни... – ответил Родион. – Нужно ли вам сейчас какую-то сумму денег передать?

– Пока не надо.

– Хорошо, я оставляю часть денег Яну, если потребуется, он вам даст, – заметил Родион.

Вернувшись в Москву, Родион сообщил о достигнутых в Праге договоренностях, передав все необходимые сведения Зиновьеву, который долго, с благодарностью тискал его руку.

Пражская конференция проходила с 18 по 30 января 1912 года. Несмотря на все меры конспирации, предпринимавшиеся участни-

ками конференции, о результатах ее работы было сразу же донесено. Пребывание в составе делегатов одного или нескольких провокаторов не вызывало сомнений.

Ранней осенью 1912 года Родион отправился в Краков. Наряду с другими он рассчитывал встретиться и со Збигневом Гриневским, предполагая получить что-то из обещанных астрологических текстов краковской школы.

Выходя из вагона поезда на перрон, Родион неожиданно увидел среди толпы встречавших Григория Зиновьева. Не имея намерения скрываться, он не спеша пробирался к нему сквозь толпу, когда вдруг увидел, что Зиновьев приветственно махал рукой... Роману Малиновскому. Родион торопливо скрылся, и сев на извозчика, отправился в гости к Збигневу. Тот не скрывал своей радости:

– Великолепно, что вы приехали! Пане Родион, я раздобыл то, о чём вы меня просили. Вы давно в Кракове? Почему не позвонили мне? – обрушился он с вопросами на Родиона.

– Я только сейчас с поезда. Не успел еще акклиматизироваться, отшутился Родион.

– Спасибо, что сразу приехали ко мне

– Но я сейчас не надолго, надо где-то остановится в отеле. Какой вы посоветуете?

– Я прошу оставаться у меня в гостях, сколько потребуется. Поверьте, мне будет очень приятно! Сейчас я организую небольшой завтрак, а чуть позже сходим пообедать в ресторан.

Сразу же появились на столе бутерброды, кофе, бутылка вина. Выпили за встречу и Збигнев заговорил о жизни в Кракове, о краковских достопримечательностях, которые необходимо обязательно посетить. Родион внимательно слушал его и улучив минуту спросил:

– Збигнев, вы общаетесь с русскими социал-демократами?

– В общем, да, – несколько замямвшись ответил тот.

– Вопрос мой не праздный, и мне не интересно, с кем из них вы общаетесь. Однако я наверняка знаю, что среди них есть провокатор. Жаль, если он нанесет большой вред их организации.

Збигнев задумался и спросил:

– Могу я сослаться на вас?

– В принципе можете, но я бы хотел услышать хотя бы одно из знакомых мне имен.

– Здесь находится один из ближайших сподвижников Ленина, – снова уклончиво сказал Збигнев.

– Григорий Зиновьев?

– Да, он.

– Ну, так вот, не далее как два часа назад он с поезда встретил Романа Малиновского. Я чудом не попал в их поле зрения... Это и есть известный мне провокатор, человек, который в ноябре прошлого года доверительно, в Москве, в трактире встречался с одним из крупных деятелей охранки, с полковником Калединым. Полковник специально приезжал из Петербурга, где он служит в охранном управлении, насколько мне известно.

Збигнев опешил:

– Вы уверены в этом? – переспросил он, и не дожидаясь ответа сказал, – надо немедленно поставить в известность Зиновьева и Ленина. Сейчас Ленин – здесь, в Кракове. Нельзя допустить, чтобы Малиновский попал на конспиративную квартиру Ильича!

Збигнев торопливо выскочил из-за стола.

– Родион Валентинович, я прошу вас оставаться пока у меня в квартире, вы ничего не знаете в Кракове, поэтому пока почитайте журналы, газеты, отдохните с дороги, а я побегу...

В ответ на предостерегающий жест Родиона, он заметил:

– Я знаю Малиновского в лицо; во время Пражской конференции я приезжал к Ленину, но Малиновский меня не видел, и думаю, не знает. Все-таки я неплохой конспиратор, если и в переполненном шпиками Кракове нормально работаю...

Збигнев выбежал из квартиры и отправился на явочную квартиру Ленина. Владимир Ильич уже несколько дней находился в городе, а очередная встреча Збигнева с ним была назначена на завтра полудни. Встрешенной походкой Гриневский шел на явочную квартиру. Проходя мимо Мариацкого костёла, желая проверить нет ли за ним «хвоста», он вошел в храм и недолго постоял среди соборного великолепия. Немногие верующие, находившиеся в костеле, каждый сам по себе просили у Всевышнего возможного: кто-то милости к страждущему, кто-то о материальном благополучии, кто-то дерзнул просить у Господа даже Царствия Небесного. Недолго пробыв в Мариацком Збигнев вышел на площадь. Погода стояла великолепная, уличные музыканты наигрывали краковяк. Солнце полыхало в небесах, в кафе отдыхала праздная публика. Легкие облака пробегали по небу...

Ильич, спустя некоторое время после звонка, широко улыбаясь сам открыл дверь.

– Збигнев? Что-то случилось? Извините, что замешкался. Наденька ушла в библиотеку, в университет, поработать ей надо, а я тут занялся немного хозяйственными делами...

Они обнялись, троекратно облобызавшись. В эти мгновения боковым зрением Родион увидел в зеркале прихожей мелькнувшую в соседней комнате полуодетую женскую фигуру.

– Лукавит Ильич, – подумал он. – Инесса уже успела...

– Владимир Ильич, я не надолго. Много работы. Неприятное известие принес нам гость из Москвы.

– Кто, Малиновский?

– Нет, Родион Валентинович!

– Странно, мы ждем сегодня Романа Малиновского... – заметил Ленин, внимательно всматриваясь в лицо Збигнева. – Да вы чем-то очень встревожены, я вижу?

– Владимир Ильич, Роман Малиновский – провокатор! Родион Валентинович лично видел как он недавно, перед Пражской конференцией, встречался в Москве с полковником из петербургской охраны. Сегодня он узнал Малиновского, когда тот встретился с Зиновьевым!

– Да, батенька, задали вы работы, однако... Мы чувствуем, что провокатор был. Но судя по тому, что мог знать Малиновский, и по тому, что реально произошло, все-таки здесь может быть и ошибка... Потому что он знал меньше, далеко не всё, – поправился Ленин.

– Владимир Ильич, я не знаю, что он мог знать, но думаю, что адвокат не ошибается.

– Да, да, и Надежде Константиновне Малиновский не понравился сразу. Ну, ладно, я воздержусь от встречи с ним. Передайте Зиновьеву, чтобы он не вел Малиновского ко мне. Я попрошу Зиновьева, чтобы он завтра же встретился с Родионом Валентиновичем. Есть одно архиважное дело... Работы много, ой как много...

Ленин, назвав время и место встречи, здесь сделал паузу, явно намекая на теперешнюю неготовность к дальнейшему разговору. Збигнев понял, и с изрядной долей иронии произнёс, прощаясь:

– Хорошо, работайте...²

² Подлинный «гвоздь» Пражской конференции 1912 года – создание особой вполне самостоятельной большевистской партии. Роман Малиновский – делегат конференции, опытный провокатор со стажем. Осенью 1912 года был избран депутатом Госдумы от социал-демократов, но в мае 1914 года сложил депутатские полномочия. Партийная следственная комиссия прове-

ла несколько допросов Малиновского, на которых он рассказал, что в молодые годы бедствовал, голодал, едва вырвался из плена религиозных пред-
рассудков. Мучимый голодом, что-то украл, был судим, ушел из семьи. Решил скрыться от позора прежней жизни, раздобыть паспорт на другое имя. Паспорт то ли украл у спящего пассажира, то ли забрал у убитого им в пьяной драке парня. Потом его начала мучить совесть, он не смог из-за угрызений совести служить партии и сложил депутатские полномочия в Госдуме.

С началом первой мировой войны стало ясно, что он – провокатор охраны. В марте 1917 года в архивах охраны были найдены неопровержимые доказательства этого. Осенью 1918 года Малиновский, вернувшись из плена, явился с повинной в Смольный, откуда его и препроводили на Гороховую, в ЧК. На допросе Малиновский признал, что стал провокатором, якобы вследствие угрозы со стороны охранного отделения разоблачить его уголовное прошлое. Ревтрибунал 5 ноября приговорил его к расстрелу и приговор незамедлительно был приведен в исполнение.

Глава шестнадцатая. Гаврило Принцип

По возвращении домой, Збигнев радостно сообщил Родиону:

– Да, пане, так я раздобыл у антикваров два текста. Это инкунабула Петра Гашовца – доктора медицины, ректора Краковской академии, придворного астролога Казимира IV Ягеллончика, и переписанный текст Ержи из Дрогобыча, в котором дается астрологический прогноз на 1478 год.

– Спасибо. А кто же этот Ержи?

– Насколько я смог установить – это очень интересная личность. Родился в Дрогобыче возле Львова, учился в Ягеллонском университете, потом в Болонье, где его избирали ректором *Artistarum et Medicorum* Болоньского университета. К тому же он был известным членом Истрополитанской Академии в Презбурге и даже какое-то время ее вице-канцлером. Я здесь в Кракове выяснил, что с 1487 года он заведовал кафедрой медицинского отделения университета. Пользовался очень высоким авторитетом среди профессоров и студентов как астролог и лекарь, что способствовало принятию его в свиту королевскую. У того же Казимира IV он был личным лекарем.

Собеседники еще какое-то время поговорили на тему астрологического прогноза. Збигнев поделился своими соображениями касательно ректификации карты рождения. Родион при этом указал на ряд принципиальных положений и на возможные ошибки. Збигнев заметил, что астрологические традиции в Кракове всегда были на высоте:

– Известно, что в 1459 году в Краковском университете была создана кафедра астрологии, которую возглавил Мартин Круль (*Rex*) из Перемышля, доктор медицины и профессор. Кстати, в то же время во Франции в 1465 году король Людовик XI приказал уточнять влияние планет на проведение операций и назначение лекарств. Знаменательно, что астролого-медицинский календарь «*Almanach Cracoviense ad annum 1474*» был в Кракове одной из первых печатных книг. Закономерно, что вторая половина XV в. – это время, когда начали продуцировать ежегодные астрологические прогностики. Речь идет о том, что «Прогностики» – это один из элементов культуры того времени: Прогностик на 1476 год рассчитывал Ян из Глугова, на 1477 год рассчитывали *Johannis Laet de Borchloen* и Миколай Водка. А «Прогностиков», рассчитанных на 1478 год, сохранилось переписанных рукой собравшего их Гартмана Шеделя, несколько:

а) Magistri Jeorij de Russia (= de Drohobycz), в) Mag. Hieronymi de Manfredis, с) Baptistae Piasii Cremonensis и несколько других.

– Много ли известно о личностях этих астрологов? – спросил Родион.

– Кстати, интересную вещь я обнаружил, – заметил Збигнев. – Что удивляет при изучении жизни и деятельности выдающихся астрологов означенного времени, так это отсутствие, как правило, даже точного года рождения, хотя дату смерти биографы приводят.

– Да, свою смерть трудно скрыть от других...

– Безусловно, – продолжал Збигнев. – Вот посмотрите: Юрий Дрогобыч (ок. 1448–04.02.1494), Ян из Глугова (ок. 1445–11.02.1507), Михал из Вроцлава (ум. 09.11.1534). Думаю, что особой фантазии здесь не требуется: астрологи скрывали точное время своего рождения, хотя владели техникой ректификации, т.е. установления точного времени рождения человека, что неоднократно демонстрировали. Понятно, что ректификацию своей карты рождения все они провели, хотя сочли необходимым скрыть ее, тем самым скрывая от других особенности своего естества, своей сущности.

Профессиональный разговор продолжился далеко за полночь.

На следующий день, ближе к обеду в кафе состоялась намеченная встреча с Зиновьевым. Он внимательно выслушал Родиона, в принципе согласился с его предположением о провокаторской деятельности Малиновского, пообещав для начала существенно ограничить общение с ним. После этого Зиновьев обратился к Родиону:

– Хотел бы с вами поговорить об одном архиважном деле... Очень доверительно, по-дружески...

Родион согласно кивнул головой, готовый выслушать суть дела. Збигнев встал со стула, не желая мешать разговору, но Зиновьев жестом пригласил его оставаться на месте:

– Вы знаете, что Пражская конференция взяла курс на решительную борьбу с царским самодержавием. Говоря о «современном моменте», Ильич отметил, что царизм остается бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств. Отсюда и стремление царизма в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией удовлетворить свои хищнические интересы за счет грубой националистической политики в отношении угнетенных окраин. Эта политика направлена, в первую очередь, против более культурных областей империи, коими являются Польша, Финляндия, Северо-Западный край. Самодержав-

ный режим ведет и колониальные захваты в Азии, в частности, в Китае и Персии. Это – очевидно.

– Очевидно, – согласился Родион, – и такая политика может продолжаться достаточно долго.

– Я вижу, вы меня понимаете, – обрадовано закивал головой Зиновьев. – Но что из этого следует? А то, что значительная часть общества, участвуя в колониальных захватах и в преследовании инородцев, будет чувствовать себя вполне удовлетворенными. Более того, эти люди будут активно противодействовать попыткам изменить существующие социально-экономические отношения... Не правда ли?

– В общем, – логично, – заметил Родион.

– И Ленин согласен с таким предположением! Поэтому у нас есть один шанс колоссально ускорить развитие революционного процесса и приблизить время коренных социалистических преобразований в России и даже в Европе...

Родион и Збигнев внимательно следили за его словами. И здесь Зиновьев высказал то, к чему сводилось в итоге его «архиважное дело»:

– Нам нужна большая война в Европе! И мы с Лениным и Камневым сейчас думаем над тем, что мы лично могли бы сделать для скорейшего начала этой войны.

– И какой же вы видите перспективу *скорейшего* начала? – спросил Збигнев.

– Мы внимательно присматриваемся к Балканам, к проблемам южных славян. Сербия, Босния, подавляемые Габсбургами, – вот в перспективе, по нашему мнению, пороховая бочка нынешней Европы, – выдохнул Зиновьев.

Родион вздрогнул, услышав это заявление. Вспомнились беседы с Яном Кефером и Николой Теслой. Вначале повеяло духом чего-то мистического, но успокоившись, Родион вдруг осознал, что «карты не врут», как однажды заметил по поводу своих астрологических прогнозов Ян. И сам того не ожидая, вслух произнёс:

– Не врут!

– Что, что... Что вы говорите? – удивленно переспросил Зиновьев.

– Любопытно мне, удивительны извивы человеческой мысли и неисповедимы пути истории, – философски смиренно произнес Родион.

Все замолчали, а Родион неожиданно задумался над моральной, как он определил ее для себя, дилеммой. Поддерживать тему, увести в сторону, убеждать или переубеждать... Но сам Зиновьев и подвел некоторый итог обсуждаемой теме:

– А мы, всё-таки, постараемся исповедать пути истории! Мы, – большевики, мы будем менять историю!

Размышляя над темой в полупустом кафе, и допивая остывающий кофе, все трое невольно обратили внимание на происходящее за отдаленным столиком. Там молодой человек лет 22-24-х активно флиртовал с девушкой явно легкого поведения. Он пытался говорить с девушкой на польском, но заметный русский акцент выдавал его с головой. Девушка кокетливо улыбалась, помахивала веером. Но невесть откуда появившийся верзила молча взял ее за руку и потянул из кафе. Та пыталась что-то объяснить, но верзила небрежно махнул рукой в сторону соседа за столом, что-то авторитетно сказал и она успокоенная пошла за ним, выдернув из его руки свой локоть.

– Сутенер, нашел более достойный заработок, – промолвил Збигнев

Все молча наблюдали за происходящим. Между тем молодой человек был явно обижен произошедшим, особенно потому, что все происходило на глазах, хотя и немногочисленных посетителей кафе. Собеседникам стало жаль его и почти не сговариваясь они решили пригласить его присесть к ним за столик. Збигнев встал и подошел к столику, за которым сидел молодой человек.

– Простите, вы из России, – обратился он к гостю.

– Да, – обрадовано воскликнул тот.

– Мы приглашаем вас в нашу компанию, – жестом указал на товарищей Збигнев.

Молодой человек обрадовано согласился.

– Присаживайтесь к нам, – оживленно обратился к нему Зиновьев. – Вы прямо сейчас из России?

– Спасибо, я сейчас из Праги, а до того попутешествовал по Боснии, Сербии и Хорватии.

– Любопытно, – заметил Родион.

Из завязавшегося разговора они узнали, что молодого человека зовут Николай Бухарин, что он интересуется экономическим учением Маркса. После того как было заказано бутылку коньяка, а затем выпито и другую за братство славян и процветание свободных братских народов, у гостя немного развязался язык, он начал говорить витиевато, а в итоге признался, что является членом российской со-

циал-демократической рабочей партии и очень хотел бы «добиваться равенства, свободы и социальной справедливости» на просторах Российской империи.

Родион и Збигнев, не прерывая, внимательно и с видимым сочувствием слушали его порой высокопарные разглагольствования. Николай пожаловался на то, что среди его нынешних товарищей по делу мало людей культурных и образованных, что не с кем поделиться своими мыслями о теоретической подоплеке учения Маркса, что руководители группы постоянно разъезжают по каким-то совещаниям и съездам, расходуют деньги из партийной кассы и многое скрывают от рядовых членов. В общем молодой человек вызвал у собеседников симпатию своей эрудицией и энергичным желанием работать.

Но Зиновьева, внимательнейшим образом слушавшего Бухарина, было не узнать. Зная много лучше других присутствующих российское социал-демократическое движение, он быстро убедился в том, что же из себя представлял Бухарин. Перемигнувшись с товарищами, он показал взглядом, что хочет остаться наедине с Николаем.

Родион и Збигнев с радостью встали, извинились и ушли, сославшись на занятость.

На следующий день Зиновьев представил Николая Бухарина Ленину, встретившись с ним в укромном кафе. Владимира Ильича очень заинтересовала личность молодого человека, побывавшего в южно-славянских странах. После обсуждения перспектив российской революции, в ходе которого Бухарин показал себя неплохим аналитиком, разговор постепенно перешел на ситуацию на Балканах и в Австро-Венгерской империи. И здесь, неожиданно, Бухарин поведал, что находясь в Боснии он познакомился с членами анархистской, националистической организации «Млада Босна», борющейся против оккупации. Более того, ему удалось познакомиться и с членами тайного сербского общества «Черная рука», ставивших своей целью объединение южно-славянских стран в одно славянское государство. Девиз общества «Черная рука» был лаконичен: «Объединение или смерть». Во главе общества, как ни странно, стоял полковник Драгутин Димитриевич, одновременно возглавлявший разведку генерального штаба Сербии. Членам «Черной руки» он был известен под псевдонимом Апис и таким же знал его Николай Бухарин. Поделится Бухарин и своими личными наблюдениями относительно настроений разных слоёв населения в тех краях, где успел побывать.

На протяжении всего разговора Ленин и Зиновьев восторженно переглядывались друг с другом, не скрывая своего удовлетворения от услышанного.

Уже на следующий день Владимир Ильич пригласил Николая Бухарина к себе домой, где они втроем с Надеждой Константиновной довольно обстоятельно обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества с южно-славянскими патриотами и анархистами. Встречаясь в тот же день в кафе с социал-демократами, Николай с восторгом и витиевато говорил Зиновьеву:

– Ушел от Ильичей как замороженный, летел домой, точно за спиной крылья выросли, перспективы раздвинулись, миры новые открылись...

Правда, присутствовавший на встрече Збигнев Гриневский, уловив минуту, когда Зиновьев отлучился, заметил Николаю Бухарину:

– Будьте очень осмотрительны в своих отношениях с другими и в выборе знакомых. Вы умный человек, но остерегайтесь говорить лишнее, иначе погибнете от пули. Марс к вам настроен враждебно.

– Чепуха ваши гадания, Збигнев, – сразу же отреагировал Бухарин, но помедлив, спросил:

– Когда?

– Ничего, вы успеете вкусить и славы, и власти, и богатства.

– Тогда ваши пророчества несерьезны.

– Не думаю. Я бы на вашем месте прислушался к совету. Хотя, беда вас, русских, в том, что вы не верите в Логос. Вы всегда рассчитываете с судьбой договориться. Судьба для вас – фортуна...

Здесь к столику вернулся Зиновьев и разговор принял практическое направление. Бухарину было предложено, не медля долго, ехать в Вену. Зиновьев пообещал передать ему завтра же необходимую для «приличной жизни» сумму денег, достаточную на три-четыре месяца, а также средства «для работы со славянскими патриотами».

Назавтра Бухарин уехал в Вену, где активно включился в работу, выполняя различные поручения В.И. Ленина и Заграничного бюро ЦК РСДРП. Естественно, что важнейшим направлением его деятельности была, как четко выразился Ленин, «работа на войну».

В целом деятельность его имела успешный характер, и уже в начале сентября 1913 года он писал Н.К. Крупской о том, что рядом с ним работают и другие партийцы из Москвы: «... мой приятель Лев Борисович Суница с рьяностью принялся за изучение здешнего рабочего движения и, между прочим, хочет посещать местную партийную школу. По сему случаю я говорил с австрийским социал-

демократом Максом Адлером, философом, профессором Венского университета. Тот просил дать надлежащие рекомендации. Я думаю, что Суница будет специально изучать австрийское рабочее движение. Я знаю его давно, хотя он и не совсем наш, но так мы его привяжем к себе».

Но все-таки, главным направлением работы Бухарина оставалась подготовка к организации начала большой европейской войны, которая по замыслу Ленина и Зиновьева должна была перерасти в гражданскую войну в России. А в целом итогом Гражданской войны должна была стать победа пролетарской революции.

Среди молодых патриотов-террористов особенно заинтересовал Бухарина, отличавшийся особым фанатизмом Гаврило Принцип. Окончив торговое училище в Сараево, он поступил в гимназию – сначала в Тузле, потом снова переехал в Сараево. В то время Босния и Герцеговина около 30 лет, как годится, под предлогом восстановления порядка и мира, были оккупированы Австро-Венгрией, а потом Австрия и вовсе объявила об аннексии этих провинций. Примерно с пятого класса гимназии Гаврило Принцип был воодушевлен идеей освобождения южных славян от ига Австро-Венгрии и Турции и их объединения. Перед началом Балканской войны, в 1912 году, он приехал в Белград, где попытался записаться добровольцем, но из-за плохого физического развития на войну с турками его не взяли. В начале 1914 года в Белграде Гаврило экстерном сдал гимназический курс, после чего отправился в Сараево, где вступил в молодежную националистическую организацию «Млада Босна». Единственным действенным средством против австро-венгерского угнетения гимназисты считали террор. Организация поддерживала тесные контакты с Белградом, и с конца февраля по май 1914 года именно там Гаврило Принцип готовился к теракту.

Бухарину достаточно быстро и легко удалось заполучить «надежного информатора» в австрийских спецслужбах, что потребовало определенных затрат. Поэтому, как только полковник Д. Димитриевич получил от Николая Бухарина сообщение о намерении эрцгерцога посетить Сараево, тот сразу же принял решение готовить покушение. На примете у Аписа уже находились три молодых человека, горевших желанием отдать жизнь за свободу Боснии и Герцеговины, – это были Неделько Кабринович, Трифко Грабеж и Гаврило Принцип. Апис представил их членам «Черной руки» и новобранцы повторили клятву тайного общества: «Солнцем, греющим меня, землей, питающей меня, Господом, кровью моих предков, сво-

ей честью и жизнью клянусь в верности делу сербской национальной идеи и готовности отдать за него жизнь». Потом каждому из троих героев вручили браунинг, бомбу и дозу цианистого калия, чтобы не попасться живым в руки полиции, после чего Апис организовал боевикам переход через боснийскую границу.

В Боснии молодые люди поселились в доме Данило Илича, члена «Млада Босны» – отделения «Черной руки» в Сараево. Следуя указаниям Аписа, для покушения на эрцгерцога Илич привлек еще четверых добровольцев.

Утром 28 июня Франц Фердинанд и его супруга Софи прибыли в Сараево. Несмотря на огромные толпы народа, австрийских солдат на пути следования высоких гостей было расставлено не так уж и много. Военные знали, что император Франц Иосиф бывал недоволен, когда эрцгерцога принимали слишком помпезно, поскольку недолюбливал Фердинанда: племянник огорчил императора своей женитьбой на Софи Хотек, бывшей всего-навсего графиней. Некоторые из семи террористов по воле обстоятельств оказались нейтрализованы: рядом с одним слишком близко оказался полицейский, другой был зажат в толпе и не смог высвободиться к нужному моменту, третий не решился стрелять из опасения, что попадет в неповинную Софи. Наконец Кабринович метнул бомбу, но не слишком метко, потому что она разорвалась под машиной эскорта, ранив армейского офицера.

Гаврило Принцип, стоявший дальше по пути следования эскорта, услышал взрыв и, решил, что заговор удался. Тем временем эрцгерцог добрался до ратуши, где его встретил мэр города, произнесший подобающую случаю речь. Фердинанд выступил с кратким ответным словом, после чего направился в больницу, чтобы навестить офицера, пострадавшего от бомбы Кабриновича. По пути к больнице машина, в которой находился Франц Фердинанд, должна была следовать по боковой набережной Аппель. Но шофёр повернул на улицу Франца Иосифа. Ему объяснили, что он едет неправильно, и тот начал медленно разворачивать машину. В этот момент машину заметил Гаврило Принцип, покупавший в соседнем магазине сэндвич. Он подбежал к машине и выстрелил беременной Софи в живот, а затем Францу Фердинанду в шею. Как и Кабринович, он попытался отравиться, и его вырвало. Затем он попытался застрелиться, но набравшие люди отобрали у него пистолет. Как и Кабриновича, его избивали так жестоко, что в тюрьме врачи вынуждены были ампутировать ему руку.

Фердинанд и его жена были перевезены в резиденцию губернатора, где они умерли не более чем через час после выстрелов. К суду были привлечены более двух десятков заговорщиков. Нескольких, в том числе Данило Илича, казнили. Позднее смертный приговор также был вынесен и Апису. Трех несовершеннолетних гимназистов-добровольцев, включая Гаврило Принципа, приговорили к 20 годам каторги.

Австрийское правительство действовало решительно и старалось выжать из убийства эрцгерцога максимум возможного, как будто заранее ждало чего-то подобного. Принесенные сербской стороной извинения на тот момент вполне могли бы удовлетворить австрийцев, но Вена твердо вознамерилась покарать Сербию. После сараевских выстрелов на Европу, как сорвавшаяся снежная лавина, неумолимо накатывалась война. Германия оказалась не в состоянии образумить южного соседа. Тогда, под лозунгом спасения славянских братьев, Россия объявила мобилизацию. К августу мировая война была уже неизбежной.

Большевики, возглавляемые Лениным, были в восторге. Ленин называл Бухарина и Зиновьева истинными героями партии. Перспектива пролетарской революции неизмеримо приблизилась. Пророчество Федора Михайловича Достоевского, чей болезненно-наблюдательный интеллект породил ко всему прочему еще и образ лакея Смердякова, становилось реальностью. Правда, реальность обнаруживала себя уже в образе пролетарского вождя, интеллигента в третьем поколении Владимира Ильича Ульянова (Ленина)... Свою задачу он видел теперь в том, чтобы приблизить поражение своей страны в начавшейся войне.

Как и предсказывал Никола Тесла, Первая мировая война закончилась к декабрю 1918 года, унеся два десятка миллионов жизней и многие миллионы искалеченных и страдающих от отравлений ядовитыми газами. Многомиллионную добавку жертв приуготовляла и пролетарская революция, породившая Гражданскую войну в России.

Глава семнадцатая. Профессор П.П. Шульгин и другие

Наступило лето 1915 года. Работа в лаборатории продолжалась ударными темпами. Но это было ужасное лето, когда духовный климат в стране стал постепенно и неотвратно ухудшаться. Родион никак не мог освободиться от дурного предчувствия, несмотря на все свои усилия. Теперь война шла на русской территории и приближалась к ним. Всё зашаталось. Скрытая самоубийственная деятельность, которая столь многое предрешила в русской жизни и истории, всё более и более выходила наружу. Всё время шла «проба сил». Постоянно бастовали печатники, рабочие табачной и швейной фабрик, рабочие крупных заводов. Родион уже начал думать о том, что катастрофа постигнет «общее дело» раньше, чем удастся сделать задуманное.

И здесь, неожиданно, Родиона нашёл Константин Циолковский и пригласил его на «вечер памяти по Николаю Федоровичу»:

– Будут очень интересные люди. Я пригласил философов и инженеров. Мы давно с тобой не встречались. У меня работа, идеи, гимназия... Приходи, Родион Валентинович, ты очень нужен для дела, – сказал он, просящее сложив на груди руки.

– Как можно, Константин Эдуардович, конечно, буду!

Встреча проходила в одной из аудиторий философского факультета. Собралось не менее сотни преподавателей и студентов, желавших послушать выступление по этому поводу. Первым выступил профессор Зимоглядов, который вспомнил ряд эпизодов из своих многочисленных встреч с патриархом русского космизма. Запомнилось Родиону и яркое вдохновенное выступление юного студента Александра Чижевского, который обещал приложить все свои силы и интеллект для того, «чтобы жизнь человека под Солнцем была полнее, здоровее и продолжительнее».

Особый интерес присутствующих вызвало выступление доцента Н.А. Бердяева. Расценив идеи Федорова как гуманистические в принципе, саму философию его он назвал «безбожной». Жесткой критике подверг он концепцию в свете христианских представлений о жизни вообще и о жизни души в частности. Выступление Бердяева достаточно критично оценил присутствовавший на собрании известный русский оккультист П.Д. Успенский. Во все время дискуссии Родион молча переглядывался с профессором Вахрушевым, который

так же сосредоточенно слушал аргументацию как одного, так и другого.

По окончании собрания Родион с Вахрушевым пригласили нескольких профессоров и доцентов в «Бегемот», где в отдельном гостевом кабинете они смогли продолжить разговор по сути. Естественно, основное внимание было уделено вопросам сущности души, душевной и духовной жизни. Вахрушев несколько раз порывался поставить волнующий его вопрос, но Родион жестом останавливал попытки.

Суть дела заключалась в том, что собака, от которой взяли клон, была злой и вела себя крайне агрессивно по отношению к чужому. Однако клонированная от неё собака, достигшая уже двухлетнего возраста, была удивительно ласковой и покладистой. Но вдруг издыхает первая и на глазах изумленных лаборантов практически сразу же ласковая собачонка превращается в злобного монстра. Ситуация вызвала много вопросов у работников лаборатории, Родион с Вахрушевым также долго дискутировали, ища различные объяснения ситуации, чувствуя, что здесь есть какая-то загадка.

Наконец, когда ученые, участники щедрого застолья, достаточно «разогрелись», Родион жестом пригласил Вахрушева задать волновавший того вопрос. Естественно, что говорить о лаборатории, о клонировании, об эксперименте и прочем было недопустимо. Поэтому, собравшись с мыслями, Дементий Иванович обратился к присутствующим:

– Господа! Представьте себе ситуацию. От собаки-родителя, весьма злого и агрессивного, родился щенок, который и по достижении двух лет оставался добродушной и ласковой собакой. Но вот поддыхает злой родитель и доселе ласковая собака моментально превращается в злобного пса. Существует ли какое-то логическое объяснение этому?

Доцент Бердяев взглянул на Вахрушева и спросил:

– Это единичное наблюдение, или у вас есть какая-то статистика?

– Скорее единичное наблюдение, потому что мы как биологи смотрим прежде на телесное, но этот случай просто бросился в глаза. Не заметить его было невозможно, – добавил Вахрушев.

– Я думаю, что объяснение случаю есть, – включился в обсуждение профессор П.П. Шульгин – известный в узких кругах своим пристальным интересом к оккультизму и эзотерике.

Все сразу повернули головы в сторону доселе молчавшего профессора, который продолжал:

– Животное не имеет индивидуального *обитающего в нем* духа, а имеет лишь групповой дух, который направляет его *извне*. Всякое животное имеет плотное физическое тело, жизненное тело и тело желаний, но управляющее животным начало – групповой дух, находится снаружи, вне тела животного.

– Непонятно говорите, коллега, – прервал его Николай Бердяев.

– Что же здесь непонятного, – удивился Петр Шульгин. – Представьте себе комнату, разделенную надвое плотным занавесом. В занавесе десять отверстий, в которые просунуты десять пальцев, которыми движет один человек. Пальцы представляют животных, относящихся к одному виду. Наблюдающий со стороны не видит человека, но видит движения пальцев точно самостоятельно движущиеся. Но они – управляемы точно групповым духом. Если поранить один палец, то будет поранен и сам человек. Но если поранить животное, то страдать будет оно одно, но в значительно большей степени, нежели групповой дух.

– Часто говорят о «животном инстинкте», о «слепого инстинкте», – снова прервал Бердяев Шульгина.

– Вот, вот, говорят... Не существует такой расплывчатой, неопределенной вещи как «слепого» инстинкт. Нет ничего слепого в том, как групповой дух руководит своими членами. Но есть Мудрость, написанная с большой буквы. Этот групповой дух собирает стаи птиц и в соответствующее время направляет их на юг. Он же возвращает их весной, он же задает им нужную высоту полета, разную для разных птиц. Также и групповой дух учит бобра строить плотину, учитывая скорость течения и все обстоятельства, как это сделал бы квалифицированный инженер...

– А пчела?... – спросил Вахрушев.

– То же самое и с пчелой, – тотчас отреагировал на вопрос Шульгин. – Именно мудрость группового духа направляет строительство шестиугольной ячейки пчелы с такой геометрической точностью; учит улитку придавать своему домику форму такой аккуратной, красивой спирали и т.п. Мудрость, Мудрость во всём!

– Правильно ли я вас понял, – вновь переспросил Вахрушев Шульгина, – означает ли происшедшее с собакой, что *групповой дух* «принял решение» освободившуюся вследствие издыхания одной собаки энергию зла поместить в другую собаку?

Профессор Шульгин задумался и неопределенно сказал:

– Боюсь, что в этой истории есть что-то ещё, чего вы не заметили... Или не договариваете...

Родион и Вахрушев, не сговариваясь, удовлетворенно кивнули головами и понимающе переглянулись. Дальше разговор, естественно, переместился в плоскость обсуждения сущности человеческого естества. И вновь инициативу взял в свои руки Шульгин:

– Человек имеет несколько тел. Любой оккультист скажет вам, что этих тел четыре, хотя называть эти тела может и по-разному. Очевидно, в контексте нашего разговора наибольший интерес могут представлять тело плотное (физическое) и тело жизненное (душа). Всем злоупотреблениям, которым мы подвергаем наше плотное тело, противодействует, насколько это в его силах, жизненное тело, постоянно борющееся против смерти тела физического.

– Ну и ну, а где же высший Разум, коллега? – резко прервал Бердяев Шульгина.

– Структуру жизненного тела можно грубо сравнить с инкрустированной картиной, сделанной из сотен маленьких кусочков дерева, – продолжал говорить Шульгин, не реагируя на реплику Бердяева. – Жизненное тело представляется для наблюдателя как миллионы точек. Эти точки входят в *пустые* центры плотных атомов тела, наполняя их жизненной силой, которая заставляет их вибрировать с гораздо большей частотой, чем минералы земли, не вибрирующие с такой повышенной частотой и неодушевленные.

– Можно ли дать конкретные примеры этой взаимосвязи? – спросил Шульгина Родион.

– Да, можно. В некоторых случаях жизненное тело частично покидает плотное тело, например, когда рука «затекла». Тогда «точки» причиняют особое чувство покалывания, ощущаемое, когда эфирная рука возвращается в плотную руку

– А как бы вы объяснили отсутствие покалывающего эффекта при гипнотических явлениях? – профессионально спросил коллегу профессор Вахрушев.

– И здесь нет ничего фантастического. При гипнозе отсутствие покалывающего ощущения при пробуждении объясняется тем, что во время гипноза часть жизненного тела гипнотизера заменяла жизненное тело гипнотизируемого, – с улыбкой заметил Шульгин.

Тема гипноза заинтересовала присутствующих, начали разговаривать о новейших достижениях в учении о человеке, дискуссию вызвало учение Дарвина. Здесь присутствующие вспомнили К.А. Тимирязева – известного русского дарвиниста, профессора

Московского университета, который в 1911 году покинул университет в знак протеста против действий реакционного министра просвещения Кассо. Внимание обратил на себя профессор Г.Р. Симон – ученик Тимирязева, который с хода, руководствуясь общими представлениями об эволюции, попытался объяснить эволюцию группового духа в индивидуальную человеческую. Впрочем, его весьма поверхностные и примитивные рассуждения вызвали резкий протест как со стороны Бердяева, сторонника христианской религиозно-идеалистической традиции, так и со стороны теософа-окультиста Шульгина, который заметил:

– Человек никак не мог произойти даже от самых высокоорганизованных животных. Всё, что мы делаем, говорим или чем мы являемся, отражается в нашем окружении. Вот почему кажется, что высшие домашние животные «думают». Они являются высшими в своем виде, поскольку мыслительные вибрации человека «индуцировали» в них сходную деятельность низшего порядка. За исключением этого, животное царство не приобрело способности мыслить. Животные – *не индивидуализированы*. В этом и состоит громадное и кардинальное различие между человеческим и другими царствами.

В ходе оживленной дискуссии все присутствующие согласились с тем, что человек – индивидуален. Именно поэтому для изучения повадок льва или любого другого вида низших животных, достаточно взять один экземпляр из этого вида. Узнав повадки одного животного, мы узнаем повадки вида, к которому он принадлежит. Лев, или его отец, или его сын, все будут действовать одинаково в сходных обстоятельствах. Но если мы хотим узнать характер Ивана Грозного, нам мало что даст изучение характера его отца или его деда...

– Ну, а если мы немного пофантазируем, если вдруг нам каким-то образом удалось вернуть к жизни человека, жившего, скажем, две тысячи лет тому... Что мы тогда увидим? – лукаво улыбаясь, обратился к профессору Симону Родион.

– Да ничего не увидим, потому что это невозможно! – резко возразил тот.

– Можно допустить и такое, – поддержал Родиона Шульгин. – Только дело в том, что люди умирают в принципе потому, что они оказываются неспособными и дальше «сохранять свои позиции». В развивающейся Жизни только тот, кто способен эволюционировать вместе с ней, добивается успеха. Прогресс или Регресс – это неотвратимый закон развития, это то, что Гераклит называл Логосом.

Более того, в пику дарвинистам я скажу, что не человек произошел от антропоида, а, напротив, антропоид деградировал из человека...

Расставшись с гостями, Родион и Вахрушев, находившиеся под впечатлением высказанных учеными идей, отправились в лабораторию. Необходимо было еще раз осмыслить и переосмыслить происходящее. Прежде всего весьма продуктивными им показались идеи П.П. Шульгина. В какой-то мере они давали ответ на то, что может происходить с клонированными животными. В этом направлении можно было производить дальнейшие эксперименты. И ближайшие месяцы показали, что со смертью материнского животного клонированное приобретало его качества.

Химикам, наконец, удалось добиться производства пудры абсолютно идентичной той, которая была подарена Яном Кефером. В новых экспериментах варьированием доз пудры и переливанием крови от других животных стало возможным изменять внешний вид подопытного животного. Более того, инъекция физиологического раствора, включавшего в себя пудру и особым образом приготовленные незначительные фрагменты останков ранее живших животных, позволяла также изменять внешний облик подопытного животного до неузнаваемости.

Эксперименты Вахрушева дали еще один важный результат. Медико-биологическая наука уже тогда располагала знаниями о некоторых аспектах инокуляции (прививки, внедрения) крови одной особи в вены другой особи иного вида. Известно было, что более низкоразвитая особь вследствие вливания ей крови погибает. Так, например, животное, инокулированное кровью человека, погибает. Многократно проведенные Вахрушевым и его лаборантами опыты показали, что кровь собаки, введенная в вены птицы, убивает птицу, но собаке не повредит, если в ее вены ввести кровь птицы.

– Так что же происходит? – спросил Родион. – Выходит, что Шульгин рассуждает верно?

– Да, после его сегодняшних разъяснений я могу сказать, что всё дело в силе группового духа. Очевидно, когда кровь более высоко развитого животного инокулируется в вены особи низкоразвитого вида, дух в крови более высоко развитого, конечно, сильнее, чем дух низкоразвитого; поэтому, когда он пытается утвердиться, он убивает, заключающую его форму и, тем самым, освобождается.

– Понятно, – прервал Родион профессора, – а когда кровь менее развитой особи инокулируется в вены высоко развитой, более высокий дух в состоянии изгнать менее развитый дух чужой крови и ас-

симилировать эту кровь для своих целей, причем никакой видимой катастрофы не происходит. Думаю, что эти выводы будут способствовать экспериментам с клонированием и селекцией различных животных. Не правда ли, Дементий Иванович?

– Правда, Родион Валентинович! Мы будем комбинировать кровь с пудрой и ископаемыми останками.

Но самым впечатляющим для Родиона явилось признание-покаяние профессора Вахрушева. Оказалось, что уже четыре года он тайно проводил клонирование человеческих индивидов. Первый клон был взят от семидесятилетнего мужчины, имевшего внушительную аристократическую родословную. Всего к моменту признания Вахрушев наблюдал за пятью клонированными детьми, которые находились в сиротском доме. Бескорыстным помощником его стал один из его учеников – выпускник Московского университета, врач, еще на студенческой скамье серьезно интересовавшийся биологией.

Глава восемнадцатая. А.В. Луначарский и другие

Наступил февраль семнадцатого года, ставший временем великим и потрясающим для всего русского народа. Дала множество трещин сама имперская государственность, и сквозь образовавшуюся брешь миллионы человеческих душ увидели пробудившимся духовным зрением голубое сияние соборной души российской метакультуры. Вдруг миллионы людей увидели перспективу осуществления миссии русского народа – путь ко всечеловеческому братству.

Да, то была вера в свершение вековечной мечты – в наступление всеобщего счастья. То было дивное время, незабвенные дни на рубеже февраля и марта 1917 года, когда священный хмель бескровной революции залил Петербург и Москву, катясь от сердца к сердцу, от дома к дому по всем губерниям.

Но возможностями этого временем сумели воспользоваться иначе. Февральская революция 1917 года в Москве сопровождалась насилием, погромами и пожарами. Пока непосредственной опасности своему делу Родион Валентинович не видел. В подземной лаборатории, лабораториях Московского университета и детском приюте продолжались эксперименты...

Однако уже в начале марта на совещании с участием ведущих ученых и инженеров было принято решение максимально ограничить круг участников экспериментов, а наиболее ценные документы и образцы сосредоточить в тайном помещении в подземной лаборатории. За последние годы была проведена большая инженерно-техническая работа по оборудованию подземной лаборатории. Все помещения, находившиеся на глубине более десяти метров были тщательно отреставрированы, обеспечены системой водоснабжения, а также имели автономные источники тепло- и электроснабжения, которые могли бы обеспечить их автономное функционирование в течении года как минимум. Все помещения верхнего яруса были приведены в нерабочее состояние и по возможности разрушены. Таким образом, даже строительство новых зданий не могло бы помешать работе лаборатории, по-прежнему имевшей два законспирированных выхода. Инженеры предусмотрели, в случае необходимости, возможность строительства еще двух новых выходов и уничтожение существующих. Лаборатория была готова к самому непредвиденному развитию событий.

В первых числах мая к Родиону в контору неожиданно появились Максим Горький с незнакомым высоким худощавым мужчиной в пенсне и с узкой интеллигентской бородкой. Горький по дружески обнялся с Родионом Валентиновичем и представил гостя:

– Анатолий Васильевич Луначарский, мой старинный друг и товарищ, литератор, критик, философ и т.д.

– Весьма рад, – учтиво пожал протянутую ему руку Луначарский.

Родион пригласил гостей к столу и извинившись за не очень обильное угощение, выставил бутылку водки, холодную осетрину, колбасу и хлеб. Гости выпили по рюмке за начало революционных преобразований и дружно принялись за закуску. Спустя некоторое время Луначарский, несколько раз порывавшийся говорить, начал рассказ о своих скитаниях за границей:

– Я сразу же, как только получил известие о Февральской революции, оставил семью в Швейцарии, и начал предпринимать меры, чтобы приехать в Россию. И вот теперь еду в Петроград. Спасибо, Алексей Максимович встретил меня в Москве и любезно взялся доставить в Петроград. Ужасно хочется помочь большевикам в деле передачи власти «трудовым классам народа».

Горький спокойно и даже несколько снисходительно слушал разглагольствования Луначарского. Родион же слушал, пытаясь понять, что из себя представляет новый знакомый, хотя имя этого литератора он уже слышал и раньше, но мнения о нем у разных собеседников сильно отличались.

– Какой видится вам перспектива развития революции? – спросил он Луначарского.

– Я думаю, что в первую очередь надо ликвидировать Государственную Думу и Государственный совет и передать власть Советам рабочих и солдатских депутатов, а также через пролетарские газеты и журналы вести активную культурно-просветительскую деятельность среди пролетариата.

Горький скептически заметил:

– Фантазируете, уважаемый...

– Никоим образом, – обиделся Луначарский. – Задача пролетарской революции – создать **нового** человека! Более того, мы создадим и **новую реальность!**

– Интересно, как это вам удастся? – снова с издёвкой спросил его Горький.

– Мы жаждем такого будущего, в котором справедливость станет само собою разумеющимся базисом красоты, стремимся к идеалу личности прекрасной и гармонической в своих желаниях, общества творческих людей, в котором борьба между людьми принимает характер соревнования...

– Анатолий Васильевич, опять фраза и ничего больше, – заметил Горький.

– Неправда. Мы не отрываемся от действительности, мы ее принимаем, но не статически, а прежде всего мы принимаем ее как задание, как развитие!

– Минуточку... Давайте всё-таки уточним, принимаете ли вы действительность как то, что есть, или же всё-таки действительность для вас – задание? – не удержался от вопроса Родион.

Но здесь в разговор вмешался Горький:

– Родион Валентинович, вы вспомните, что говорил Федоров Николай Федорович. Он сетовал, что прогресс в искусстве не довольствуется лишь признанием зла, он жаждет удвоения его, выпячивания, «упивается им в реалистическом искусстве». Естественно, что новый реализм должен будет зло скрыть, воспевая идеальное добро будущего. Социалистический реализм принимает и другую идею мыслителя, что с переходом ученого сословия от знания к делу и прогресс перейдет от знания того, *что есть*, к знанию того, *что должно быть*. И на эти слова мы обращаем особое внимание.

В это время разговор был прерван еще одним гостем. В комнату вошел Николай Александрович Бердяев. Родион представил его собеседникам. Оказалось, что все они уже давно знакомы друг с другом. Бердяев неоднократно, читая их работы, жестко оппонировал идеям, пропагандируемым Горьким и Луначарским. Бердяева пригласили за стол и дискуссия продолжилась.

– Вот я и говорю, – продолжил свою мысль Луначарский, – что люди, не умеющие жить в будущем, в творчестве, в стремлении будут уходить с той площади, где медленно воздвигают величественный храм жизни, где поколение трудится вслед за поколением, но где пока видна лишь груда камней, ямы с цементом, стропила, листы железа, очерк фундамента на земле... где всё обещает, но мало что радует уже взор. Останутся лишь те, кто верит в будущее...

– С природой будете бороться? – спросил Бердяев.

– Да, и с природой будем бороться! Социализм для нас – это организованная борьба человечества с природой для полного ее подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, напряжении сил.

Но покоряя природу, которая окружает человека, в глубине души мы видим уже и преобразованную, покоренную природу человека прошлого. Властвовать над природой, значит быть выше её законов, а посему, – выше людей и законов, регламентирующих жизнь общества. Изменить человечество, значит превратить его из конгломерата разумов в монолит воли и интуиции, спаяв в единомыслии, – на одном дыхании выпалил Луначарский.

Горький одобрительно закивал головой. Здесь Бердяев взорвался:

– Позвольте, господа! Так это же утверждение субъективно-волюнтаристского подхода к реальности! Такие как вы первопрородцы нового мироустройства ведь дойдут до того, что самым жестоким образом будут загонять миллионы «несовершенных» человек в концлагеря, заставят кнутом и пряником писателей и литераторов создавать образ «нового» человека.

– Да, я убежден, нынешний человек должен жить ради будущего! – продолжал настаивать Луначарский.

– Но по своей сути, жизнь ради будущего, – это идея религиозная, – не соглашался Бердяев. – Только верующий человек может со смирением принимать все невзгоды, страдания и неупорядоченность жизни нынешней, земной, ожидая всевозможной и всеблаготворительной компенсации в мире ином. Как же вы, атеисты, можете сегодня выступать в духе религиозном, и сам социализм рассматривать как объект веры? Впрочем, правы были и Гоголь и Достоевский... Печальным виделось им наше будущее с такими богоискателями...

– Я стою на позициях позитивной эстетики... Своим умственным взором я вижу будущий дворец для трудящихся; он ещё не достроен, и вы нарисуете его в этом виде и скажете “Вот ваш социализм, – а крыши-то и нет”. Вы будете, конечно, реалистом – вы скажете правду: но сразу бросается в глаза, что эта правда в самом деле неправда...

– И опять – это фантазия, – не удержался Бердяев, – ведь может статься, что вы еще только роете котлован под этот дворец. Где же ваша правда жизни, где реализм материалиста-атеиста?!

При этих словах Бердяева Горький задумчиво начал смотреть в окно, а Луначарский, заерзав на стуле, взорвался:

– Вы не понимаете! Правда – она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит... и нужно ее видеть именно так, а кто не видит ее так – тот реалист буржуазный, а посему – пессимист, нытик и зачастую мошенник и фальсификатор и во всяком случае

вольный или невольный контрреволюционер и вредитель... С точки зрения социалистического реализма, это не правда – это ирреальность, ложь, подмена жизни мертвечиной.

Николай Александрович вздохнул и сочувствующе посмотрел на Родиона Валентиновича, ожидая его оценки происходящего. Тот не стал отмалчиваться:

– Тема сложная, философская. Но, что я слышу из уст известного литератора и публициста Луначарского? Я слышу потрясающую эквилибристику мысли, антидиалектику и софистику. Из заявления Анатолия Васильевича мне лично понятно, что жизни, исполненной смятения, переживаний, страданий душевных и телесных не место на страницах произведений нового реализма. Понятно и то, что неудобная правда для этой идеологии равноценна лжи. И уже совсем понятно, что чем масштабнее вымысел, а то и ложь, чем они фантастичнее, отвечая при этом интересам новоявленных апологетов, тем более они отвечают делу строительства социализма. Не правда ли?

– Вы не учитываете того, что в новых исторических условиях проявятся *инстинкты* и *дух* массы, влекомой историей к жизни по истине новой, – поддержал Луначарского Горький, пристально заглядывая в глаза то Родиону, то Бердяеву.

Бердяев, упершись взглядом в глаза Горького, с горечью произнёс:

– Алексей Максимович, не пристало пролетарскому писателю, гуманисту апеллировать к мистико-интуитивным аргументам. Побойтесь Бога, подумайте о том, не провоцируете ли вы с Луначарским своим «новым реализмом» многомиллионные жертвы...

– Нет, новый социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле!

– Но ведь «ради великого счастья жить на земле» вот в этих котлованах иллюзорно-фантастических дворцов для трудящихся, ваши выученики истребят многие и многие миллионы ни в чем не повинных людей. Жаль... история не один раз демонстрировала, что благими намерениями... – продолжал настаивать Бердяев.

– Да, возможно, будут жертвы! Но ведь дело-то какое великое задумано! – воскликнул Луначарский.

Здесь неожиданно Горький встал из-за стола и патетически произнёс:

– Эти жертвы мы вернём к жизни потом, после полной победы нашего дела. Да, будут мешать нам, но не по злу, а по непониманию. Вот этих непонимающих *сейчас* мы вернем из праха *потом* и покажем им, чему они мешали! Наша наука позволит сделать это!

Глаза Луначарского заблестели в восторге, а Бердяев в недоумении произнёс:

– Ммда... Вспоминается мне дух русской пророческой литературы. Вот, Константин Леонтьев, он еще в 1880 годы предсказывал, что коммунистическая революция в России будет тиранической и кровавой, что уничтожат либерально-радикальную интеллигенцию. И я сейчас вижу, как это будет делаться практически. И Владимир Соловьев предчувствовал исторические катастрофы, видел, что Россия поставлена перед бездной.

– Но были же и оптимисты!

– Ну, судя по тому, что вы верите во всеобщее воскрешение убиенных, точно вы считаете оптимистом Н.Ф. Федорова, – заметил Бердяев. – Да, Федоров искал Царства Божьего и имел свой план спасения. Предчувствуя апокалипсис коммунистического преобразования мира, он не видел в нем ничего фатального. Если люди объединятся ради «общего дела» воскрешения, то не будет царства антихриста, конца мира и страшного суда и люди перейдут непосредственно в жизнь вечную. Все зависит от активности людей, на которую, кстати, уповаете и вы с Алексеем Максимовичем.

Здесь Горький несказанно вдохновился:

– Да, бытие как деяние, как творчество, к тому же и неслыханная активность человека должны победить природу, организовать космическую жизнь, победить смерть и воскресить мертвых!

– И мы, большевики, это сделаем! – добавил Луначарский.

Бердяев не стал ему возражать, но обратил внимание «господ большевиков» на их слишком некритическую привязанность к учению Маркса, который основные идеи своего учения формулировал в середине прошлого века:

– Посмотрите внимательно на внутреннюю противоречивость этого учения, на разрыв между его идеалами и его методами. Экономическая сторона учения Маркса глубоко обоснована теоретически и оправдана морально. Но как только появится возможность к его практическому воплощению, сразу возникнут проблемы. Конечно, их попытаются разрешить, но поскольку идеалы утратят свою духовность, будет господствовать грубый материализм...

– Почему сразу материализм? – запротестовал Луначарский.

– Да потому, что для вас, большевиков, единственный путь к претворению идеалов учения лежит через вооруженную борьбу классов, через насильственный захват власти и диктатуру одного класса, чего ваши вожди и не скрывают.

Взглянув на часы, Бердяев заторопился и попрощавшись с собеседниками удалился. Вскоре ушли и Луначарский с Горьким.

Пролетарская революция, отчасти под водительством партии большевиков, отчасти под влиянием других партий, а в значительной мере под влиянием народной стихии бунта, набирала обороты. И даже в этой круговерти трагических событий лаборатория Родиона Валентиновича продолжала функционировать. Тесные контакты с ним продолжал поддерживать Григорий Зиновьев, систематически передавая необходимые суммы денег и обеспечивая защиту от чрезмерно ретивых чекистов. Некоторые из них, опасно приблизившиеся к тайне лаборатории, были уже беспощадно отстранены от жизни.

В середине января 1920 года в секретной обстановке состоялась встреча Родиона с Лениным и Зиновьевым. Владимир Ильич живо интересовался достижениями лаборатории, с восторгом принял сообщения о трансмутации, о клонировании. Просил Зиновьева лично поддержать средствами сиротский приют, в котором выросли клонированные дети.

– А теперь, Родион Валентинович, вопрос практический, – обратился к нему Ленин. – Вы – человек держащийся в отдалении от политики, но человек опытный, знаете, чем заканчиваются революции?

– Догадываюсь, Владимир Ильич.

– Думаю, что перспективы и нашей революции будут в русле исторической традиции. Так вот, продолжается жесточайшая Гражданская война. Жертв уже немеряно... А сколько еще будет...

Здесь Ленин на какое-то время замолчал, отпил чаю и продолжил:

– Буду откровенен с вами, Родион Валентинович, ибо мы давние знакомые. Есть люди, которые достойны того, чтобы жить даже в условиях послереволюционного террора своих по отношению к своим же...

– Да, есть разные, – меланхолично включился в беду Зиновьев.

– Как вы думаете, Родион Валентинович, чем может практически помочь ваша лаборатория в этом деле?

– Есть два пути, Владимир Ильич. Всё дело в душе...

– Родион Валентинович, я – атеист, боженька для меня не более чем сладкая иллюзия, а чужая душа – потемки... Так что, не надо о душе.

– Нет, Владимир Ильич, надо. Дело в том, что наши эксперименты с изменением внешнего вида человека, которое прежде всего касается его лица, показывают, что изменяется и психика человека, и его реакции на внешний мир, то есть он воспринимается людьми, ранее знавшими его, как совершенно другой человек. И это надо глубоко учитывать. Идя по этому пути, мы практически сохраняем уже другого человека.

– А как с бессмертием?

– Сегодня мы убеждены, что бессмертия нет в том смысле, как об этом мечтают фантасты. Но бессмертие есть в относительном аспекте. Возможно, пользуясь наличными у нас средствами, значительно продлить жизнь человека, ну, например, до нескольких сотен лет, – произнес Родион, глядя в глаза Ленина.

– И всё?

– Нет, насколько мы знаем сейчас, потом можно клонировать этого человека, многократно добавляя эти сотни лет.

– И он будет всё время оставаться тем же человеком? – с надеждой спросил Ленин.

– Отчасти...

– Как это понимать? – спросил Ленин, вплотную придвинувшись к Родиону.

– Всё дело в крови и в продолжительности жизни материнской особи.

– Кровь, кровь, – задумчиво произнёс Ленин. – Подождите, Григорий Евсеевич, а Богданов, что делает Александр Богданов?

– Он создаёт Институт крови, – подсказал Зиновьев.

– Это вам поможет в ваших экспериментах, Родион Валентинович?

– Если этот Институт будет отрабатывать нашу программу, естественно, не зная о нашей цели, то, надеюсь, поможет. А там, пусть занимаются и своими планами...

– Вот и отлично! – обрадовано воскликнул Владимир Ильич. – А что вы имели в виду, говоря о продолжительности жизни материнской особи?

– Эксперименты показывают, что после смерти материнской особи клонированная особь получает все материнские душевные качества.

– А что происходит до того? – взволнованно произнёс Ленин. – Душевные качества, то бишь психика, – другая?

– Да, другая, и более того, складывается ощущение психически ущербного человека. Сегодня под нашим наблюдением несколько клонированных детей разного возраста от двух до девяти лет. У двоих старших материнские особи умерли и мы видим у них нормальное психическое развитие. Остальные...

– Понятно, понятно... А вам, Григорий Евсеевич, всё понятно?

– Да, Владимир Ильич! Понятно, что надо создавать базу за границей, где-нибудь в тихой Швейцарии, а?

– Умница Григорий Евсеевич, не правда ли, Родион Валентинович?

– Правда, Владимир Ильич! Умный человек, всё схватывает на лету, – с улыбкой поддержал Родион вождя.

Серьезный разговор на какое-то время прервался. Молча пили чай, перебрасывались незначительными фразами о московской жизни, о событиях на фронтах. Наконец, Ленин, обращаясь к Зиновьеву, заметил:

– Григорий Евсеевич, займись созданием Русского дома где-нибудь в пригороде Лозанны и непременно чтобы в живописном. Думаю, – это лучший вариант. Продумайте с Родионом Валентиновичем, как его лучше обустроить, финансы, персонал, библиотека, окружение, конспирация и прочее и прочее. Что же касается наших московских проблем, какие трудности видите вы, Родион Валентинович?

– Есть опасность, поскольку некоторые московские чекисты проявляют ненужное рвение...

– В чём дело, Григорий?

– Владимир Ильич, необходимые меры я предпринимал.

– Значит, мало! Поручи провести тщательное и быстрое расследование, кто мог что-то знать. Наиболее опасных убрать немедленно, остальных отправить на фронт, в эпицентр боевых действий, и проследи, чтобы геройской смертью... Что же касается детского приюта, обеспечить работу без помех. Дети всё-таки...

– Сделаю, Владимир Ильич!

– Как насчет материальных средств, Родион Валентинович?

– Спасибо, Владимир Ильич, средств достаточно.

– Так что же будем делать с людьми *нашими*? – заметил Ленин, особенно напирая на последнем слове и заглядывая в глаза Родиона.

– Думаю, что пока надо создавать архив материалов для клонирования.

– Вот и отлично. Создавайте архив, а мы с Григорием Евсеевичем подумаем над тем, кого необходимо клонировать уже сейчас. Думаю, что ради жизни, пусть и «условно вечной», истинные большевики готовы претерпеть и грядущие репрессии от нового режима.

– А как вы лично, Владимир Ильич? – замялся Родион.

– Ах, вы об этом... Запомните, Ленин был, есть и останется навеки один!

– Запомнил. Тогда следующий вопрос, как скоро могут начаться упомянутые репрессии, Владимир Ильич? – спросил Родион.

– Лет через семь-восемь, – флегматично заметил вождь, на прощание пожимая его руку.

– Так я проведу гостя, – обратился к Ленину Зиновьев.

– Конечно, но помните о конспирации.

Вышли на улицу и Зиновьев осторожно, скорее даже робко, спросил Родиона:

– Последнее время Ильич иногда ведёт себя не совсем адекватно. Может быть, устал, а может быть... Вы мудрый человек, так, может быть, есть какая-то возможность предвидеть, сколько ещё осталось Владимиру Ильичу? Может, что-то можно сделать...

Родион внимательно посмотрел в лицо Зиновьеву, желая понять насколько искренно тот интересуется судьбой вождя. Затем Родион развернул ладонь и растопырил пальцы.

– Пять лет! – выдохнул Зиновьев. – Мало, очень мало.

Родион, подумав недолго, медленно прижал к ладони большой палец.

– Так, понятно, всё-таки всего лишь четыре... Но будет здоров? – с надеждой переспросил Зиновьев.

Родион отрицательно покачал головой:

– Увы, необратимые склеротические изменения уже начались...

– Тяжеловато нам будет без Ильича, – вздохнул Зиновьев, – но, авось, справимся. А, может быть, мы его как-нибудь, незаметно...

– Григорий Евсеевич, что вы говорите. Ленин ясно выразил свою волю.

И несколько слов в конце...

Поздней осенью 1922 года при участии Института крови в за-
конспирированной лаборатории при одной из пригородных москов-
ских больниц, специалистам под руководством доцента Р. удалось
добиться неожиданного успеха. Из опытного материала, из фрагмен-
тов тела живого человека, из фрагментов тканей и даже из костей,
взятых из давних захоронений, были получены первые человеческие
сперматозоиды, вполне жизнеспособные и пригодные для репродук-
ции. Была поставлена задача воспроизводства таким же путём и че-
ловеческой яйцеклетки, блестяще решенная уже через полгода.

При очередной встрече с Константином Эдуардовичем Циол-
ковским, проходившей именно в это время, о состоявшемся откры-
тии ему под большим секретом сообщил Родион. Циолковский был в
неописуемом восторге, технократический оптимизм его достиг
крайней степени:

– Ты представляешь, Родион Валентинович, – а жизнь наша не
прошла даром! И я кое-чего добился благодаря Николаю Федорови-
чу и тебе! Я уверен, что техника будущего даст человеку возмож-
ность одолеть земную тяжесть и путешествовать по всей Солнечной
системе. Уже в ближайшие годы земляне посетят и изучат все её
планеты. Наши люди, да, наши люди несовершенные миры ликви-
дируют и заменят собственным населением. Мы окружим Солнце ис-
кусственными жилищами, заимствуя материал от астероидов, планет
и их спутников. Всё это даст возможность существовать населению в
2 миллиарда раз более многочисленному, чем население Земли. От-
части она будет отдавать небесным колониям свой избыток людей,
отчасти переселенные кадры сами будут размножаться. Но самое
главное, размножение будет проходить страшно быстро, так как
огромное количество производимых нами в лабораториях яичек (яй-
цеклеток) и сперматозоидов будет пущено в дело.

Несколько помолчав, он уверенно продолжал свою речь:

– Заселив Солнечную систему, человек пойдёт дальше в просторы
Млечного Пути. Ведь Земля, как очаг жизни, крайне редкое явле-
ние во Вселенной. Потому мучительная жизнь Земли редкость, что
она получилась самозарождением, а не заселением. Но в космосе
господствует заселение, как процесс более выгодный, и значитель-
ность роли Земли в том, что она пополнит убыль регрессирующих
подод космоса.

Но спустя некоторое время Константин Эдуардович вдруг замолчал, очевидно, что-то припомнив. Родион заметил перемену в его настроении:

– Что-то случилось? – спросил он.

– Трудно стало работать. Рабочий класс, гегемон... Ты понимаешь, нет ничего духовного в продукции, произведенной этим рабочим классом, его интеллектуальная продукция ничтожна.

Родион внимательно посмотрел на Циолковского. Тот поднял глаза и их взгляды встретились.

– Да, ты прав, – заметил Родион. – Не надо всерьез принимать рабочий класс как творческую силу. Рабочий класс – не венец человечества, а его трагедия. Миллионы людей, потенциально ничем не отличающиеся от остального полноценного общества, осуждены этим обществом на духовную деградацию, на культурное вырождение: возня с машинами, радостное восприятие индустриального пейзажа, карты, водка, кабак, кинематограф. Но, пожалуй, самое страшное – это их боязнь тишины, ибо тишина ставит их лицом к лицу с их душевной опустошенностью.

Родиону припомнились его многочисленные поездки в Германию, Чехию, Польшу, его наблюдения над тамошней жизнью, его восприятие рабочего люда в тех европейских странах.

– Этот пролетариат восстаёт из небытия как серая масса, для которой природа мертва, философия смертельно скучна, литература и искусство доступны им лишь в самых примитивных формах, и только наука вызывает у них чувство инстинктивного уважения, как нечто такое, что выше их понимания. Особенность нашего времени в том и состоит, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, начинают всё увереннее, наглее и безбоязненнее утверждать своё право на заурядность, навязывая её всем и всюду. Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее. Это, наверное, беспокоит тебя более всего? – уточнил он у Циолковского.

– Как тонко ты всё это подметил, Родион Валентинович! И я порой смотрю на рабочего, на мелкого делопроизводителя и им подобных, и вижу всех их как тотальную массу. Но ведь ради их счастья мы с тобой работаем. Ведь они будут развиваться? Ведь не могли же мы и нам подобные жить бессмысленной жизнью, а? – с надеждой спрашивал Циолковский то ли Родиона, то ли самого себя.

Родион молча кивнул головой и ободряюще пожал руку старому товарищу. Сгорбившись, Циолковский уходил всё дальше и дальше по аллее институтского парка.

.....

Наступил печальный для «Общего дела» Родиона Вечного январь 1924 года. 21-го умер Ленин. 23-го были найдены мёртвыми профессора Д.И. Вахрушев и Г.Р. Симон, а также доцент Павел Р. На телах были явно видны следы насилия и пыток. Перед Родионом Валентиновичем встали неотложные проблемы, требовавшие принятия жестких решений.

.....

После смерти Ленина, несмотря на требования Крупской, Зиновьева и Богданова похоронить его по христианскому обычаю, Сталин настоял на своем предложении тело вождя забальзамировать и выставить для всеобщего обозрения.

.....

Институт переливания крови продолжал выполнять программы Лаборатории до самой героической смерти, руководившего им А.А. Богданова (1928). А умер Богданов вследствие проводимого на себе медицинского эксперимента. После этого Лаборатория прекратила свои отношения с Институтом.

.....

Дом, где находился «Бегемот», был снесен в 1932 году в соответствии с новым Генпланом Москвы и на его месте было выстроено огромное административное здание. Так один вход в Лабораторию был надежно уничтожен. В том же году Сталин отдал устный приказ: трупы умерших и расстрелянных руководителей партии и правительства, а также крупных военачальников сжигать и пепел рассеивать. С прахом «выдающихся», помещаемым в Кремлевскую стену, поступать так же. Об исполнении докладывать ему лично.

.....

В 1935 году, после взрыва храма Христа Спасителя, был разрушен и второй вход в Лабораторию, где под толщей земли и камня руководители лаборатории решили оставить основные архивы исследований, лабораторные дневники и огромную коллекцию материалов для клонирования. Таким образом, существовавшая *в Москве* Лаборатория прекратила свою деятельность...

1935 год оказался с самого начала роковым и для Григория Евсеевича Зиновьева, арестованного по сфабрикованному обвинению. Тюремные письма его к И.В. Сталину говорят о многом:

«10 апреля 1935 г. Еще в начале января 1935 года в Ленинграде в ДПЗ секретарь ЦК тов. Ежов, присутствовавший при одном из моих допросов, сказал мне: “Политически Вы уже расстреляны”.

Я знаю, что и физическое мое существование *нынче во всяком случае*³ кончается. Один я чувствую и знаю, как быстро и безнадежно иссякают мои силы с каждым часом, да и не может быть иначе после того, что со мной случилось...

14 апреля 1935 г. При всех обстоятельствах мне осталось жить *в этом теле во всяком случае*⁴ очень недолго: вершок жизни какой-нибудь, не больше.

Одного я должен добиваться теперь: чтобы об этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося...

Владимир Ильич был прав, говоря, что ради жизни, пусть и «условно вечной», истинные большевики готовы претерпеть и грядущие репрессии от нового режима... Что ж, претерпевать и моя доля.

1 мая 1935 г. Ну где взять силы, чтобы не плакать, чтобы не сойти с ума, чтобы продолжать жить...».

Будучи доставлен из Челябинской тюрьмы в Москву уже в качестве обвиняемого по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», Зиновьев пишет т. Сталину письмо:

«12 июля 1936 г. Состояние моё совсем плохое. Я боюсь, что не доеду.

Горячая просьба: издать мою книгу, написанную в В. Уральске. Она не кончена (не успел), но всё-таки главное сказано. Писал ее кровью сердца...».

.....

Поздним вечером 24 августа 1936 года военная коллегия Верховного суда СССР огласила приговор: высшая мера наказания – расстрел. Григорий Евсеевич встретил приговор спокойно. Приговоренных к смерти стали выводить из зала суда. Здесь, воспользовавшись моментом, Зиновьев попросил у Н.И. Ежова лист бумаги и карандаш:

³ Подчёркнуто Родионом Вечным.

⁴ Подчёркнуто Родионом Вечным.

– Хочу написать прощальное письмо старому другу – товарищу Сталину.

– Он вам давно *не товарищ*, – подчёркнуто резко возразил Ежов, но просьбу удовлетворил.

Ни на мгновение не задумываясь над текстом, Зиновьев быстро набросал записку. Сложив лист, на обороте крупно написал:

«Тов. И. Сталину. Лично. Строго конфиденциально».

Обращаясь к Ежову и передавая ему записку заметил:

– Читать не советую. Хотя, думаю, что всё равно очень скоро и вы последуете за мной.

Ежов осмотрелся, подозвал одного из следователей и спросил конверт. Через минуту чистый конверт нашли и подали. Ежов вложил записку в конверт, лично заклеил и подал Зиновьеву:

– Подпишите конверт! – потребовал он.

Зиновьев молча повторил имя адресата на конверте. Отобрав у него конверт, Ежов криво ухмыльнулся:

– Так что, Овсей-Гершен Аронович, считайте, что теперь вы уже не только политически, но и физически – расстреляны.

Через четверть часа конверт был доставлен Сталину. Удовлетворенно усмехаясь в усы, он достал из конверта записку и прочитал:

«ЗИНОВЬЕВ – СТАЛИНУ: после смерти.

И всё-таки, Коба, я тебе благодарен. Благодарен тебе – тогдашнему, молодому романтику-революционеру, мастеру эксов, что-то очень важное сделавшему во всяком случае для моего посмертного бытия.

Да, мне 53 года, дело моей жизни, очевидно, сейчас я не смог завершить...

Но вопреки всем сакральным тайнам, которым тебя учили в духовной семинарии, товарищ Коба, я сходу вступаю в третью «четверть». Думаю, что в этот раз закончу непременно и с отличием...

Без души, ещё телесно ваш, тов. И. Сталин, – Г. Зиновьев».

Куранты на Спасской башне начали отбивать полночь. Вождь набил трубку, встал из-за рабочего стола и подошёл к окну. На небе ярко блистали звёзды, резкая линия ровно посередине отделяла светлую часть Луны, окрашенную в кроваво-красный цвет, от тёмной.

Сталин сложил листок, но потом ещё раз развернул и перечитал. Какое-то время спустя в кабинет неслышно вошёл Поскрёбышев:

– Приговор приведен в исполнение, Иосиф Виссарионович. Будут какие-то указания?..

– Проследите, кто будет кремировать... Впрочем, они своё дело знают... Никаких следов, никакой памяти!

О Г Л А В Л Е Н И Е

Несколько слов в начале.....3

Часть первая

Глава первая. Рафаил Гриневский.....4
Глава вторая. Николай Федорович Федоров.....13
Глава третья. Сиддхартха.....22
Глава четвертая. Донат.....31
Глава пятая. Георгий Плеханов.....40
Глава шестая. Никола Тесла.....49

Часть вторая

Глава седьмая. Процентщица.....58
Глава восьмая. Константин Циолковский.....67
Глава девятая. Александр Михайлович.....75
Глава десятая. Дмитрий Иванович.....83
Глава одиннадцатая. Ян Кефер.....92
Глава двенадцатая. Алексей Пешков.....101

Часть третья

Глава тринадцатая. В. Ульянов (Ленин).....109
Глава четырнадцатая. А.А. Богданов и другие.....119
Глава пятнадцатая. Зиновьев. Прага.....126
Глава шестнадцатая. Гаврило Принцип.....136
Глава семнадцатая. Профессор П.П. Шульгин.....145
Глава восемнадцатая. А.В. Луначарский и другие.....152

И несколько слов в конце.....162

Наукове видання

Вандишев Валентин Миколайович

***Соціософія російського космізму,
або
«Спільна справа» Родіона Вічного***

Монографія
(Російською мовою)

Комп'ютерний набір В.М. Вандишева
Комп'ютерне верстання В.М. Вандишева
Художнє оформлення обкладинки В.О. Садівничого

Підписано до друку 10.09.2009.

Формат 60x84/16. Папір ксероксний. Гарнітура Times New Roman Cyt.

Друк офс. Ум. друк. арк. 8,85. Обл.-вид. арк. 9,65.

Тираж 400 пр. Вид. № 315.

Зам. №

Видавництво СумДУ при Сумському державному університеті
40007, Суми, вул. Римського-Корсакова, 2.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до

Державного реєстру ДК № 3062 від 17.12.2007.

Надруковано у друкарні СумДУ

40007, Суми, вул. Римського-Корсакова, 2.